198708 8

21 198 — 708

А. И. Комаровъ.

ПРАВДА

О

Переселенческомъ дѣлѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Альтшулера, Фонтанка, 96.
1913.

198 —
708

А. И. Комаровъ.

ПРАВДА

О

Переселенческомъ дѣлѣ.

1548/3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Альтшулера, Фонтанка, 96.
1913.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1186067

198 —
708

Вмѣсто предисловія.

Ну что же? Еже писахъ — писахъ. Каюсь. Все — что было помѣщено изъ Красноярска въ газетѣ «Новая Русь» за 1908, 1909 и 1910 г.г. по вопросамъ переселенія въ видѣ писемъ „о переселенческой сутолокѣ", въ видѣ статей „о культуртрегерахъ Чуно-Ангарскаго края" за подписью „Д. П." — все это принадлежитъ мнѣ — нижеподписавшемуся, статскому совѣтнику и кавалеру.

Дѣлаю раскрытіе своего псевдонима въ настоящее время не только потому, что мнѣ представляется къ этому возможность, но и потому, что я считаю себя нравственно обязаннымъ это сдѣлать.

Въ самомъ дѣлѣ, стоило ли центральному Переселенческому Управленію считаться со статьями, помѣщаемыми въ какой-то лѣвой газетѣ „Новая Русь", да еще за подписью никому неизвѣстнаго „Д. П.",— пишущаго, быть можетъ, только потому, чтобы какъ-никакъ да щипнуть ненавистное ему Управленіе и поставить такъ или иначе препоны всѣмъ его благоначинаніямъ?

Но уже съ 1909 г. Переселенческое Управленіе поняло, что замалчивать далѣе раскрываемые въ печати, хотя бы и псевдонимомъ, дефекты, по постановкѣ переселенческаго дѣла, какъ будто неудобно и начало присылать „ревизоровъ". Конечно ревизоры могли бы ѣздить не одни по ревизуемымъ районамъ и, конечно, они могли бы прихватить въ эти экскурсіи людей, въ переселенческой организаціи не

состоящихъ, а слѣдовательно, могущихъ показать и обратную сторону медали, но это, видимо, не оказывалось удобнымъ:—„Богъ его знаетъ, что такое могутъ показать эти свѣдующіе по переселенческимъ дѣламъ люди“...

Въ концѣ концовъ, въ печати противъ возводимыхъ „Новой Русью“ на дѣянія Переселенческаго Управленія обвиненій въ нераціональной постановкѣ дѣла ни г. Глинка — начальникъ Переселенческаго Управленія, ни присные его въ видѣ Г. Григорьева и К° возражать не рискнули. Да и трудно это было сдѣлать, такъ какъ, къ сожалѣнію, ни одного факта, начиная съ провода грани переселенческаго участка, чрезъ дома старожильческаго селенія д. Барги (корреспонденціи „Новой Руси“ №№ 118 и 240) вплоть до безпардоннаго разгрома наиболѣе цѣнныхъ лѣсныхъ богатствъ губерніи,—опровергнуть нельзя, какъ, смѣю думать, не придется опровергнуть и того, что мною въ настоящей брошюрѣ будетъ выяснено и помимо уже напечатаннаго ранѣе.

Не слишкомъ ли смѣло и не слишкомъ ли самонадѣянно ставите вы вопросъ?—могутъ замѣтить мнѣ.

— По чистой совѣсти могу отвѣтить—нѣтъ.

Въ продолженіи цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, за всю мою бытность въ качествѣ лѣсного ревизора по Енисейской губерніи я дѣлалъ весною, лѣтомъ и осенью не менѣе 1.500 верстъ въ среднемъ. Приходилось ѣздить и верхомъ, и ходить пѣшкомъ и плавать на лодкѣ, на плотахъ... словомъ, я описываю сейчасъ, какъ дѣлалъ это и раньше, только то, чему я былъ самъ лично свидѣтелемъ или что можетъ быть провѣрено—какъ слышанное отъ людей, не довѣрять которымъ я не вижу ни малѣйшаго основанія. Въ моемъ распоряженіи имѣется, да, думаю, будетъ и еще имѣться достаточное количество матеріаловъ по курьезной, чтобы не сказать печальной, постановкѣ переселенческаго дѣла, но отъ опубликованія ихъ я, впредь до провѣрки, пока воздерживаюсь.

Могутъ задать мнѣ и другой вполнѣ основательный вопросъ:

— Ну, а вы то что, многоуважаемый сэръ, получавшій весьма аккуратно каждое двадцатое число присвоенное Вамъ содержаніе и видѣвшій, что происходитъ такое государственное расхищеніе, или вѣрнѣе разгромъ сибирскихъ земель и лѣсовъ, предъ которымъ бывшее когда-то расхищеніе башкирскихъ земель—сущіе пустяки,—Вы то что же по сему поводу сдѣлали? Или если не сдѣлали, то хоть принимали ли какія нибудь мѣры для выясненія практикующагося зла предъ властями придержащими. Короче говоря, поступали ли вы какъ чиновникъ по долгу принятой вами при поступленіи на службу присяги?

Отвѣчаю:

Да, и мѣры принимали и выясняли, о чемъ очень краснорѣчиво могутъ засвидѣтельствовать канцеляріи многоразличныхъ правительственныхъ мѣстъ, начиная съ Губернскаго Правленія и дѣлалось это совсѣмъ не по долгу принятой присяги, а просто по долгу порядочнаго человѣка, который обязанъ предупредить своего сосѣда, если у того тащатъ носовой платокъ изъ кармана, хотя въ данномъ случаѣ этотъ платокъ равняется многимъ сотнямъ милліоновъ рублей. Теперь иначе, какъ съ краской стыда за себя и за своихъ коллегъ, я не могу вспомнить нашихъ оффиціальныхъ выпадовъ, донесеній и вообще курьезнаго ломанія копій по поводу происходящихъ безобразій въ переселенческомъ дѣлѣ и мнѣ, сѣдому уже человѣку, страшно стыдно своей былой наивности. Печатая свои письма „о переселенческой сутолокѣ“ въ „Новой Руси“ я думалъ, что авось хоть этимъ то добьюсь чего-нибудь и дѣйствительно добился... инспирированныхъ заранѣе „ревизоровъ“. Окончательно же разочаровался я сдѣлать что нибудь тѣмъ путемъ, которымъ шелъ, послѣ поѣздки въ Сибирь въ августѣ 1910 г. премьеръ-министра П. А. Столыпина и главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ г. Кривошеина или вѣрнѣе послѣ рѣчи послѣдняго, произнесенной имъ въ сентябрѣ 1910 г. съ площадки министерскаго вагона на станціи „Тайга“

и обращенной къ сибирскимъ представителямъ „переселенческой сутолоки“. Суть рѣчи г. главноуправляющаго сводилась къ тому, что онъ, главноуправляющій, чрезвычайно радъ, что чины переселенческой организаціи оказались на высотѣ своего положенія и поставленныхъ имъ задачъ, за что онъ имъ глубоко благодаренъ и что онъ не сомнѣвается и въ будущемъ ихъ на пользу отечества благодѣтельномъ рвеніи. Въ концѣ рѣчи главноуправляющій выразилъ нѣкоторое недоумѣніе и вмѣстѣ сожалѣніе о томъ, что многое изъ того, что должно быть прежде всего извѣстно ему, страннымъ образомъ раньше появляется въ оппозиціонной печати, считаться съ которой, разумѣется, не стоило бы, но принимая во вниманіе значительные круги общества, къ сожалѣнію, вѣрящіе именно этой печати, все же... и т. д. Въ общемъ же все обстоитъ великолѣпно, а потому и благополучно...

Послѣ этой рѣчи для меня стало яснымъ, что главные кормчіе государственнаго корабля пріѣхали не затѣмъ, чтобы провѣрить, какъ въ дѣйствительности обстоитъ дѣло, а исключительно ради того, чтобы сказать, когда это окажется нужнымъ: „мы сами были на мѣстѣ, сами все видѣли“.

Многое ли видѣли премьеръ-министръ и г. главноуправляющій, „прослѣдовавшіе“ по переселенческимъ участкамъ—говорить не буду. Эта буфонадная поѣздка, получившая должную оцѣнку, увы, въ той же оппозиціонной печати; этотъ вояжъ—весьма схожій съ путешествіемъ Екатерины Великой по Новоросіи, причемъ роль Потемкина по предписанію изъ Петербурга пришлось исполнить г. Шуману, завѣдывающему переселеніемъ и землеустройствомъ въ Томской губерніи, для меня лично принесъ большую пользу, давъ мнѣ послѣдній толчокъ къ тому, чтобы я бросилъ службу и издалъ настоящую брошюру.

Заранѣе извиняюсь предъ читателемъ за то, что онъ не встрѣтитъ въ моемъ трудѣ той систематичности, которая была бы желательна. Но дѣло въ томъ,

что, когда я началъ въ „Новой Руси“ свои разоблаченія переселенческой неурядицы, я не разсчитывалъ, что у меня за послѣдующее время по этому вопросу накопится такая масса, бьющаго по нервамъ своей яркостью, матеріала, что мнѣ впослѣдствіи неминуемо придется расширить рамки описываемаго въ нѣчто болѣе полное. Вотъ почему, рѣшивъ перепечатать въ настоящей брошюрѣ всѣ письма изъ „Новой Руси“, равно какъ и все то, что удалось выяснить мнѣ еще и впослѣдствіи, окончательные выводы я дѣлаю въ концѣ брошюры, тѣмъ болѣе, что сдѣлать ихъ въ газетѣ, за прекращеніемъ изданія, я не могъ.

Еще одно. Мнѣ могутъ, пожалуй, поставить въ упрекъ, что, описывая Енисейскую губернію, я дѣлаю слишкомъ общіе выводы по всему переселенческому дѣлу. На это скажу, что, во первыхъ, я недурно знаю и Тобольскую губернію, гдѣ былъ лѣсничимъ въ продолженіи пяти лѣтъ, знакомъ немного и съ Иркутской и съ Томской, а во вторыхъ, дѣло идетъ, собственно говоря, объ общей системѣ заправилъ переселенческаго дѣла, а она очень проста, чтобы не сказать беззастѣнчива: пришелъ, экспропріировалъ все, что можно и чего нельзя и принесъ все сіе съ низкимъ поклономъ на алтарь россійскаго всемогущаго аграрнаго Молоха.

Пользуясь случаемъ, приношу свою искреннюю и глубокую благодарность Переселенческому Управленію. Не дай оно мнѣ, въ числѣ прочихъ чиновъ, возможности ознакомиться съ вновь открываемыми въ таежныхъ дебряхъ колонизаціонными районами— не было бы, пожалуй, и настоящей брошюры, такъ какъ ѣздить недѣлями по мѣстамъ, трудно проходимымъ, сопряжено всегда съ очень значительными матеріальными расходами.

Правда о переселенческомъ дѣлѣ.

Изъ газетъ уже извѣстно, что въ переселенческомъ дѣлѣ далеко не все и не вездѣ обстоитъ благополучно. Въ чемъ именно, или вѣрнѣе, въ какихъ именно суммахъ, нераціонально истраченныхъ на переселенческое дѣло, выразилось это неблагополучіе мы пока еще не знаемъ, но уже a priori можно предполагать, что суммы эти выражаются сотнями тысячъ. Такое на первый взглядъ чрезвычайно смѣлое предположеніе можно сдѣлать по фактическимъ даннымъ по переселенческому дѣлу въ Енисейской губерніи.

Въ февралѣ 1908 г. двумя подрядчиками по дорожно-строительному отдѣлу мѣстнаго переселенческаго управленія г.г. Рачинскимъ и Піотровичемъ чрезъ нотаріуса было представлено въ управленіе 11.000 руб. какъ „переполученные ими“ при постройкѣ дорогъ на нужды переселенческаго управленія въ Енисейской губерніи.

Понятенъ подрядчикъ, не исполнившій контрактныхъ условій, понятенъ подрядчикъ „недополучившій“, но подрядчикъ „переполучившій“ и возвращающій излишне полученное, оказался непонятенъ, какъ для мѣстныхъ властей, такъ и для центральныхъ.

Предстояло рѣшить дилемму:

— Или это люди, желающіе быть внѣ конкурренціи на монтіоновскую премію за изъ ряда вонъ выходящую добродѣтель, или просто господа, съ кѣмъ-то и что-то не подѣлившіе.

Что же осталось дѣлать, какъ не назначить комиссію изъ мѣстныхъ чиновъ различныхъ вѣдомствъ и спеціальностей...

Съ первыхъ же шаговъ комиссія должна была констатировать фактъ полнаго непричастія къ возможности полученія монтіоновской преміи г.г. Рачинскимъ и Піотровичемъ, но категорически высказаться о томъ, „была или нѣтъ срыта гора на ровномъ мѣстѣ“ вышеупомянутыми подрядчиками, вкупѣ и влюбѣ съ состоявшимъ на службѣ въ переселенческомъ управленіи вольнонаемнымъ инженеромъ Куницкимъ, не рѣшилась, отложивъ окончательно рѣшеніе вопроса до весны, т. е. до фактической повѣрки дорогъ. Однако комиссіи удалось выяснить полное отсутствіе какихъ бы то ни было исполнительныхъ смѣтъ по работамъ, хотя послѣ постройки времени прошло уже достаточно и — невозможный сумбуръ въ денежной отчетности, гдѣ кредиты на постройку дорогъ перемѣшались съ кредитами на жалованье служащимъ, кредитами на постройку пунктовъ и съ расходами на извозчиковъ и носильщиковъ...

Весною пріѣхалъ командированный главнымъ управленіемъ землеусттройства и земледѣлія статскій совѣтникъ Розаліонъ-Сошальскій и при участіи комиссіи, изъ чиновъ, большею частью состоящихъ при Иркутскомъ Генералъ-Губернаторѣ, произвелъ по профилямъ фактическую повѣрку построенныхъ дорогъ. Результатъ ревизіи превзошелъ самыя печальныя ожиданія. По подсчетамъ Розаліона-Сошальскаго недохватка оказалась около 300.000 руб.... Допуская, что, въ пылу служебнаго усердія, комиссія сгустила, такъ сказать, краски даже на 50 %, все же сумму растраты нельзя счесть незначительной, тѣмъ болѣе что проведеніе дорогъ продолжалось всего лишь одинъ годъ. Въ настоящее время слѣдствіе ведется слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, и финалъ всей этой исторіи долженъ закончиться въ красноярскомъ окружномъ судѣ, гдѣ, нужно ду-

мать, порядки переселенческой организаціи и получатъ свое истинное освѣщеніе.

Мыслима ли переселенческая организація въ ея настоящемъ видѣ безъ хищеній? Съ спокойной совѣстью и полной увѣренностью отвѣчаю — нѣтъ. Нѣтъ потому, что съ самаго момента усиленнаго движенія въ Сибирь переселенческой волны, дѣло это оказалось поставленнымъ на шаткую почву не только полной со стороны центра неосвѣдомленности о своихъ собственныхъ техническихъ силахъ и особенно о качественной сторонѣ ихъ, но и полной неосвѣдомленности о мѣстныхъ условіяхъ сибирской жизни.

По этому поводу мнѣ невольно вспоминается краткій и характерный діалогъ, который произошелъ между бывшимъ главноуправляющимъ землеустройства и земледѣлія княземъ Васильчиковымъ и завѣдывавшимъ переселенческимъ дѣломъ въ Енисейской губерніи г. Сергѣевымъ на одномъ изъ совѣщаній по переселенческому вопросу.

— Сколько вы, г. Сергѣевъ, разсчитываете дать намъ текущимъ лѣтомъ долей?

— Тысячъ тридцать возможно разсчитывать, ваше сіятельство.

— Но намъ нужно шестьдесятъ и ни доли меньше...

— Слушаю-съ.

Да и что иное могъ отвѣтить подчиненный на безапелляціонное желаніе или вѣрнѣе рѣшеніе начальства, видѣвшаго въ нарѣзкѣ наибольшаго количества долей чуть не радикальное разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Россіи. Конечно, будь это не совѣщаніе исключительно начальниковъ отдѣльныхъ частей, будь на это совѣщаніе приглашаемы не одни лишь чиновники, а кое-кто изъ мѣстныхъ, знающихъ край, лицъ, вопросъ, быть можетъ, получилъ бы значительно иное освѣщеніе. Во всякомъ случаѣ князь Васильчиковъ зналъ бы, что степныя и подтаежныя мѣстности въ Енисейской губерніи израсходованы пожалуй полностью, а если встрѣчаются годныя немед-

ленно же подъ заселенія мѣста, то это лишь тѣ незначительные клочки, которые остаются послѣ земельнаго устройства старожиловъ и, разумѣется, далеко не вездѣ. Узналъ бы, вѣроятно, онъ и то, что кадры производителей работъ, съемщиковъ и иныхъ техническихъ силъ не могутъ возникнуть по мановенію ока, какъ бы это ни было необходимо въ данный моментъ, что съ такими силами производить опыты переселенія въ широкихъ размѣрахъ по меньшей мѣрѣ неосторожно. Да и мало ли что могъ бы еще узнать князь Васильчиковъ, въ качествѣ главноуправляющаго, объѣхавшаго нѣсколько участковъ въ Енисейской губерніи съ быстротою, которой, вѣроятно, позавидовали бы и щедринскіе помпадуры, ѣздившіе съ свойственной имъ стремительностью изъ губерніи Манечкиной въ губернію Людмилочкину и обратно.

Многое заставляетъ думать насъ, что собранный княземъ „сырой“ матеріалъ, даже и въ томъ неполномъ освѣщеніи, въ которомъ онъ только и могъ представиться князю, оказался настолько „горючимъ“, что отъ опубликованія его болѣе удобнымъ было признано воздержаться.

Есть или нѣтъ въ Енисейской губерніи земли, пригодныя въ настоящій моментъ подъ заселеніе и въ какомъ количествѣ?

Переселенческимъ дѣломъ я интересуюсь уже около двухъ десятковъ лѣтъ. Упоминать о тѣхъ колебаніяхъ, которыя въ глазахъ центральной власти претерпѣвало это дѣло въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ будетъ излишне, ибо этотъ вопросъ достаточно обстоятельно разработанъ въ литературѣ, а потому перейдемъ сразу къ 1907 г. и въ особенности къ 1908 г.—времени, когда переселенческій вопросъ нельзя не считать наиболѣе обострившимся.

Уже въ концѣ 1907 г. появились признаки того, что въ Сибири «съ землицей не все обстоитъ благополучно». Съ этого времени начались первыя въ то время еще не особенно острыя пререканія между переселенческими чинами—съ одной стороны, и чи-

нами лѣсного вѣдомства — съ другой по вопросу о выдѣленіи участковъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ подъ переселеніе. Уже въ то время съ достаточной ясностью обнаружилось, что колонизаціонный фондъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи не только степныхъ, но и подтаежныхъ мѣстностей и участки волей-неволей приходится отводить въ тайгѣ. Но нарѣзать участокъ въ глухой тайгѣ значило заранѣе обречь его на то, что заселенъ онъ не будетъ. И съ этого времени мѣстное переселенческое управленіе начинаетъ обнаруживать строго проводимую имъ до сего времени тенденцію отвода участковъ по линіи желѣзной дороги и по сплавнымъ рѣкамъ. А такъ какъ въ этихъ же мѣстахъ расположены всѣ наиболѣе цѣнныя казенныя лѣсныя дачи, въ большинствѣ уже устроенныя, то въ результатѣ пререканія между переселенческимъ управленіемъ и управленіемъ государственными имуществами въ 1907 г. не могли не принять болѣе острой формы. Да и въ самомъ дѣлѣ положеніе для обѣихъ сторонъ получалось довольно таки щекотливое. Волны переселенія, взбудораженныя въ Россіи на этотъ разъ уже не злонамѣренными людьми, а благонамѣренными земскими начальниками, никакъ не хотѣли считаться съ тѣмъ, что участки не готовы, что дороги къ нимъ не проведены, что переселенческіе пункты еще строятся и т. д. И вотъ началось то, что я и называю «переселенческой сутолокой». Начались самовольныя заселенія облюбованныхъ переселенцами мѣстъ въ названныхъ лѣсныхъ дачахъ, захваты оброчныхъ статей, запасныхъ участковъ, предназначавшихся когда-то подъ насажденіе дворянскаго землевладѣнія въ Сибири и пр. и затѣмъ, конечно, началось выдвореніе самовольныхъ засельщиковъ съ тѣмъ рядомъ грустныхъ и часто жестокихъ сценъ, описывать которыя было бы излишне... Видя бѣду неминучую, переселенческое управленіе мобилизовало всѣ свои силы, для чего прежде всего прекратило поземельное устройство старожиловъ, призвавъ всѣхъ чиновъ къ устройству новыхъ переселенческихъ

участковъ. Затѣмъ былъ набранъ цѣлый штатъ техниковъ съемочнаго дѣла. Иногда это были лѣсные кондуктора, которымъ улыбалось содержаніе топографовъ, иногда помощники машинистовъ, прослужившіе на желѣзныхъ дорогахъ чуть не десятокъ лѣтъ и объ астролябіи и теодолитѣ имѣвшіе болѣе чѣмъ смутное понятіе, иногда это были просто выдержавшіе экзаменъ въ мѣстномъ управленіи государственными имуществами на званіе межевщика молодые люди, своевременно не поладившіе съ наукой въ городскомъ училищѣ или гимназіи. Вотъ при такихъ то условіяхъ началась въ 1907 г. интенсивная дѣятельность переселенческаго управленія, продолжаясь и въ 1908 г. О какой либо системѣ, планомѣрности работъ, предварительной рекогносцировкѣ мѣстности, при такомъ техническомъ составѣ нечего было и думать. Правда, было три-четыре производителя работъ со спеціальнымъ высшимъ лѣснымъ образованіемъ, что наравнѣ съ агрономическимъ, необходимо при рекогносцировкахъ въ тайгѣ, но все это были молодые люди, терявшіеся при видѣ необъятныхъ сибирскихъ пространствъ и, само собою разумѣется, не имѣвшіе возможности сразу примѣнить къ рекогносцировкѣ тотъ широкій масштабъ, который только и долженъ быть примѣняемъ при такого рода работахъ. И вотъ началось то, чего и нужно всегда ожидать, когда съ малымъ, вѣрнѣе, съ невѣрнымъ масштабомъ, подходятъ къ большому дѣлу. Брали по кусочкамъ, брали то, что въ первую голову попадало на глаза—лишь бы помѣстить, лишь бы отвязаться отъ тѣхъ десятковъ изнуренныхъ. истомленныхъ лицъ, которыя торчатъ на переселенческомъ пунктѣ, стоятъ часами въ прихожей переселенческаго управленія, лѣзутъ неизвѣстно зачѣмъ цѣлой гурьбой въ губернское управленіе и вообще не оставляютъ въ покоѣ ни одного присутственнаго мѣста.

Но, однако, въ общемъ дѣлу это помогало мало.

Какъ ни рвались по кусочкамъ, устроенныя чуть не вчера, казенныя лѣсныя дачи, на что также въ

свое время былъ израсходованъ не одинъ десятокъ ты сячъ рублей, какъ ни было уступчиво, быть можетъ и не безъ давленія свыше, мѣстное лѣсное управленіе, несомнѣнно не безъ нѣкоторой грусти томной взиравшее на то, какъ, выражаясь мягко, необоснованно нарушаются всѣ самыя примитивныя требованія раціональнаго лѣсного хозяйства и интересы старожильческаго населенія—все же часть участковъ, въ концѣ концовъ, пришлось отводить въ тѣхъ мѣстахъ, куда не особенно часто залетаетъ съ костями и воронъ. Началась скоропалительная рекогносцировка для отысканія земель въ колонизаціонный фондъ. Пріѣхало изъ Петербурга нѣсколько молодыхъ геоботаниковъ, а изъ мѣстныхъ силъ въ дѣлѣ отысканія земель, годныхъ подъ переселеніе, принялъ видное участіе небезъизвѣстный впослѣдствіи по своимъ грандіознымъ изысканіямъ инженеръ Шеръ.

Къ экспедиціи готовились основательно. Все было предусмотрѣно. Не только сухари, галеты и консервы, но даже и шоколадъ въ плиткахъ, въ количествѣ чуть ли не десяти пудовъ на каждую экспедицію, наряду, разумѣется, съ соотвѣтственнымъ количествомъ коньяка и спирта. Мало ли что можетъ случиться въ тайгѣ! Г. Шеръ былъ еще предусмотрительнѣе — онъ захватилъ съ собою кромѣ обычныхъ переметныхъ сумъ еще и двухколесныя для перевозки багажа телѣжки, которыя, къ слову сказать, едва ли не на первомъ же перегонѣ пришлось бросить, ибо своеобразная сибирская тайга не всегда привѣтливо относится къ изобрѣтеніямъ культуры... Наконецъ, сборы были окончены. Одна экспедиція отправилась на югъ, въ Усинскій край, двѣ на востокъ, а инженеръ Шеръ, какъ наиболѣе опытный изслѣдователь, отправился на сѣверъ, въ Чунско-Ангарскій районъ.

Къ осени экспедиціи возвратились обратно, но результаты рекогносцировки далеко не повсемѣстно оправдали ожиданія. Правда, все взятое съ собой было использовано — включительно до шоколада въ

плиткахъ, но изслѣдователи Усинскаго края категорически заявили, что край этотъ, если и течетъ молокомъ и медомъ, то развѣ лишь для однихъ Минусинскихъ купцовъ, ведущихъ тамъ мѣновую торговлю съ сойотами на исконно-русскихъ коммерческихъ началахъ, т. е. обирая инородцевъ. Для цѣлей же переселенія край оказался безусловно непригоднымъ. Не лучше обстояло дѣло и съ двумя восточными экспедиціями. Кое что было найдено, но въ общемъ очень и очень немного въ сравненіи съ милліонными районами изслѣдованія. Зато инженеръ Шеръ превзошелъ всякія ожиданія начальства. Не менѣе 600.000 десятинъ было найдено имъ подъ будущія заселенія, долженствующія оживить пустынный Сѣверный край. Изслѣдованія инженера Шера были обстоятельны. Они были обстоятельны настолько, что изслѣдователь, кромѣ прямой задачи, произвелъ еще и цѣлый рядъ изслѣдованій, совершенно непредусмотрѣнныхъ. Край былъ обслѣдованъ имъ не только съ сельско-хозяйственной и лѣсоводственной точки зрѣнія, но имъ не оставлены были безъ вниманія какъ этнографическія и бытовыя особенности края, такъ и его религіозный укладъ жизни. Наряду съ коллекціями сѣмянъ пшеницы, овса и другихъ злаковъ, наряду съ луками, стрѣлами и фотографическими снимками, неутомимый изслѣдователь, чуть не съ опасностью для жизни, какъ можно было судить по отзывамъ мѣстныхъ газетъ, вывезъ даже деревяннаго коня... Это былъ простой маленькій деревянный, грубо сдѣланный конь, котораго можно видѣть, если не у любого шамана, то во всякомъ случаѣ у мальчишекъ, которымъ тятька съ базара за двѣ копѣйки привозитъ въ подарокъ почти такого же коня и притомъ совершенно безъ всякой опасности для своей родительской жизни, такъ что рисковать своею жизнью для г. Шера едва ли представлялось необходимымъ...

Совершенно случайно мнѣ пришлось видѣть представленную инженеромъ Шеромъ рекогносцировочную карту обслѣдованія, гдѣ линія хода экспедиціи была

намѣчена прямыми, непрерывающимися чертами, а все остальное, въ томъ числѣ и пресловутые 600.000 дѣльниковъ—показаны пунктиромъ, т. е. изслѣдователь ограничился разспросами, а самъ тамъ не былъ, да и не могъ быть, такъ какъ, судя по масштабу, одни мѣста, годныя подъ переселеніе, отстояли отъ линіи слѣдованія экспедиціи верстахъ въ пятидесяти, другія во ста, а иныя и болѣе того; значитъ заходить туда г. Шеръ, принимая во вниманіе сравнительную кратковременность экспедиціи (онъ воротился въ Красноярскъ въ началѣ іюля), конечно, не могъ. Такъ, видимо, поняло дѣло и непосредственное начальство г. Шера и перешло къ старому, испытанному способу—окончательному разгрому казенныхъ лѣсныхъ дачъ, что въ 1908 г. и было выполнено въ достаточной мѣрѣ успѣшно.

Словомъ, наступила настоящая «дѣйствительность», вопреки соображеніямъ г. Успенскаго, который, въ качествѣ ревизора переселенческаго дѣла, въ статьѣ «Дѣйствительность, а не мечты», балансируя цифрами, доказывалъ, что въ Енисейской губерніи имѣются еще необъятныя пространства, годныя чуть-чуть не подъ немедленное заселеніе. Конечно, это балансированіе, гдѣ г. Успенскій великодушно оставляя въ пользованіе населенія губерніи 20% лѣсной площади и отчисляя 50% въ неудобныя земли, получилъ 30% земель, годныхъ подъ заселеніе, и было въ концѣ концовъ только балансированіемъ, основаннымъ на невѣрныхъ картахъ и на полномъ незнакомствѣ съ мѣстными условіями, но на то же это и было измышленіями изъ центра... И я увѣренъ, что если бы г. Успенскій по тому же вопросу вздумалъ теперь писать статью, то вѣроятно онъ назвалъ бы ее какъ разъ наоборотъ прежнему заглавію, т. е. «Мечты, а не дѣйствительность».

Обратимся къ другимъ вопросамъ, поглощавшимъ вниманіе переселенческаго управленія въ 1907 г. Ну, хотя бы къ вопросу о постройкѣ дорогъ къ переселенческимъ участкамъ, которыхъ въ глухой тайгѣ все таки было нарѣзано достаточное ко-

личество. Къ сожалѣнію и этотъ отдѣлъ переселенческой организаціи страдаетъ крупными недостатками. Составъ техниковъ и здѣсь, какъ и техниковъ занимающихся исключительно межевыми работами, заставляютъ желать лучшаго. И что особенно важно, хуже всего обстоитъ дѣло съ предварительными изысканіями, т. е. какъ разъ съ тѣмъ, что должно служить основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ разсчетовъ по проведенію дорогъ. Зависитъ это отъ того, что именно на изысканіяхъ и работаютъ техники, вольнонаемные по преимуществу, съ которыми всѣ разсчеты нерѣдко оканчиваются тотчасъ же по возвращеніи ихъ съ полевыхъ работъ и, слѣдовательно, за представленныя ими невѣрныя данныя они могутъ не бояться. Результатъ получается тотъ, что ни одинъ опытный техникъ не приступаетъ къ работамъ по проведенію дороги до тѣхъ поръ, пока самъ лично не произведетъ провѣрку сдѣланнаго изысканія, т. е. одна и та же работа дѣлается дважды и только лишь затѣмъ, чтобы убѣдиться, что первоначальный профиль составленъ чуть ли не на глазъ. Да и эта повѣрка не всегда возможна. Такъ, напримѣръ, условіе съ подрядчикомъ заключено въ мартѣ и иногда въ февралѣ. Техникъ пріѣзжаетъ съ подрядчикомъ, у котораго уже нѣсколько десятковъ рабочихъ. Ждать невозможно. Приступаютъ къ работамъ, которыя въ это время техникъ при массѣ снѣга и отсутствіи силъ провѣрить не въ состояніи. Понятно, при окончательной пріемкѣ получаются казусы совершенно непредвидѣнные.

Кромѣ того, вся отвѣтственность за сдѣланныя работы, отвѣтственность по пріемкѣ работъ лежитъ исключительно на старшихъ техникахъ. Инженеръ, завѣдующій работами въ качествѣ вольнонаемнаго, не отвѣчаетъ ни за что, какъ это выяснилось изъ дѣла инженера Куницкаго, который, какъ человѣкъ опытный, письменныхъ слѣдовъ, разумѣется, не оставилъ тамъ, гдѣ ихъ не слѣдовало оставлять. Слѣды эти оставили лишь неопытные старшіе тех-

ники, съ которыми у г. Куницкаго разговоръ былъ весьма короткій:

— Или выдавай квитанцію на недостроенный пунктъ, на недостроенную дорогу, или убирайся со службы.

Такъ требовалъ г. Куницкій и такъ было съ техниками Сергѣевымъ и Новицкимъ, уволенными за то, что они не пожелали подчиниться своеобразнымъ требованіямъ вольнонаемнаго путейскаго инженера Да и могли ли старшіе техники поручиться за то, что произведенныя ими работы соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Несомнѣнно нѣтъ. Районы для завѣдыванія давались такіе, что техникъ, если бы всѣ двадцать четыре часа въ сутки только и дѣлалъ, что принималъ работы — все равно принять бы ихъ самолично не могъ и, слѣдовательно, ему волей-неволей приходилось довѣрять своимъ товарищамъ по работѣ, лицамъ нерѣдко также вольнонаемнымъ, довѣрять десятникамъ, производившимъ обмѣръ кубатуры, пріемку мостовъ, частей и т. д. Въ результатѣ разборъ дѣла въ окружномъ судѣ, гдѣ на скамьѣ подсудимыхъ будутъ сидѣть люди виновные въ томъ, что центральное переселенческое управленіе въ своей торопливости къ скорѣйшей нарѣзкѣ участковъ, сумѣло организовать дѣло такъ, что не попасть подъ судъ лицамъ работавшимъ оказалось невозможнымъ.

Понятное дѣло, что, при указанныхъ дефектахъ, постройка дорогъ не могла идти хоть мало-мальски сносно и мнѣ совершенно невольно вспоминается сцена, свидѣтелемъ которой я случайно оказался въ концѣ сентября 1908 года. Сценка эта настолько характерна, что я позволю привести ее полностью.

Мнѣ пришлось переправляться на плашкоутѣ чрезъ р. Енисей. Дулъ сѣверный холодный хіюзъ и всѣ, кто могъ, торопились забраться въ крохотную теплушку плашкоута. На палубѣ кромѣ меня оставалось всего пять-шесть человѣкъ и въ томъ числѣ два господина—одинъ въ романовскомъ полушубкѣ, а другой въ дохѣ. Видимо, это были знакомые. Сидя

на лавочкѣ около борта плашкоута, они мирно бесѣдовали, не особенно стѣсняясь въ выраженіяхъ.

— Ну и дорожку построили, чтобъ ихъ черти взяли!—говорилъ господинъ въ дохѣ.—И какой только идолъ ее проводилъ? — шестнадцать верстъ на парѣ еле-еле дотащился.

— Это вы ежели на счетъ дороги изъ Тинской на Туманшетъ и Ингашетъ — такъ проводилъ то ее я,—отозвался господинъ въ полушубкѣ. И не только проводилъ, но даже его сіятельство, князя Васильчикова, со скоростью чуть ли не пятнадцати верстъ въ часъ по ней возили. А послѣ того Розаліонъ-Сошальскій изволили по ней проѣзжать и тоже хвалили и даже руку технику подали...

— Да вѣдь дорога то, сознайтесь, ни къ черту!

— Совершенно съ вами согласенъ-съ. Сдѣлана, скажу по совѣсти, вполнѣ отвратительно...

— Но какъ же такъ у васъ все это ловко вышло? изумилась доха.

— Да такъ-съ!—Когда еще вели мы эту самую дорогу, такъ распоряженіе отъ г. Куницкаго вышло чтобы все, что изъ боковыхъ канавъ, на полотно валить, Ну, мѣсто, знаете, сырое, таежное... Побойтесь Бога, говорю, Анатолій Вячеславовичъ, тутъ на дорогу то травъ бы какихъ или сѣмянъ что-ли разбросать, такъ и то впору, а это, ей Богу, пучину устроимъ... Ну, вы его знаете, каковъ онъ. Закрутилъ свои великолѣпные усы, да и говоритъ: „чертъ васъ знаетъ, какую вы ерунду, милѣйшій, прете!.. У насъ въ путейскомъ вѣдомствѣ траву то подстригаютъ, а вы нарочно ее проектируете разводить... Да еще говорите, грязь на сторону изъ канавъ выбрасывать. Помилосердствуйте, почтеннѣйшій, какія же у насъ фотографіи-то выйдутъ?!..

— Но какъ же все-таки князя-то провезли съ такимъ шикомъ?—поинтересовалась доха.

— А ужъ это никто, какъ Богъ. Сжалился, должно быть, Отецъ Небесный, на наши слезы подрядческія, да и послалъ засуху, а мы передъ этимъ каточкомъ два раза проѣхали... Вотъ и вышло за первый сортъ.

Библиотека РСФСР

Ну, а ежели бы не жары,— такъ, прямо сказать была бы намъ крышка... Черезъ недѣлю, знаете-ли послѣ князя-то пошли дожди... и догадай меня нелегкая поѣхать туда по дѣлу. Такъ что вы думаете? Бросилъ, вѣдь, на пятой верстѣ тележку-то... Да ужъ такъ, доложу вамъ, о двуконь, верхомъ, еледобрался. Вотъ вамъ и дорога. Даромъ что восемьдесятъ тысячъ рублей стоила, стало быть, по тысченкѣ верста...

— Та-а-а-къ-съ... задумчиво протянулъ господинъ въ дохѣ.

— А какъ же вы съ Розаліонъ Сошальскимъ то подѣлались?—Онъ же съ цѣлой комиссіей ѣздилъ-

— Ѣздилъ... Точно—ѣздилъ,— отозвался господинъ въ полушубкѣ.—Только онъ послѣ ремонта ѣздилъ.

— Какъ?! Еще и ремонтировали?

— Разумѣется... техникъ Фрейманъ и ремонтировалъ. Еще тысченокъ десятокъ всадили... А ежели бы не ремонтъ, такъ нашему брату подрядчику и существовать было бы невозможно... Да и еще ремонтировать придется. Пораспросите переселенческаго чиновника Волкова, какъ за эту дорогу переселенцы честятъ, хотя онъ то ужъ въ этомъ дѣлѣ ни сномъ, ни духомъ не повиненъ. А вы удивляетесь: ремонтъ... Развѣ можно безъ ремонта? Это, батюшка, хлѣбъ-съ!

Плашкоутъ подошелъ къ берегу, и собесѣдники разстались.

Такъ строились дороги.

Не лучше обстояло дѣло и съ постройкою переселенческихъ пунктовъ. Здѣсь также, какъ и при проведеніи дорогъ, вся тяжесть надзора легла опять-таки на тѣхъ же старшихъ техниковъ и только лишь въ одномъ Ачинскѣ завѣдывающимъ постройкою пункта оказался... псаломщикъ.

Когда я, при встрѣчѣ съ пріѣхавшимъ въ Ачинскъ завѣдывавшимъ переселенческимъ дѣломъ въ Енисейской губерніи Н. Н. Сергѣевымъ, выразилъ ему свое крайне удивленіе по поводу столь курьезнаго

назначенія—нынѣ покойный Николай Николаевичъ грустно улыбнулся и замѣтилъ:

— Сейчасъ видно, что вы не нашъ братъ чиновникъ. Что же вы полагаете, я не понимаю, что-ли, что такое Вербицкій?

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Да дѣло въ томъ, что если къ вамъ явится субъектъ изъ Питера съ запиской, гдѣ васъ просятъ «въ личное мнѣ одолженіе устроить получше предъявителя сего», то, повѣрьте, не то что псаломщика—звонаря, дорогой мой, завѣдывающимъ постройкою пункта назначите..

Къ счастью, это курьезное завѣдываніе закончилось довольно непредвидѣно. Дѣло въ томъ, что псаломщикъ имѣлъ непреодолимую склонность къ двумъ вещамъ—килькамъ и водкѣ.

А если и разнообразилъ свое питаніе, то опять-таки только: водкой и кильками.

Конечно, дѣло кончилось бѣлой горячкой и, получивъ жалованье за два мѣсяца за надзоръ за постройкой пункта и за четыре мѣсяца за полученную на тяжелой службѣ болѣзнь, г. Вербицкій скрылся съ переселенческаго горизонта..

Чтобы не вызвать упрека въ тенденціозности, въ преднамѣренномъ, излишнемъ сгущеніи красокъ, изложу исторію постройки наиболѣе значительнаго изъ всѣхъ переселенческихъ пунктовъ въ Енисейской губерніи. Я говорю о Красноярскомъ переселенческомъ пунктѣ, расположенномъ на правомъ берегу рѣки Енисея, противъ Красноярска.

Въ концѣ 1906 г. мѣстнымъ переселенческимъ управленіемъ былъ испрошенъ кредитъ, что-то около 50 тысячъ рублей на постройку пункта близъ города Красноярска; въ 1907 г. было приступлено къ постройкѣ. Къ осени этого года, вопреки первоначальнымъ соображеніямъ, пунктъ оконченъ не былъ и предполагалось окончить его къ 1 Мая 1908 года.

Словомъ, запросили дополнительный, также примѣрно тысячъ въ пятьдесятъ кредитъ, и, разумѣется, въ видѣ, такъ сказать, уже безплатной преміи осенью

1907 года въ Красноярскѣ переселенцами была завезена холера.

Однако, не перваго мая, не перваго іюня. ни даже осенью 1908 г. пунктъ готовъ не былъ, но холеру все-таки въ Красноярскъ доставили вполнѣ успѣшно и одновременно не приминули попросить еще дополнительный кредитъ опять-таки въ суммѣ около 40 тысячъ рублей, т. е. пунктъ, на который предполагалось истратить около 50 тысячъ, оказался стоющимъ втрое дороже.

На этотъ разъ даже и центральное переселенческое управленіе проснулось и забило тревогу.

Для разбора всѣхъ, выражаясь мягко, странностей по постройкѣ Красноярскаго переселенческаго пункта, была назначена изъ чиновъ различныхъ вѣдомствъ спеціальная комиссія подъ предсѣдательствомъ Енисейскаго вице-губернатора.

Я не знаю, удалось ли комиссіи выяснить дѣйствительную стоимость построекъ въ сравненіи съ затраченною на нихъ суммою, а это было бы очень и очень не безынтересно, такъ какъ пунктъ строился подъ наблюденіемъ инженера Куницкаго, а фактическимъ строителемъ его былъ пресловутый по своей удивительной честности подрядчикъ Рачинскій, о которомъ рѣчь была ранѣе. Но, сколько мнѣ извѣстно, комиссія все-таки выяснила, что пунктъ построенъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его ни въ коемъ случаѣ строить не слѣдовало, такъ какъ Енисей здѣсь мелководенъ и пароходы съ баржами подойти къ пункту не могутъ; значитъ, посадка должна производиться съ лодокъ, что при переселенческомъ скарбѣ и живомъ инвентарѣ въ видѣ лошадей, которыхъ переселенцы нерѣдко закупаютъ въ самомъ Красноярскѣ, представляется болѣе, чѣмъ неудобнымъ. Отъ ближайщей станціи желѣзной дороги пунктъ оказался неизвѣстно почему въ полуторахъ верстахъ, т. е., переселенцамъ, пріѣхавшимъ по желѣзной дорогѣ, и конечно, усталымъ и истомленнымъ долгимъ путемъ, придется со всѣми своими чадами и домочадцами, съ грудою домашняго хлама та-

щиться до земли обѣтованной еще полторы версты по весенней и осенней распутицѣ—время наибольшаго прилива переселенцевъ. Наряду съ этимъ комиссія натолкнулась и еще на нѣсколько болѣе или менѣе поучительныхъ курьезовъ. Когда первоначальный проектъ она сравнила съ тѣмъ, что было построено, то, увы, ничего схожаго не оказалось.

Очевидно, дѣло обстояло такъ:

Приходилъ, положимъ, врачъ и говорилъ:

— Что? Тридцать пять квадратовъ! Я въ подобныхъ помѣщеніяхъ жить не привыкъ-съ...

Мѣстное переселенческое управленіе предупредительно спрашивало:

— Сколько прикажете? Пятьдесятъ? Шестьдесятъ?

И строило.

Приходилъ конторщикъ, дворникъ, сторожъ, хлѣбопекъ...

И тоже всѣ претензіи удовлетворялись.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ отмѣтить, что первоначальный проектъ по постройкѣ переселенческихъ бараковъ исключительно для помѣщенія переселенцевъ, весьма незначительно разошелся съ тѣмъ, что было выполнено на самомъ дѣлѣ.

Быть можетъ потому, что переселенцы были единственные, которые сюда не приходили и ничего не просили.

Въ 1908 г. пунктъ былъ, собственно говоря, готовъ къ принятію переселенцевъ. Были для нихъ бараки, была хлѣбопекарня, бани, ледники. Устроена была не только обычная больница, но даже и больница для заразныхъ и болѣе того—особый холерный баракъ. Словомъ, было все вплоть до квартиръ медицинскаго персонала и прочихъ служащихъ.

Не хватало одного:

Дома для завѣдывающаго пунктомъ. Фундаментъ былъ, но дома, дѣйствительно, не было, какъ не было нигдѣ штукатурки и наружной обшивки пунктовыхъ построекъ, для чего и испрашивается сейчасъ еще около 40 тысячъ рублей.

Предъ нынѣшнимъ завѣдывающимъ переселенче-

скимъ дѣломъ г. Григорьевымъ осенью 1908 г. возникла дилемма:

— Или штукатурка и домъ, соотвѣтствующій рангу завѣдующаго переселенческимъ пунктомъ, или устроить очагъ холерной заразы въ Красноярскѣ.

Г. Григорьевъ выбралъ послѣднее.

Эпидемія унесла нѣсколько десятковъ жертвъ.

Все—что мною сообщалось, относится. главнымъ образомъ, до дѣятельности переселенческаго управленія въ 1907 г. Посмотримъ, какъ обстояло это дѣло въ 1908 г., когда мѣсто покойнаго Н. Н. Сергѣева занялъ старшій чиновникъ по земельному устройству В. Ю. Григорьевъ.

Сознаюсь, что я этому былъ чрезвычайно радъ. В. Ю. Григорьева, работавшаго долгое время по поземельному устройству крестьянъ старожиловъ я по наслышкѣ зналъ, какъ человѣка, изучившаго мѣстныя условія настолько, что былъ совершенно спокоенъ за интересы мѣстнаго старожильческаго и инородческаго населенія. Да и какъ же можно было думать иначе о человѣкѣ, который столько лѣтъ, такъ твердо, такъ упорно, велъ борьбу съ мѣстнымъ управленіемъ государственными имуществами изъ-за каждаго клочка земли, который почему нибудь управленіе не желало отдавать въ пользованіе старожиламъ, который чуть не съ пѣной у рта доказывалъ необходимость пятнадцатидесятиннаго надѣла для старожильческаго населенія.

Какъ я могъ не быть спокоенъ не только за справедливость по отношенію къ старожильческому населенію, но и къ инородцамъ, когда В. Ю. Григорьевъ еще въ 1906 г. въ статьѣ „Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ инородцевъ Минусинскаго края“, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, печатно высказалъ свои живѣйшія симпатіи къ инородцамъ, несправедливо, по его мнѣнію, обиженнымъ мѣстнымъ управленіемъ государственными имуществами...

Въ 1903 г. у инородцевъ Абаканской управы, изъ общаго количествы числящейся за ними земли

1.300.000 десятинъ, Енисейскимъ управленіемъ государственными имуществами было изъято, въ виду возникновенія въ краѣ горнопромышленности и желанія сохранить въ неприкосновенности водные источники, 100,000 дееятинъ, т. е. одна тринадцатая часть всей площади, такъ что на каждую душу мужского пола вмѣсто прежнихъ 250 десятинъ осталось 230 десятинъ.

Этого факта „экспропріаціи“ г. Григорьевъ въ упомянутой мною статьѣ молчаніемъ не обошелъ и закончилъ статью грустнымъ пророчествомъ:

„Если сдѣланныя обширныя завладѣнія не только не прекратятся, а еще, чего можно опасаться, увеличатся, то инородцы могутъ переселиться въ Урянхайскую землю“.

Не въ правѣ ли я, послѣ заявленнаго печатно, торжествовать и не безпокоиться о судьбахъ коренного населенія, разъ бразды устроенія этого населенія попали въ такія опытныя и умѣлыя руки.

Съ перемѣною начальства нужно было, конечно, ожидать прежде всего реформъ въ переселенческомъ дѣлѣ. И они начались:

— Съ швейцара.

Двѣнадцативершковый швейцаръ въ треуголкѣ и съ булавой, докладывающій его превосходительству о посѣтителяхъ, былъ безспорно великолѣпенъ и необходимъ.

Реформы продолжались.

Была издана цѣлая куча циркуляровъ, предусматривающихъ и контролирующихъ поведеніе и работоспособность ввѣренныхъ начальственному попеченію чиновъ во всякое время дня и ночи.

Циркуляры, конечно, необходимы. Если бы не было ихъ, то не для чего было бы мѣнять и начальство: отсутствіе циркуляровъ значило бы, что дѣло стоитъ на точкѣ замерзанія, и взгляды остаются безъ измѣненія. А это при перемѣнѣ начальства явилось бы чѣмъ то совершенно противоестественнымъ.

Признаюсь, меня слегка все-таки начинало брать маленькое сомнѣніе:

— Да ужъ не человѣкъ ли онъ исключительно двадцатаго числа...

Къ счастью для моего маловѣрнаго ума на дверяхъ кабинета, охраняемаго великолѣпнымъ швейцаромъ, появилось объявленіе:

Въ такой-то день съ часу до трехъ пріемъ техниковъ межевого дѣла, въ такой-то день пріемъ врачей, одинъ день въ недѣлѣ для просителей и т. д.

Я возликовалъ

Славу Богу, государственный умъ заработалъ!

Разочаровалъ меня случайно встрѣтившійся пунктовый переселенческій врачъ:

— Можете себѣ представить, у меня холера на носу, а дезинфекція нужна до зарѣзу. Въ Канскъ—нѣсколько часовъ ѣзды—ѣхать не могу, ибо циркуляръ: „съ мѣста службы отнюдь не отлучаться, не испросивъ предварительнаго разрѣшенія“. Испрошено. Пріѣзжаю. Поѣздъ на часъ опаздалъ... А у него чуть не разъ въ недѣлю для врачей. Теперь сами посудите: или ждать недѣлю до пріема или возвращайся обратно. А потомъ пишу,—говорилъ взволнованно докторъ—нужно мнѣ пять фунтовъ хинина, а мнѣ отвѣчаютъ—довольно и одного... А, ну ихъ къ черту,—неожидано закончилъ онъ.—Лучше уйти, чѣмъ со всѣми этими чиновничьими прецедурами путаться...

Признаюсь, я началъ чуть-чуть разочаровываться въ циркулярахъ, вносящихъ такой сумбуръ въ живое переселенческое дѣло, и очень обрадовался, когда увидѣлъ знакомаго техника, только что пріѣхавшаго изъ тайги.

— Ну—какъ дѣла?

Тотъ досадливо махнулъ рукою:

— Надо хуже, да некуда. Получаю циркуляръ: „не отлучаться безъ разрѣшенія“. А у насъ никакого малѣйшаго сходства съ изысканіемъ. По профилю двѣсти кубовъ, а нужно вынуть шестьсотъ... Смѣта по профилю... Условіе по изысканію. Дую сюда Во время не попалъ—пріѣхалъ въ среду, а могу представиться по распоряженію въ пятницу. А тамъ подрядчики, рабочіе... Ждутъ, ругаются и правы.

Этимъ не окончилось.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ встрѣчаюсь на пароходѣ съ межевымъ чиномъ, принадлежащимъ къ переселенческой организаціи.

— Куда Богъ несетъ?

— Да ѣдемъ тріангуляціонную сѣть проводить въ Аскизской инородной управѣ.

Признаюсь, я очень изумился. Получалось нѣчто весьма странное. Съ одной стороны—печатное заявленіе своихъ симпатій инородцамъ, обиженныхъ управленіемъ государственными имуществами, а съ другой — тріангуляціонная сѣть, приводимая если ужъ и ради чьихъ либо прекрасныхъ глазъ, то навѣрняка не инородческихъ... Вполнѣ понятно, что чиновникъ, находящійся въ подчиненномъ положеніи, долженъ, разъ онъ желаетъ служить, сообразоваться со взглядами своего начальства, но нельзя вѣдь, все же не сознаться, что слишкомъ быстрая перемѣна фронта не всегда симпатична... Ну, что бы сказали инородцы по поводу печальника ихъ инородческаго горя, еслибы они прочли въ „Извѣстіяхъ Русскаго Императорскаго Географическаго Общества“ статью г. Григорьева, а затѣмъ увидѣли бы осуществленіе этой статьи въ жизни, на почвѣ умилительной согласованности со взглядами начальства и вожделѣніями двадцатаго числа.

Къ счастью, они народъ темный, поголовно безграмотный, а потому печатно можно говорить одно, а практически заняться тріангуляціей.

Теперь приходилось нарѣзать участки въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ въ 1907 году и не думали. Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, было обращено вниманіе на Чуно-Ангарскій районъ, гдѣ по изслѣдованіямъ инженера Шера было возможно использовать сотни тысячъ десятинъ. Однако, посланный весною 1908 года достаточно таки опытный г. Шульга, агрономъ по образованію, какъ кажется болѣе чѣмъ скептически отнесся къ возможности заселенія въ мѣстахъ облюбованныхъ инженеромъ Шеромъ... Все же, какъ—ни-никакъ. а четыре тысячи

долей въ Чуно-Ангарскомъ районѣ были нарѣзаны и благополучно прошли чрезъ временную комиссію изъ состава которой ни крестьянскій начальникъ, ни исправникъ, ни мѣстный лѣсничій на мѣстѣ несомнѣнно не были, ибо кому же охота тащиться верхомъ безъ дороги за сотни и тысячи верстъ въ невѣдомую тайгу, да еще съ рискомъ напрасно проѣхаться, что при неимѣніи плановъ участковъ, представлялось весьма возможнымъ... Я вполнѣ согласенъ съ комиссіей, что не принять участковъ было нельзя, хотя бы уже по одному тому, что на дорогу Тайшетъ-Дворецъ израсходовано и сейчасъ уже свыше ста тысячъ рублей, но не могу не отмѣтить, что вмѣсто десятковъ тысячъ предполагаемыхъ долей на самомъ дѣлѣ появляются только четыре тысячи долей

Старожилы сибиряки пробовали уходить въ тайгу, но ничего хорошаго изъ этого не вышло—не выдерживали. Если бы г. Шеръ обратилъ вниманіе на то, что всѣ безъ исключенія селенія Чуно-Ангарскаго района расположнеы по рѣкамъ, изобилующимъ рыбою, что ни одного дома, гдѣ бы не было нѣсколькихъ мелкокалиберныхъ и крупнокалиберныхъ винтовокъ, что промысловыя собаки цѣнятся чуть не въ сотни рублей, то вѣроятно, и г. Шеръ пришелъ бы къ выводу, что главныя средства къ существованію здѣсь звѣроловство и рыбная ловля, а отнюдь не сельское хозяйство и, быть можетъ, невольно задался бы вопросомъ о томъ, стоитъ ли проводить дорогу стоимостью около четырехсотъ тысячъ рублей, чтобы поселить семьсотъ или восемьсотъ дворовъ какихъ нибудь пензяковъ или тамбовцевъ для того, чтобы они, взявъ основательную казенную субсидію и пробившись годъ—другой, сбѣжали отсюда для пополненія той „бродячей Руси“, кадры которой и для Сибири и теперь уже достаточно велики...

Назадъ тому лѣтъ четырнадцать, въ верховьяхъ рѣки Маны былъ образованъ переселенческій участокъ «Выѣздной». Въ первый же годъ на немъ оказалось домовъ около тридцати. Пришельцы, ро-

домъ изъ одной изъ сѣверныхъ губерній, народъ крѣпкій, трезвый и настойчивый, бодро смотрѣли въ будущее. Да и въ самомъ дѣлѣ: рыбная рѣка, гдѣ харіусовъ чуть не рѣшетомъ можно ловить, тайга, полная птицъ и звѣрья, недурные сѣнокосы и достаточное количество еланей для того, чтобы немедленно взяться за распашку дѣвственной земли. Все обѣщало привольное и сытое житье.

Однако, получилось не то. Семь тяжелыхъ лѣтъ, проведенныхъ въ упорной борьбѣ съ суровой природой, окончились побѣдой послѣдней и въ настоящее время въ поселкѣ осталось всего нѣсколько семействъ, покончившихъ съ земледѣліемъ совершенно и занимающихся исключительно добычей звѣря и рыбы. Въ объясненіе случившагося, должно сказать, что въ продолженіе семи лѣтъ урожай каждый годъ обѣщалъ быть прекраснымъ и только два раза за всѣ семь лѣтъ удалось собрать урожай — всѣ остальные годы хлѣбъ не вызрѣвалъ и не только потому, что въ глуши тайги тепло начинается позже, а заморозки наступаютъ раньше, чѣмъ въ мѣстахъ степныхъ и подтаежныхъ, но и потому, что при нарѣзкѣ участка выпустили изъ виду, что участокъ находится въ верховьяхъ такой быстрой горной рѣки, какъ Мана, и слѣдовательно расположенъ на слишкомъ значительной высотѣ надъ уровнемъ моря. Не могу не отмѣтить при этомъ, что Выѣздной участокъ, по сравненію съ участками, образованными инженеромъ Шеромъ, находится южнѣе на пятьсотъ-шестьсотъ верстъ, а это, казалось бы, должно быть не малымъ плюсомъ.

Примѣровъ, подобныхъ предыдущему, можно насчитать десятки и чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ при томъ усиленномъ темпѣ работъ, какимъ онѣ ведутся сейчасъ, будетъ больше, такъ какъ съ одной стороны качество техническихъ силъ вновь и вновь набираемыхъ изъ подъ бору, да изъ подъ сосенки, все ухудшается, а съ другой — количество земель, пригодныхъ подъ участки, свелось едва ли не къ нулю

и вотъ почему оказались возможно совершенно невѣроятныя курьезы:

Въ объяснительной запискѣ завѣдывающаго переселеніемъ въ Енисейской губерніи, приложенной къ проекту смѣты на 1909 годъ, на стр. 7 въ главѣ «О раскультивированіи» (sic) «таежныхъ пространствъ» имѣется весьма недвусмысленное указаніе на ту роль, которую должны сыграть въ будущемъ заселеніи тайги искусственные лѣсные пожары, а на страницѣ 10 той же записки упоминается и о пожарныхъ машинахъ, какъ о необходимой принадлежности, долженствующей, очевидно, своевременно умѣрять своеобразные культуртрегерскіе опыты чиновъ переселенческаго управленія.

Ни о бочкахъ, ни о мѣдныхъ блестящихъ каскахъ, долженствующихъ превратить часть чиновъ переселенческой организаціи въ кумовьевъ-пожарныхъ, столь опасныхъ для сердецъ кухарокъ, въ докладной запискѣ, правда, не говорится ни слова, какъ ничего не говорится и о способахъ доставленія пожарнаго обоза по глухой бездорожной тайгѣ къ мѣсту возникновенія пожара. Но это не важно. Важно то, что г. Григорьевъ не только подалъ блестящую идею, но и подчеркнулъ ею, какъ нельзя болѣе явственно, что земель, пригодныхъ для колонизаціи, очень и очень маловато. Разумѣется, къ самой идеѣ искусственныхъ лѣсныхъ пожаровъ нельзя иначе отнестись, какъ только исключительно съ юмористической точки зрѣнія. Несмотря на это, я совсѣмъ не склоненъ обвинять г. Григорьева въ своеобразномъ бюрократически-кабинетномъ на пользу отечества измышленіи. Такихъ курьезныхъ проектовъ за послѣднее время развелось такъ много, съ легкой руки г. Демчинскаго, что удивляться всякой безсмыслицѣ несомнѣнно не стоитъ. Да и странно было бы предъявлять какія либо особенныя требованія къ г. Григорьеву. Въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ, окончившій всего лишь Иркутскую учительскую семинарію, г. Григорьевъ, несомнѣнно, готовился къ мирной педагогической дѣятельности въ качествѣ

скромнаго сельскаго учителя. А тутъ, вдругъ, не-угодно ли быть свѣдущимъ и въ межевомъ дѣлѣ, и во врачебномъ искусствѣ, и строительствѣ дорогъ, и не быть профаномъ въ архитектурѣ, имѣть знанія по агрономіи, понимать толкъ въ сельско-хозяйственныхъ машинахъ и, наконецъ, имѣть солидную подготовку по лѣсоводству вообще и таксаціи лѣсовъ въ частности... Есть отчего закружиться головѣ...

Въ 1905 г. крестьянамъ старожиламъ села Лугавскаго, Минусинскаго уѣзда былъ отведенъ при поземельномъ ихъ устройствѣ лѣсной надѣлъ изъ лѣсныхъ пространствъ, прилегающихъ къ казенному Лугавскому бору. Уже въ 1907 г. надѣлъ этотъ постигла общая участь всѣхъ лѣсныхъ надѣловъ, т. е. онъ оказался вырубленнымъ на тло, несмотря на благодѣтельное попеченіе мѣстной придержащей власти, въ данномъ случаѣ, участковаго крестьянскаго начальника, которому по закону ввѣренъ надзоръ за раціональнымъ пользованіемъ лѣсными надѣлами. Результаты не замедлили сказаться. Освобожденные отъ растительности, сыпучіе, переносные пески медленно, но неуклонно подступаютъ къ самому селу Лугавскому и въ данный моментъ угрожаютъ уже граничнымъ кварталамъ казеннаго Лугавскаго бора. Старой дороги изъ села въ г. Минусинскъ въ настоящее время уже не существуетъ, да и новая чуть не ежемѣсячно мѣняетъ свое направленіе, благодаря горамъ сыпучаго песку, переносимаго вѣтромъ съ одного мѣста на другое.

Казалось бы, этотъ печальный опытъ долженъ бы былъ хотя немного научить кое-чему мѣстное переселенческое управленіе. Казалось, что заявленіе такого знатока Минусинскаго уѣзда, какъ покойный основатель Минусинскаго музея Мартьяновъ, о томъ, что вся мѣстность, о которой идетъ рѣчь, не такъ еще давно представляла собою громадное, высохшее впослѣдствіи, озеро — должно быть принято во вниманіе. Казалось бы, что безрезультатное рытье на сосѣднемъ Даниловскомъ заводѣ глубочайшихъ ко-

лодцевъ, при чемъ во все время работъ ничего кромѣ крупнозернистаго песка не встрѣчалось, воочію должно было показать переселенческому управленію, какой страшный врагъ угрожаетъ сельскому хозяйству. Да и одному ли только сельскому хозяйству. Для лицъ, знакомыхъ съ Минусинскимъ уѣздомъ, слишкомъ понятно, почему годъ отъ году все болѣе и болѣе мелѣетъ протока, на которой расположенъ Минусинскъ и не даромъ же лѣсное управленіе при Минусинскомъ лѣсничествѣ образовало питомникъ, въ которомъ главное вниманіе обращено на разведеніе шелюги—растенія спеціально приспособленнаго къ борьбѣ съ сыпучими песками.

Все это нимало не помѣшало разгрому Лугавскаго бора, происшедшему по иниціативѣ того же пресловутаго г. Григорьева въ 1908 г. Инымъ словомъ, какъ разгромъ, я не нахожу возможнымъ охарактеризовать такія дѣйствія, какъ проведеніе 10—12 саженныхъ просѣкъ тамъ, гдѣ это совсѣмъ не требуется, и отводъ изъ Лугавскаго бора сотенъ десятинъ лѣса, произрастающаго на сыпучихъ пескахъ, для какого то болѣе чѣмъ страннаго поселка.

Взявъ наиболѣе яркій примѣръ культуртрегерскихъ опытовъ Енисейскаго переселенческаго управленія, я отговариваюсь, что приведенный мною случай далеко не единственный. Въ такомъ же положеніи обстоитъ дѣло и по отношенію къ Ермаковскому бору. Да, вѣроятно, и Инскій боръ, расположенный на такихъ же сыпучихъ пескахъ, какъ и сосѣдній съ нимъ Лугавскій, въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ ожидаетъ участь его сосѣда, а это для г. Минусинска равносильно приговору къ медленному умиранію, такъ какъ рѣка Енисей въ видѣ своего притока для города будетъ потеряна безвозвратно.

Заканчивая общій обзоръ «переселенческой сумятицы», происходившей въ тѣ годы въ предѣлахъ Енисейской губерніи, я воздерживаюсь отъ какихъ бы то ни было выводовъ, но одинъ изъ нихъ, а именно, необходимость передачи переселенческаго

дѣла въ руки будущаго Сибирскаго земства невольно напрашивается самъ собою.

Помѣщенныя къ «Новой Руси» письма изъ Красноярска о переселенческой сутолокѣ вызвали цѣлый рядъ запросовъ изъ Петербурга о доставленіи разнаго рода свѣдѣній министру Кривошеину и главному переселенческому управленію.

Исполняя свое обѣщаніе въ послѣднемъ письмѣ—дать обстоятельную картину происходящаго на глазахъ у всѣхъ расхищенія государственныхъ лѣсныхъ и земельныхъ богатствъ Енисейской губерніи, долженъ оговориться, что слово «расхищеніе» въ данномъ случаѣ не вполнѣ умѣстно и далеко не исчерпытаетъ того, чему мы являемся свидѣтелями въ настоящій моментъ. Съ хищеніями и расхищеніями казеннаго добра русскій человѣкъ свыкся и сжился давно. Къ этому онъ привыкъ не десятки, а пожалуй сотни лѣтъ. Понятіе о разгромахъ и погромахъ вошло въ жизнь уже въ конституціонный періодъ и я думаю, что первымъ словомъ и можно только вполнѣ охарактеризовать ту беззастѣнчивую безхозяйственность, то упорное нежеланіе заглянуть въ будущее, которое проявляютъ заправилы переселенческаго дѣла въ проведеніи въ жизнь своихъ измышленій, увы, въ громадномъ большинствѣ—кабинетныхъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ даннымъ, неопровержимо подтверждающимъ высказанное мною, отмѣчу, что, согласно Высочайше утвержденнаго 23 декабря 1897 г. положенія Комитета Сибирской желѣзной дороги, переселенцамъ разрѣшается продажа лѣса съ ихъ участковъ въ постороннія руки безъ оплаты его попенной платой. Нельзя не сознаться, что теоретически идея законодателя была совершенно правильна. Въ самомъ дѣлѣ, разъ не хватаетъ для пашни или сѣнокоса еланей (чистыхъ полянъ)—приходится приступать къ рубкѣ и выкорчевкѣ и, конечно, вмѣсто того, чтобы жечь срубленный лѣсъ, гораздо резоннѣе, если возможно продать его, тѣмъ болѣе, что для неокрѣпшаго новосела каждая лишняя копѣйка является серьезнымъ подспорьемъ.

Такъ предполагалось въ теоріи, но на практикѣ получилось совершенно иное. А, впрочемъ, обратимся къ фактамъ.

Въ зиму 1907—1908 г.г. купцомъ Жоголевымъ, монополистомъ по поставкѣ всякаго рода лѣсныхъ матеріаловъ для Сибирской желѣзной дороги, на станціи Комарчага должно было быть выставлено около 100.000 шпалъ. Шпалы Жоголевымъ были выставлены изъ четырехъ ближайшихъ переселенческихъ участковъ, на что пришлось вырубить не менѣе 30.000 сосновыхъ бревенъ. Въ томъ же 1907 г. также изъ четырехъ или пяти участковъ, расположенныхъ на сплавной рѣкѣ Манѣ, было вырублено и доставлено въ Красноярскъ, въ большинствѣ для того же Жоголева, свыше 20.000 сосновыхъ бревенъ. Въ 1908 г. никѣмъ не сдерживаемые аппетиты, конечно, увеличились, и въ этомъ году съ той же рѣки Маны, изъ прежнихъ же участковъ, было выплавлено уже свыше 50.000 бревенъ

Для лица, непосвященнаго въ дѣло, цифры эти говорятъ мало. Иной можетъ даже подумать:

— Ну, и слава Богу, что лѣсъ сводятъ. И ребятишкамъ на малочишко останется, да и площадь для пашни увеличится...

Къ сожалѣнію, это совсѣмъ не такъ.

Дѣло въ томъ, что для шпалъ лѣсъ требуется лучшихъ техническихъ качествъ и точно опредѣленныхъ размѣровъ: значитъ производится выборка деревъ, а не сплошная рубка ихъ, т. е. ни о какой выкорчевкѣ послѣ вырубки, а, слѣдовательно, и о расширеніи площади посѣва не можетъ быть и рѣчи. Да и мудрено при слабосиліи возникающаго хозяйства заниматься корчеваніемъ сосновыхъ пней 15—18 вершковъ въ діаметрѣ, тѣмъ болѣе, что и для плохого почвовѣда ясно, что земля изъ-подъ сосноваго бора для пашни и сѣнокоса непригодна. Во всякомъ случаѣ, я бы лично былъ чрезвычайно удивленъ, если бы изъ десятковъ тысячъ испорченныхъ своеобразнымъ хозяйствомъ десятинъ переселенческое управленіе могло демонстрировать хотя бы одну

разъединственную, выкорчеванную изъ-подъ сосноваго бора и пущенную подъ посѣвъ или сѣнокосъ, десятину. Смѣю думать, что таковой не найдется, даже, если на придачу къ содѣянному Жоголевымъ, примѣнить, къ счастью, еще не примѣняемый на практикѣ, способъ расширенія посѣвныхъ площадей при помощи искусственныхъ лѣсныхъ пожаровъ, ибо въ данномъ случаѣ, какъ нельзя болѣе примѣнимо изрѣченіе Козьмы Пруткова: «Смотри въ корень». А корень то у сосны, какъ на грѣхъ, рѣдькой.

Однако, это пока еще одна сторона вопроса, но есть и другая и притомъ несравненно худшая.

Въ 1906 г. на таежномъ участкѣ Тюлюкъ, на берегу рѣки Маны поселилось четыре или пять семействъ новоселовъ. Распашки ни въ 1906, ни въ 1907 г.г. произведено не было, но зато въ послѣднемъ году переселенцы нѣкоему подрядчику Желтоухову продали свыше 1.000 штукъ сосновыхъ бревенъ по ничтожной, разумѣется, цѣнѣ. Такого случая не могъ, конечно, пропустить столь излюбленный Сибирской желѣзной дорогой подрядчикъ Акимъ Жоголевъ и имъ въ 1908 г. изъ участка Тюлюкъ сплавляется уже свыше 10.000 бревенъ. Ни о какой распашкѣ, само собой разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ выходило, что лѣсъ вырубался, участокъ обезцѣнивался, а сельско-хозяйственной культуры даже въ зачаточномъ состояніи не было. Не помню уже точно, по чьей именно иниціативѣ, весною 1908 г. на участокъ была послана цѣлая комиссія, состоявшая изъ крестьянскаго начальника, губернскаго агронома, лѣсничаго и податного инспектора. Осмотрѣвъ мѣсто вырубки, комиссія пришла къ единодушному заключенію, что выборка произведена выборочно, и все пространство, между оставшимися деревьями, засорено толстыми вершинами, представляющими громадную опасность въ случаѣ возникновенія лѣсного пожара. Лучше же всего оказалось то, что лѣсъ, съ цѣлью разчистки подъ пашню, вырубленъ на каменныхъ скалахъ и утесахъ, т. е. въ мѣстахъ, гдѣ ни о какомъ хлѣбо-

пашествѣ нельзя мечтать и черезъ сотни лѣтъ. Куда дѣлся актъ, составленный комиссіей, намъ неизвѣстно, но зато хорошо знаю, что въ нынѣшнемъ 1909 г. Акимъ Жоголевъ по мѣрѣ силъ и возможности способствуетъ и притомъ на обычномъ законномъ основаніи, поднятію сельско-хозяйственной культуры на участкѣ Тюлюкъ...

Не лишнее добавить, что какъ на участкѣ Тюлюкъ, такъ и на всѣхъ другихъ, расположенныхъ по р. Манѣ, лѣсъ вырубается, въ видахъ большого удобства вывозки для сплава, преимущественно по берегамъ, а это грозитъ тѣмъ, что сплавная рѣка Мана легко можетъ превратиться въ несплавную, благодаря, съ одной стороны, обнаженію горныхъ породъ и неодинаковой твердости ихъ, а, слѣдовательно, и неодинаковой вывѣтриваемости, а съ другой, неглубокому фарватеру рѣки, который нетрудно завалить камнями, отрывающимися отъ скалы или утеса.

Словомъ, въ концѣ концовъ выходитъ, что лѣсъ вырубили, участокъ обезцѣнили, берега оголили, а изъ истыхъ хлѣборобовъ сдѣлали все, что угодно, только не пахарей...

Перейдемъ теперь къ исчисленію того, много ли отъ всѣхъ этихъ своеобразныхъ операцій остается переселенческимъ „ребятишкамъ на молочишко“.

Въ мѣстной газетѣ „Красноярецъ“ отъ 21 Марта 1909 г., въ корреспонденціи изъ Покровской вол., Ачинскаго уѣзда, разсказывается о томъ, какъ на участкѣ Колодезномъ въ 3 верстахъ отъ линіи желѣзной дороги, переселенцамъ, благодаря разрѣшенію переселенческаго управленія, привалило неожиданное счастье: 300 десятинъ вѣковѣчнаго строевого лѣса они продали по 17 рублей за десятину“. Обстоятельству этому корреспондентъ, видимо, удивляется. Да, собственно говоря, и есть чему, такъ какъ десятина вѣковѣчнаго строевого лѣса, даже и по сибирскимъ цѣнамъ, стоитъ на худой конецъ, рублей 200. Но знакомые съ продажами лѣса переселенцами по линіи желѣзной дороги этому не удивляются, памятуя, что, если въ Канскомъ уѣздѣ есть подрядчикъ Жоголевъ,

то въ г. Ачинскѣ имѣется подрядчикъ Кузнецовъ, которому случалось покупать лѣсъ и по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ въ цитируемой мною корреспонденціи.

Въ 1908 г. переселенцами уч. Большая Тель подрядчику Жоголеву было продано 25.000 шпалъ по 4 коп. за штуку съ правомъ выбирать лѣсъ, какой ему только заблагоразсудится. Другими словами, было продано до 7.000 строевыхъ деревъ за 1.000 р., т. е. по 14 коп. за дерево. Вырубка и вывозка производились по преимуществу сибиряками старожи, лами изъ селеній Большого Балчуга, Атамановой-Хлоптуновой и др. по цѣнамъ: за рубку и подвозку въ штабеля 5 коп., пилка, теска и вывозка на берегъ р. Енисея 25 к., т. е. общая стоимость шпалы опредѣляется въ 34 коп. За доставку въ мѣста сдачи Жоголевъ казеннымъ пароходамъ уплачивалъ 10 коп. со штуки; желѣзная дорога платитъ ему по заключенному на нѣсколько лѣтъ впередъ условію 80 коп. за шпалу, слѣдовательно чистая прибыль будетъ 36 коп. отъ каждой шпалы. Кому перепадаетъ на молочишко—предоставляю судить читателю.

Беру другой примѣръ—участокъ Усть-Канскій, почти сосѣдній съ предыдущимъ.

Въ 1907 г. изъ этого участка, кулаками сосѣднихъ селеній, было поставлено на пароходы свыше 500 кубовъ дровъ. Переселенцы получали отъ 4 до 5 рублей за кубъ съ доставкою дровъ на самую пристань. Кулаки получали съ пароходчиковъ 9 и 10 рублей за кубъ; расплата же съ переселенцами производилась почти исключительно товаромъ, качества, разумѣется, болѣе, чѣмъ невысокаго. Въ 1908 году повторилась та же исторія съ тою лишь разницею, что на пароходныя пристани было выплавлено до 1.000 кубовъ и опять не обошлось безъ всюду проникающаго Жоголева, сплавившаго изъ участка до 10.000 шпалъ по тѣмъ же цѣнамъ, какія имъ были установлены въ участкѣ Большая Тель.

На чьей сторонѣ выгода—комментировать излишне и можно лишь добавить, что лѣсъ на обоихъ участ-

кахъ вырубался по такимъ хребтамъ и скаламъ, что ни о какомъ земледѣліи, даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ и думать нечего.

Послѣ всего написаннаго, я въ правѣ поставить вопросъ, что же все это представляетъ—простую ли безхозяйственность переселенческаго управленія, упорное ли нежеланіе заглянуть въ недалекое суровое будущее, или сознательное принесеніе огромной, но несомнѣнно палліативной, жертвы на алтарь аграрнаго Молоха Европейской Россіи, не останавливаясь предъ разгромомъ государственныхъ лѣсовъ и земель Енисейской губерніи?

Начальство надъ участками ввѣрено переселенческимъ чиновникамъ, во-первыхъ, и крестьянскимъ начальникамъ, во-вторыхъ. Первые водворяютъ переселенцевъ на участки и по мѣрѣ силъ и возможности заботятся объ ихъ дальнѣйшемъ житьѣ-бытьѣ. Вторые тоже водворяютъ иногда, но чаще выдаютъ ссуды, назначаютъ старостъ и десятскихъ и вообще также принимаютъ мѣры къ преуспѣянію переселившихся въ прогрессѣ ихъ экономическаго состоянія. Но такъ какъ по одному изъ распоряженій переселенческаго управленія въ 1908 г. даже и при 5% свободныхъ полянъ отъ общей удобной площади (на практикѣ и этого сплошь и рядомъ не бываетъ), участокъ уже считается годнымъ къ заселенію, то у обоихъ начальствъ все время является докучливая мысль:

— Ахъ, послѣ водворенія не выдворились бы сами... Того и гляди—сбѣгутъ канальи! Примѣры то, вѣдь, бывали и довольно многократные...

Дальше все идетъ какъ по писанному.

Въ одно прекрасное утро къ переселенческому чиновнику вваливается гурьба переселенцевъ.

— Что скажите, братцы?

— Такъ что съ приговоромъ... Насчетъ разчисточки... А то прямо хоша бѣжать въ пору. Сами знаете, каковъ онъ—участокъ то, намъ попался...

Приговоръ подписывается, а по уходѣ просителей

слѣдуетъ облегченный вздохъ: Слава Тебѣ, Создателю, теперь не сбѣгутъ!...

Съ небольшими варіаціями то же самое происходитъ и у крестьянскаго начальника и только послѣ утвержденія приговора, быть можетъ, гдѣ нибудь въ далекихъ тайникахъ начальственной души промелькнетъ мысль о томъ, что, кто же собственно говоря, можетъ себя причислить къ лику переселенческихъ благодѣтелей—онъ-ли, крестьянскій начальникъ, или Акимъ Жоголевъ и К-о.

Считаю пріятнымъ долгомъ отмѣтить, что за послѣднее время нѣкоторые, правда, очень и очень рѣдкіе изъ крестьянскихъ начальниковъ, видя очевидное вопіющее безобразіе, совершающееся предъ ихъ глазами, начинаютъ отказывать въ утвержденіи приговоровъ. Но дѣлу это помогаетъ мало: есть переселенческій чиновникъ и тамъ отказу, конечно, быть не можетъ.

Полагаю, что разсказанное съ достаточной ясностью поднимаетъ завѣсу упорнаго желанія мѣстнаго переселенческаго управленія отводить непригодные въ сельско-хозяйственномъ отношеніи участки по линіи желѣзной дороги и по сплавнымъ рѣкамъ.

Странно было бы, если бы создавшееся ненормальное положеніе вещей своими острыми сторонами не коснулось старожила сибиряка.

И дѣйствительно, съ одной стороны, сибирякъ по закону не имѣетъ права продавать лѣсъ съ земель своего фактическаго землепользованія впредь до поземельнаго устройства, не оплативъ продажу таксовой пошлиной, а переселенецъ—можетъ, съ другой—когда наступитъ это земельное устройство, совершенно неизвѣстно, такъ какъ всѣ наличныя техническія силы взяты на дѣло переселенія. Кромѣ того старожилы очень и очень приблизительно могутъ оріентироваться въ томъ, сколько у нихъ земли, такъ какъ плановъ на землю никакихъ не имѣется и границы опредѣляются по урочищамъ. Понятно, какое сумбурное настроеніе за послѣдніе два года воцари-

лось въ старожильческихъ деревняхъ и къ какимъ результатамъ оно привело.

Въ праздничный осенній, но теплый день, одинъ изъ тѣхъ, которые такъ не рѣдки въ Восточной Сибири, я сидѣлъ съ открытымъ окномъ въ домѣ зажиточнаго сибиряка старожила и разговаривалъ со своимъ хозяиномъ, только что вернувшимся изъ сборни.

— Однако, три ведерка пошабашили... Вродѣ какъ бы могарыча..

— Не разорвало?—поинтересовался я.

— Н-н-н-о по бутылкѣ на брата не вышло... Съ чего тутъ разрывать то будетъ.

— Переселенцевъ то приняли?

— Приняли. Нельзя, братецъ ты мой, не принять... Того и гляди обрѣжутъ. А у насъ, у меня, къ примѣру, и у прочихъ крестьянъ, которые покрѣпче, заимки то за пять за семь верстъ... Тамъ хозяйство, стройки.... Иную заимку тыщи въ полторы не укладешь, такъ и обидно, какъ ежели новоселамъ то отойдетъ. Она дорога, пока на мѣстѣ, а повороти только и вся цѣна ей грошъ..... Теперь у насъ изъ-за этого самаго въ обчествѣ такое идетъ, что и не приведи Господь. У кого заимка,—тѣ за пріемку тянутъ; а у кого хозяйство небольшое—тѣмъ боязно, чтобы черезъ край не напримали, опасаются—самимъ не хватитъ.... Вся бѣда, не можемъ никакъ узнать—сколько у насъ чего, земли тамъ и прочее есть...

— Да вы бы къ крестьянскому начальнику,—посовѣтовалъ я.

— Якорь его забери, твоихъ крестьянскихъ то!—выбранился обычнымъ сибирскимъ ругательствомъ мой собесѣдникъ.—Ихъ тоже не разберешь.... Прежній—тотъ говоритъ: ребята, не примай, сами безъ земли останетесь.... А нонѣшній: ребята, примай, а то обрѣжутъ и ваши удобныя земли подъ участки отойдутъ.... Вотъ ты тутъ и разберись и выходитъ теперь, мы, какъ бы, гуси въ туманѣ.

— Съ боромъ какъ надумали?—вспомнилъ я до-

летѣвшіе до меня передъ началомъ схода обрывки разговора.

— А такъ и надумали, что не иначе какъ нонѣшнюю зиму его въ чистую порѣшить, потому все единственно обрѣжутъ, такъ ужъ по крайности на, не доставайся никому...

Я видѣлъ, что мой собесѣдникъ прямо-таки загипнотизированъ мыслью о будущей земельной тѣснотѣ и въ этомъ именно смыслѣ я задалъ ему вопросъ.

— А ты слыхалъ, что съ баргинскими то сдѣлали?— отвѣтилъ онъ мнѣ вопросомъ на вопросъ. Тамъ братъ довольно просто вышло: взялъ этотъ самый типографъ (топографъ) да и провелъ линію, грань-то, то есть, переселенческую, черезъ самыя, стало быть, риги ихнія баргинскія.... Да еще что! Берегъ рѣчной съ версту отмахнулъ и выходитъ, что баргинцы то и безъ рыбы и безъ водопоя... Вотъ какое дѣло вышло. Ну, мужики, конечно, къ крестьянскому.... Тотъ говоритъ: „Ждите, зимой комиссія али комитетъ какой будетъ, онъ все это и разберетъ“. Вотъ ты подумай, коли ежели риги можно замежевать, такъ гдѣ тутъ нашему бору удержаться...

Въ настоящее время вся жизнь сибирской деревни является какимъ то громаднымъ алгебраическимъ уравненіемъ съ массою неизвѣстныхъ величинъ, гдѣ послѣ знака равенства стоитъ сибирскій старожилъ въ качествѣ „гуся въ туманѣ“. совершенно растерявшагося и не знающаго, съ какой именно стороны грозитъ опасность сложившемуся вѣковому укладу деревенскаго строя. Грозитъ ли она ему со стороны топографа, которому придетъ фантазія замежевать деревенскія постройки въ переселенческій участокъ, или со стороны чиновъ поземельнаго устройства, которые уже и теперь начинаютъ нарѣзать по шести десятинъ на душу, какъ это имѣло мѣсто хотя бы въ селеніи Кубеково, Частоостровской вол., Красноярскаго у.,—для старожила сибиряка это совершенно безразлично. Одно несомнѣнно, что при безсистемости работъ мѣстнаго переселенческаго управленія, старожилу, благодаря прекращенію поземельнаго устрой-

ства, въ будущемъ грозитъ цѣлый рядъ совершенно непредвидѣнныхъ сюрпризовъ и я не особенно буду удивленъ, если сибиряки, при окончательномъ выясненіи надѣла, получатъ по три или четыре десятины на душу..... Первое время дальновидный старожилъ еще дѣлалъ кое-какія попытки обезпечить свое экономическое будущее, онъ еще пробовалъ указать переселенческому начальству, что стремленіе этого послѣдняго нарѣзать участки, гдѣ бы то ни было, лишь бы нарѣзать, въ концѣ концовъ приведетъ къ искусственному созданію аграрнаго вопроса даже и во многоземельной, какъ думаютъ, Сибири. Но, видя, что все это ни къ чему не ведетъ, разумѣется, опустилъ руки и, конечно, не можетъ питать къ новоселу особенно сердечныхъ симпатій. Чтобы не быть голословнымъ въ своемъ утвержденіи, возьму изъ нѣсколькихъ десятковъ всего лишь одинъ, достаточно—таки, характерный фактъ, подтверждающій мою мысль.

Еще въ 1903 г. крестьяне Ирбейской вол., Канскаго уѣзда не безъ нѣкоторой тревоги посматривали на то, съ какимъ легкимъ сердцемъ князь Хованскій, бывшій въ то время производителемъ работъ по переселенческому управленію, выдѣляетъ изъ казенныхъ лѣсовъ переселенческіе участки. Лѣса эти тянутся по правой сторонѣ рѣки Кана и понятно, что старожилы, живущіе на другой сторонѣ вблизи отъ боровъ (разстояніе колеблется отъ полуверсты до двухъ верстъ), имѣли право смотрѣть на лѣсъ, какъ на часть своихъ будущихъ лѣсныхъ надѣловъ, при предполагавшемся поземельномъ устройствѣ и уже въ 1904 г. возбудили ходатайство объ отводѣ имъ лѣса для семнадцати сельскихъ обществъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Нужно замѣтить, что въ числѣ этихъ обществъ нѣтъ ни одного, которое въ дачахъ своего фактическаго землепользованія имѣло бы строевой лѣсъ, а на ряду съ этимъ имѣются и такія, гдѣ нѣтъ даже и саженнаго кола, такъ какъ по лѣвой сторонѣ Кана на десятки верстъ тянется

степь съ мелкими рѣдкими колками тонкаг о березняка.

1 марта 1906 г. Департаментъ Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ увѣдомилъ „довѣреннаго отъ крестьянъ семнадцати сельскихъ обществъ — крестьянина села Ирбейскаго Андрея Краснопалова, что отводъ лѣсного надѣла его довѣрителямъ будетъ сдѣланъ при поземельномъ устройствѣ сельскаго населенія Канскаго уѣзда".

Крестьяне успокоились, но не надолго. Весною 1907 г. пріѣхалъ тотъ же князь Хованскій, на этотъ разъ уже въ качествѣ начальника землеотводныхъ работъ и распорядился произвести отводъ цѣлаго ряда переселенческихъ участковъ какъ разъ изъ тѣхъ мѣстъ, которые должны были идти подъ лѣсные надѣлы сельскому населенію Ирбейской волости.

Съ какими чувствами смотрѣлъ крестьянинъ Андрей Краснопаловъ и его довѣрители на совершающееся — понятно, какъ понятны и тѣ чувства благодарности, которыя они должны были питать къ своевременно обнадежившему ихъ Департаменту Земельныхъ Имуществъ.

Съ явленіями подобнаго рода не считаться было бы по меньшей мѣрѣ легкомысленно. Не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ населеніемъ Ирбейской волости, тѣмъ самымъ, которое въ 1902 г., доведенное до отчаянія конокрадствомъ и не находя себѣ нигдѣ защиты отъ этого бича сельскаго хозяйства, рѣшило прибѣгнуть къ самосуду и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ звѣрски убило и сожгло живыми свыше ста человѣкъ татаръ, не щадя ни женщинъ, ни даже грудныхъ младенцевъ.

Подъ именемъ Чуно-Ангарскаго края слѣдуетъ разумѣть площадь, примѣрно, въ семь-восемь милліоновъ десятинъ, ограниченную рѣками: съ сѣвера— Ангарой, съ юга — Оною, съ востока — Мурою и съ

запада рѣкою Тасѣевой, представляющей продолженіе рѣкъ Оны и Чуны, которая течетъ съ востока на западъ почти по срединѣ описываемаго района.

По единогласному отзыву сибирской печати, конечно достаточно освѣдомленной объ этомъ краѣ, онъ далеко не является страной, текущею млекомъ и медомъ. Хлѣба не хватаетъ ежегодно и средствами къ существованію служатъ добыча пушнины и рыбные промыслы. Населеніе тихое и кроткое, не только не видѣвшее по пяти лѣтъ врача, но даже и о блаженной памяти сибирскомъ засѣдателѣ сохранившее очень смутное, а потому и благожелательное воспоминаніе, ибо даже и этому, грозному для сибиряка былому начальству, не приходила въ голову мысль ѣхать въ мѣста, гдѣ селенія ограничиваются десяткомъ-двумя дворовъ и отъ своей метрополіи волости нерѣдко отдѣлены разстояніями въ триста-четыреста верстъ. Короче говоря, условія существованія въ этомъ краѣ признавались настолько суровыми, что населеніе его и чисто русское и по сіе время освобождено отъ отбыванія воинской повинности.

Не такъ, однако, думалъ бойкій коллежскій регистраторъ инженеръ Шеръ.

Обслѣдовавъ въ 1907 г. всю эту многомилліонную площадь всего лишь въ двухмѣсячный срокъ,—быстрота, отъ которой, нужно думать, пришелъ бы въ немалое изумленіе самъ генералиссимусъ Суворовъ, инженеръ Шеръ представилъ блестящій докладъ по начальству, изъ коего, какъ дважды два—четыре, явствовало, что въ обслѣдованномъ имъ краѣ имѣются чуть ли не милліоны десятинъ еланей (полянъ) и гарей, которыя ждутъ—не дождутся воспріять на тучную грудь свою алчущихъ земли переселенцевъ.

Однако, какъ ни симпатичны были для мѣстнаго переселенческаго управленія радужныя перспективы, нѣсколько скоропалительно выясненныя инженеромъ Шеромъ, оно не рискнуло сразу поставить работы и въ 1908 году, подъ руководствомъ двухъ производителей работъ, на этотъ разъ уже агрономовъ, а

не инженеровъ, Благовѣщенскаго и Шульги отправило на изслѣдованіе еще двѣ партіи.

Къ сожалѣнію, ни Благовѣщенскій, ни Шульга начальственныхъ вожделѣній не оправдали и вотъ что писалъ въ своемъ докладѣ первый изъ нихъ (здѣсь приводятся лишь краткія выдержки):

„Весь районъ, за исключеніемъ незначительныхъ пространствъ, разчищенныхъ подъ пашни и покосы жителями рѣдкихъ здѣсь селеній, покрытъ лѣсомъ".

„Изъ гарей этого района наибольшими являются карабульскія. Пространство, занимаемое ими громадно—300.000 десятинъ; онѣ уже успѣли порости молодымъ березнякомъ, а кое-гдѣ осинникомъ и лиственницъ. Гари эти по своимъ естественно-историческимъ условіямъ,—я не касаюсь условій экономическихъ, были бы вполнѣ пригодны для заселенія, если бы не возбуждали очень сильныхъ сомнѣній факторы климатическіе; на гаряхъ этихъ экспедиціи пришлось наблюдать сильные заморозки въ началѣ августа 4 числа: послѣ тихой ясной ночи, температура на водораздѣлѣ упала до 4,5°, а 7 августа наблюдался второй заморозокъ въ долинѣ рѣчки Хонопачети. Хотя минимумъ не былъ измѣренъ термометромъ, но судя по тому, какъ промерзъ мохъ въ наволокѣ рѣчки, можно думать, что морозъ былъ не менѣе перваго. По словамъ проводниковъ на этихъ горахъ иней и морозы всегда начинаются ранѣе, чѣмъ въ мѣстахъ болѣе низкихъ. Какъ въ долинѣ Ангары, такъ и Чуны значительнымъ неудобствомъ для новоселовъ было бы и то, что гари эти лежатъ далеко отъ населенныхъ пунктовъ и что вершины рѣчекъ, протекающія по гарямъ, зимою промерзаютъ до дна".

Не порадовалъ своего начальства и изслѣдователь восточной части Чуно - Ангарскаго района г. Шульга. Констатируя, что „часто пашни отстоятъ на десятки верстъ другъ отъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаютъ очень небольшія площади, всего въ 1,5—2 десятины", г. Шульга, въ заключительной ча-

сти своего довольно обширнаго доклада, говоритъ буквально слѣдующее:

„Сводя все сказанное объ изслѣдованномъ районѣ, мнѣ кажется возможнымъ формулировать общія замѣчанія о немъ такъ: страна лежитъ въ континентальной части области сѣверной тайги и обладаетъ всѣми характерными, извѣстными для этой области, общими чертами: 1) сильно выщелоченными подзолистыми почвами, покрытыми сплошными лѣсами сѣвернаго типа; 2) сильно заболоченными долинами и вообще большимъ распространеніемъ процессовъ заболачиванія; 3) холоднымъ, съ поздними весенними и ранними осенними заморозками, климатомъ".

„Наряду съ общей экстенсивностью хозяйства и крайней разрѣженностью населенія, въ районѣ наблюдаются признаки, свойственные странамъ, уже страдающимъ отъ малоземелья, какъ-то: частые споры изъ-за владѣній пашнями, нерѣдко передѣлы пашенныхъ земель, нерѣдки случаи удобренія ближайшихъ пашенъ навозомъ и т. д... Все послѣднее говоритъ, разумѣется, за недостатокъ въ окружающемъ просторѣ годныхъ, стоящихъ при данныхъ условіяхъ разработки земель. Относительно короткое лѣто и быстро наступающая осень требуютъ отъ хозяина очень интенсивной напряженности лѣтнихъ полевыхъ работъ по обработкѣ земли и, главное, по уборкѣ хлѣба, такъ какъ озимыя и яровыя поспѣваютъ почти одновременно. Плохіе подножные корма, плохіе сѣнокосы (обычно кислыхъ луговъ), невѣроятное количество такъ называемаго „гнуса" (мошки, комары, овода и проч.) очень скверно отзываются на продуктивности мѣстнаго скота и кто знаетъ — насколько могутъ помочь въ борьбѣ съ этими неблагопріятными факторами такія, напримѣръ, мѣры, какъ прилитіе улучшенныхъ кровей и т. п...

Учитывая всѣ эти общія и частныя неблагопріятныя условія Чуно-Ангарскаго хозяйства, приходится придти къ тому заключенію, что прогрессированіе именно земледѣльческой его отрасли должно идти очень медленно и очень постепенно слѣдовать за

общимъ развитіемъ экономическихъ условій края. Болѣе или менѣе рѣзкія измѣненія могутъ сопровождаться рѣзкими и часто раззорительными кризисами какъ для старыхъ, уже сложившихся, хозяйственныхъ единицъ, такъ особенно и для новыхъ, несомнѣнно менѣе приспособленныхъ, такъ сказать, къ мѣстнымъ условіямъ переселенческихъ хозяйствъ".

Такимъ образомъ общая картина Чуно-Ангарскаго края получилась весьма не схожая съ тѣмъ чуть ли не райскимъ эдемомъ, о которомъ въ своемъ докладѣ такъ краснорѣчиво повѣствовалъ инженеръ Шеръ и не довѣрять ей не было основаній, ибо это было не скоропалительное двухмѣсячное изслѣдованіе одного человѣка, а серьезная пятимѣсячная работа двухъ партій въ составѣ трехъ или четырехъ человѣкъ въ каждой. А картина получалась во всякомъ случаѣ не утѣшительная.

Въ самомъ дѣлѣ: пашенъ нѣтъ, еланей нѣтъ, почва болѣе, чѣмъ ненадежная, сѣнокосы плохіе, болотъ масса, рѣчки промерзаютъ до дна, климатъ для сельско-хозяйственной культуры весьма и весьма сомнительный, путей сообщенія не имѣется, а надъ всѣмъ этимъ царитъ глухая мертвая тайга, гдѣ ни одна пядь земли не можетъ быть отвоевана безъ выкорчевки...

Я не знаю, извѣстно ли было главному переселенческому управленію истинное положеніе вещей, но что мѣстное переселенческое управленіе было о немъ освѣдомлено, что начальникъ этого управленія г. Григорьевъ хорошо зналъ — на что онъ идетъ — сомнѣнія не оставляетъ.

Разумѣется, всякій другой, менѣе государственный умъ, струсилъ бы или во всякомъ случаѣ этотъ другой съѣздилъ бы и самъ посмотрѣть, дѣйствительно ли ужъ такъ плохо обстоитъ дѣло, какъ его обрисовали г.г. Благовѣщенскій и Шульга.

Г. Григорьевъ поступилъ иначе. „Ну тайга, такъ тайга. Велика штука тайга... Сожжемъ и—кончено",—

и ничтоже сумняшеся, внесъ въ смѣту на сожженіе тайги что-то около семидесяти тысячъ рублей...

Раннимъ іюньскимъ утромъ выѣхали мы съ ямщикомъ изъ деревни Шиткиной въ деревню Неванскую по отстроенной и принятой дорогѣ Тайшетъ—Дворецъ.

— На вершняхъ-то куда бы способнѣе, говорилъ ямщикъ, когда я взбирался на телѣгу.

— Это ужъ какъ есть не въ примѣръ удобственнѣе,—подтвердилъ другой, державшій лошадь подъ уздцы.

Доѣхали до плашкоута, который, какъ и всѣ переправы въ Восточной Сибири, двигается быстротою теченія, такъ что затраты человѣческихъ силъ почти что не требуется. Пождали полчаса—плашкоутъ на противоположномъ берегу не подаетъ никакихъ признаковъ жизни.

— Давай кричать перевозъ, всего, вѣдь, полсотня саженъ,—предлагаю я ямщику.

— Ничего не будетъ, господинъ. Теперь хошь обревись—все едино безъ толку.. Вотъ ежели вѣтеркомъ пахнетъ съ того берега, ну, такое дѣло—перевезутъ... А кабы на вершняхъ-то... Сейчасъ бы лодочку, лошадей за поводокъ, разлюбезное бы дѣло..

Солнце начинало припекать и спрятаться отъ жары было некуда. Часа черезъ два на наше счастье подулъ вѣтерокъ съ того берега и мы переправились.

Оказалось, что плашкоутъ точно нарочно былъ поставленъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ „безъ вѣтерка“ ходить онъ, за тихимъ теченіемъ, не могъ, несмотря на то, что болѣе четырехъ подводъ поставить на него невозможно.

— Вы ужъ, господинъ, простите, мы этому дѣлу не причинны... Кабы саженъ на двѣсти вверхъ или версты на полторы внизъ, николи бы задержки не было... Иной разъ здорово, которые проѣзжающіе ругаютъ насъ, перевозчиковъ, а мы тутъ, какъ есть, не при чемъ...

— Бываетъ и такъ, что ждутъ-пождутъ, да и обратно въ Шиткино вернутся.,. Главная вещь, что за глазами у начальства — резонируетъ мой ямщикъ, и меланхолически свертываетъ „собачью ножку“.

Относительно чудодѣйственности начальническихъ глазъ ямщикъ ошибся. Въ Красноярскѣ весною и осенью 1909 года, какъ разъ передъ окнами квартиры г. Григорьева дрожали отъ холода и корчились подъ дождемъ, сутками ожидая парохода, сотни плохо одѣтыхъ переселенческихъ семей съ ревущими бабами и простуженными ребятишками, а мѣстному переселенческому управленію даже и въ голову не пришло поставить, хотя бы временный, досчатый баракъ съ парочкою желѣзныхъ печей.

Что же было бы здѣсь, на рѣкѣ Онѣ, если бы переселенцы, оправдывая ожиданія начальства, двинулись сотнями подводъ на нарѣзанные уже участки?!.

Къ счастью для себя ожиданій этихъ они не оправдали, да, нужно думать, не оправдаютъ и въ далекомъ будущемъ.

Впрочемъ объ участкахъ мнѣ болѣе подробно придется говорить впослѣдствіи, а потому пока остановлюсь на дорогѣ Шиткино-Неванская (часть общей дороги Тайшетъ-Дворецъ), какъ наиболѣе характерной.

Дорога строилась въ обычномъ въ мѣстномъ переселенческомъ управленіи порядкѣ. Въ 1907 году однимъ изъ техниковъ было сдѣлано изысканіе. Разумѣется, техникъ этотъ, получившій нѣкоторое понятіе о нивеллирѣ лишь подъ руководствомъ инженера Шера, не былъ такъ неосторожень, чтобы сойти хотя бы на одну пядь съ той верховой тропы, которая была проложена охотниками тунгусами и благополучно вышелъ въ село Бунбуйское, куда выходить было совсѣмъ не нужно, ибо оно оказалось въ сторонѣ отъ магистрали.

Удовольствовавшись столь легковѣснымъ изысканіемъ, завѣдывающій переселеніемъ г. Григорьевъ весною 1908 года сдалъ дорогу подрядчику Михайловичу. Результатъ получился довольно нежелательный, такъ какъ, во-первыхъ, дорога вышла не туда,

куда ей слѣдовало бы выйти, во-вторыхъ, трубы, положенныя для стока воды, очутились въ сухомъ мѣстѣ и, въ третьихъ,—не были срыты косогоры и дорога, не ожидая проѣзда даже переселенцевъ, начала размываться.

Но какъ бы то ни было, осенью 1908 года, дорога комиссіею въ составѣ инженеровъ Глѣбовича и Крыжановскаго, помощника начальника переселенческаго управленія Никонова и контролера Преображенскаго была принята, т. е. признана годной къ проѣзду, а нѣкоторыя недодѣлки рѣшено было окончить на будущій 1909 годъ.

Къ сожалѣнію, комиссія не знала одного, а именно, что масса пней на полотнѣ дороги была срѣзана вровень съ поверхностью земли, или даже немного ниже; затѣмъ эти пни были засыпаны и сдѣлана укатка. Когда весною 1909 года насыпь осѣла, то пни, разумѣется, вылѣзли наружу и дорога сдѣлалась непроѣзжею.

Не спорю, что пни эти въ административномъ, такъ сказать, порядкѣ, вѣроятно, уже выкорчеваны, но что же было бы, если бы переселенческая волна въ райскій эдемъ инженера Шера и г. Григорьева двинулась весною 1909 года.

Нужно сознаться, не везетъ мѣстному переселенческому управленію съ дорогами.

Былъ инженеръ Куницкій—у того въ качествѣ „пней“ оказались черезчуръ добродѣтельные подрядчики Рачинскій и Піотровичъ... Создали комиссію и тутъ лелѣемое дитя г. Григорьева оказалось безъ глаза.

Въ концѣ концовъ, несомнѣнно будетъ виноватъ наблюдавшій за постройкой дороги техникъ Межевой (въ качествѣ стрѣлочника, конечно).

И какъ это онъ, право, одинъ осмѣлился не досмотрѣть за сотнями рабочихъ на протяженіи 50 верстъ!

Прежде, чѣмъ говорить о нѣкоторыхъ, особенно характерныхъ, переселенческихъ участкахъ въ отдѣльности, я долженъ напомнить, что дѣйствительные, болѣе или менѣе серьезные изслѣдователи Чуно-

Ангарскаго края, гг. Благовѣщенскій и Шульга, категорически утверждали, что несмотря на милліоны десятинъ свободныхъ пространствъ, земель, годныхъ подъ сельско-хозяйственное пользованіе, въ краѣ нѣтъ. за исключеніемъ тѣхъ ничтожныхъ клочковъ, которые тяжелымъ трудомъ отвоевало мѣстное населеніе у непривѣтливой тайги.

И нужно сказать правду, война велась упорная и происходила она такъ:

Крестьяне д. Неванской ѣздили пахать на гари за 30 верстъ, крестьяне села Выдринскаго ѣздили для той же цѣли и на тѣ же гари за 20 верстъ. Гари эти предварительно выкорчевывались и, если не захватывали заморозки, то первый годъ урожай получался прекрасный, второй годъ — хуже, третій еще хуже, а на четвертый годъ сѣять уже не рисковали и навсегда прекращали грустные сельскохозяйственные опыты. Въ настоящее время на этихъ мѣстахъ отведены переселенческіе участки и, разумѣется, не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать ихъ будущность.

Не удавалось съ гарями, мѣстное населеніе въ борьбѣ за существованіе обращалось къ другому.

По берегамъ рѣкъ Оны, Чуны и Ангары нерѣдко тянутся прибрежныя полоски земли (займища) шириной отъ нѣсколькихъ десятковъ саженъ до одной версты. Это продукты вывѣтриванія болѣе мягкихъ береговыхъ породъ, и, конечно, это мѣста, наиболѣе благодарныя въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и поэтому то всѣ онѣ сплошь заполнены заимками. Съ увеличеніемъ населенія, чистыхъ мѣстъ не хватало и населеніе перешло къ такъ называемымъ «чертежамъ».

«Чертежъ»—это мѣсто на займищахъ, поросшее лѣсомъ, обыкновенно березнякомъ, осинникомъ и лиственницей; лѣсъ этотъ подсачивается и затѣмъ вываливается и убирается лицомъ, ограничившимъ, «очертившимъ» (откуда и названіе «чертежъ») то или иное пространство. Работа, въ общемъ, несомнѣнно, тяжелая, продолжающаяся сплошь и рядомъ

10—15 лѣтъ, почему «чертежи» обыкновенно переходятъ въ наслѣдство отъ отца къ сыну въ качествѣ обычнаго имущества и, конечно, никому изъ односельчанъ и въ голову не придетъ это имущество оспаривать.

Думаю, что и приведенныхъ фактовъ совершенно достаточно для доказательства, что земель, годныхъ для переселенцевъ въ Чуно-Ангарскомъ краѣ въ данный моментъ нѣтъ и что мои выводы вполнѣ совпадаютъ съ выводами гг. Благовѣщенскаго и Шульги. Несомнѣнно, что и г. Григорьевъ видѣлъ, что дѣло обстоитъ очень неладно и что въ глухую тайгу, при отсутствіи полянъ, переселенцевъ не заманишь и вотъ почему на многихъ участкахъ оказались замежеванными не только части старожильческихъ земель, но даже и заимки, что, какъ извѣстно. совсѣмъ не рекомендуется и существующими на этотъ предметъ правилами и переселенческими циркулярами.

Желая избѣгнуть обвиненія въ тенденціозности, въ злостномъ извращеніи фактовъ, въ невѣрномъ освѣщенім вопроса, я предупреждаю заранѣе, что мною, какъ примѣры, взяты всѣ участки, безъ пропуска, расположенные или по самой дорогѣ Тайшетъ-Дворецъ, начиная отъ д. Шиткиной и до р. Муры, или по ближайшей смежности съ этой дорогой, что, надѣюсь, не лишаетъ меня права подтвердить, въ случаѣ надобности, общіе выводы и другими, увы, весьма многочисленными примѣрами и, притомъ, не по одному Чуно-Ангарскому району, но и по сосѣднимъ съ нимъ...

На правомъ берегу рѣки Оны, которая называется здѣсь еще Бирюсою, недалеко отъ д. Шиткиной, расположены два участка, одинъ съ поэтическимъ названіемъ „Кавказъ“, а другой просто «Сергѣевъ». На первомъ изъ этихъ участковъ уже поселилось до двадцати семействъ татаръ, у которыхъ немедленно же начались столкновенія съ крестьянами д. Шиткиной, что и понятно, такъ какъ татары поселились на заимкѣ крестьянина д. Шиткиной Бушикина, вошед-

шей въ площадь участка. Остальная площадь представляетъ таежные хребты.

Участокъ „Сергѣевъ“ — сплошные хребты, гдѣ сырые осинники чередуются съ боромъ и непроходимой тайгой. Такъ какъ готовой земли въ видѣ отборной залежи здѣсь нѣтъ, то на немъ не имѣется и переселенцевъ.

Въ семи или восьми верстахъ отъ д. Шиткиной, по направленію къ дер. Неванской, находится въ одной межѣ семь участковъ, заключающихъ въ себѣ около 900 долей, т. е. общая площадь участковъ, несомнѣнно, болѣе 15 тысячъ десятинъ. Всѣ эти участки временной комиссіей, обсуждающей качества участковъ, приняты еще въ 1908 г., но переселенцевъ на нихъ нѣтъ и по сіе время—и это понятно. До ближайшей грани участка («Ушканій»), начиная отъ р. Оны, идетъ непрерывный подъемъ на протяженіи 7 — 8 верстъ и снѣгъ на участкахъ весною 1909 г. лежалъ до двадцатыхъ чиселъ мая.

Ахъ, эти климатическія условія, о которыхъ такъ недвусмысленно повѣствовали г.г. Благовѣщенскій и Шульга. Вѣчно-то они устроятъ какую ни на есть препону кабинетнымъ предположеніямъ начальства!!..

Далѣе по той же дорогѣ Тайшетъ—Дворецъ, на лѣвомъ берегу р. Чуны, расположены въ одной межѣ: участокъ «Хивинка», «Оронча-Давыдовъ», «Цикаръ» и «Харкаликалъ», разсчитанные на 460 долей. Изъ этихъ участковъ только лишь одинъ «Хивинка» въ 66 долей можетъ разсчитывать на хотя бы частичное заселеніе, такъ какъ на немъ имѣется заимка Рукосуева, при которой около 40 десятинъ сѣноксса и пашни, разчищенной Рукосуевымъ, наивно думающимъ, что переселенческое управленіе заплатитъ ему за понесенные при разчисткѣ труды. Что же касается остальныхъ, то должно сказать, что «красотами природы» они отличаются несомнѣнно, но проходившіе осматривать ихъ ходоки этимъ, къ сожалѣнію, не удовлетворились. Даже грозный, удивительно красивый, особою угрюмою красотою, порогъ Тюменецъ, съ его поэтической легендой о погибшихъ

здѣсь двухъ царскихъ воеводахъ, плывшихъ изъ г. Тюмени, не прельстилъ упрямыхъ великороссовъ...

— Медвѣдь тутъ живетъ, ну, и пущай его живетъ, а мы пока что повременимъ, — разсудили ходоки и даже не полюбовались ревущимъ косматыми волнами порогомъ.

Удивительно не поэтическія натуры... А можетъ быть и до нихъ дошли слухи, что рабочимъ, прокладывавшимъ дорогу черезъ участки «Оронча-Давыдовъ» и «Цикаръ» еще въ двадцатыхъ числахъ мая 1909 г. съѣстные припасы подвозились на саняхъ ..

Очевидно, переселенческое управленіе было введено въ заблужденіе тѣми гарями, имѣющимися въ этихъ участкахъ, на которыя ѣздили когда-то чунари изъ с. Выдринскаго и д. Неванской. Но каковы эти гари—мы уже видѣли

Затѣмъ къ западу отъ дороги, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея по р. Таулакъ, образованъ на 205 долей участокъ того же наименованія. Участокъ этотъ внѣ всякаго сомнѣнія былъ бы пригоденъ къ заселенію, если бы... большая половина его не заливалась почти ежегодно водою, что имѣло мѣсто и въ весну 1909 года.

Но особенно интриговали меня участки, расположенные почти посрединѣ пути между с. Выдринскимъ и с. Чернявскимъ. Очень ужъ обстоятельно росписаны инженеромъ Шеромъ въ качествѣ сплошныхъ «бѣльниковъ», что, какъ извѣстно, обязываетъ предполагать почву наилучшаго качества и елани. По осмотрѣ пришлось, однако, еще разъ убѣдиться въ справедливости изрѣченія, что «бумага все стерпитъ».

Лѣсъ, дѣйствительно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ представляетъ собою бѣльники, но, къ сожалѣнію, березнячки, въ среднемъ не свыше четырехъ-пяти вершковъ въ діаметрѣ, растутъ на сырой заболоченной почвѣ и только кое-гдѣ, рѣдкими оазисами, выдѣляются лѣсные контуры, годные послѣ выкорчевки подъ сельскохозяйственную

культуру. И не даромъ же переселенческое управленіе изъ семи запроектированныхъ здѣсь участковъ три участка предназначало въ запасные...

Курьезнѣе же, или вѣрнѣе, печальнѣе всего то, что на участкахъ, несмотря на ихъ заболоченность, воды-то все-таки нѣтъ. Въ единственной рѣчкѣ Березовой, тихой и чрезвычайно заболоченной, рабочимъ приходилось нерѣдко прочищать русло, чтобы вода отстаивалась и была вполнѣ пригодна на варку пищи и на питье. Весною же, т. е. въ апрѣлѣ рабочіе предпочитали таять снѣгъ, а не пить сдохшуюся воду изъ промерзшей до дна Березовой.

— Гиблое мѣсто, пропадомъ здѣсь пропадетъ, кому жить придется... — въ одинъ голосъ говорили рабочіе, когда мы съ проводникомъ выѣхали изъ участковъ къ баракамъ на строящуюся дорогу.

— Колодцы выкопаютъ,—замѣтилъ я.

— Это конешно... безъ этого ужъ не обойтись... Только что нажимъ одинъ—чистой не докопаются... Вишь, она наскрозь болотина...

— Но-о, мужичье брюхо, братъ, стерпитъ,—не барское... Попучитъ, попучитъ, да при томъ же и останется... А ты, вотъ, гляди, чего они съ мерзлотой-то будутъ дѣлать?—замѣтилъ какой-то рабочій заводскаго типа.

— Вы бы, господинъ, въ подрядческій баракъ, къ господамъ нашимъ хозяевамъ, стало быть, заглянули... Днемъ, видите, жарища нестерпимая, аночью безъ желѣзной печки заснуть у нихъ невозможно... Снизу изъ-подъ пола, какъ изъ хорошаго погреба такъ и валитъ... Мы-то, по нашему простому званію, въ землѣ себѣ вырыли, да и подсушили огонькомъ, ну, а они, конечное дѣло, по господски норовятъ...

Если ко всему этому прибавить, что на всемъ протяженіи дороги Тайшетъ—Дворецъ за тѣ два года, которые строилась эта дорога, сожжены не только всѣ бора, изъ которыхъ находящіеся близъ села Червянскаго, едва ли не лучшіе въ Енисейской губер-

ніи, но затронута огнемъ на сотни верстъ и тайга, то будущность мѣстнаго населенія не представляется въ радужныхъ краскахъ.

Этимъ и оканчивается рядъ очерковъ о переселенческой эпопеѣ за 1907, 1908 и отчасти за 1909 года и думаю, что я былъ правъ, когда въ самомъ началѣ предупредилъ читателя, что онъ встрѣтится съ нѣкоторою отрывочностью изложенія, вполнѣ естественною при газетной работѣ. Въ настоящее время, не стѣсненный послѣднимъ обстоятельствомъ, я постараюсь быть нѣсколько систематичнѣе.

Когда мнѣ въ 1909 году попалъ въ руки „Планъ работъ по поземельному устройству и образованію переселенческихъ участковъ въ Енисейской губерніи въ 1909 году“ я сразу пришелъ къ выводу, что въ дѣлѣ нарѣзки переселенческихъ участковъ „прошли прекрасные дни Аранжуеца“ и, какъ я и предсказывалъ печатно ранѣе, статья г. Успенскаго „Дѣйствительность, а не мечты“, изданная имъ для увеселенія начальства, а можетъ и для своего собственнаго, увы, превратилась въ мечты—земельнаго колонизаціоннаго фонда несомнѣнно не хватило, или вѣрнѣе говоря онъ уже не существовалъ какъ таковой.

Изъ таблицы рода работъ вышеупомянутаго „плана“ явствовало, что на работы по поземельному устройству крестьянъ старожиловъ, по цѣлымъ тремъ уѣздамъ—Минусинскому, Канскому и Красноярскому назначалось всего лишь 8 производителей работъ, 2 завѣдывающихъ техническою частью и 27 топографовъ. Говоря другими словами поземельное устройство откладывалось еще десятка на два на три лѣтъ. Зато на образованіе переселенческихъ участковъ производителей работъ назначалось 15, завѣдывающихъ техническою частью 5 и 86 топографовъ. Все это для меня было не ново, не интересно и все это было въ порядкѣ обычной политики переселенческаго управленія. Словомъ, я хотѣлъ уже совсѣмъ распроститься съ пресловутымъ „планомъ“ какъ вдругъ, нечаянно взглянувъ на стр. 7, пришелъ въ

величайшее изумленіе.... Присматриваюсь и глазамъ не вѣрю:

Боже мой! Да гдѣ-же всѣ эти многомилліонныя площади колонизаціоннаго фонда, съ такой развязной увѣренностью исчисленныя господиномъ Успенскимъ въ его на пользу отечества трудѣ. Правда, и здѣсь подъ переселенческіе участки предположено къ отводу 538500 десятинъ. Но вѣдь какія-же это грустныя площади?!. Читаю на той-же стр. 7 робкій, чтобы не сказать иначе, лепетъ о томъ, что есть-де и хорошія мѣста..... Ну, Богъ съ вами, соглашаюсь и даже подсчитываю, что по вашимъ цифрамъ выходитъ, что хорошихъ мѣстъ 38500 десятинъ, Согласенъ даже и на то, что прекрасныя мѣста должны быть взяты творцомъ этого плана, проливавшаго въ свое время слезы въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Географическаго общества“ о гнусности такого поступка—у инородцевъ Минусинскаго уѣзда въ количествѣ 56000 десятинъ, какъ оно значится по „плану“ и всетаки вижу только 94500 десятинъ. Ну, на бѣдность въ хорошихъ мѣстахъ набавлю отъ себя, по добротѣ душевной, 55500 дес., чтобы вышло уже ровно 150000, получаю въ остаткѣ 388500 десятинъ и читаю дальше на стр. 7:

„Въ случаѣ, если соглашенія съ лѣснымъ вѣдомствомъ не послѣдуетъ, или связанныя съ нимъ формальности почему-либо затянутся, имѣющій получиться недоборъ долей будетъ пополненъ за счетъ земель Чуно-Ангарскаго района на сѣверѣ Канскаго уѣзда, гдѣ имѣется большой запасъ земель“.

Ну, вотъ это я понимаю. Вотъ такъ-бы и говорили... А то разводите какую-то канитель, а на стр. 6 сами пишете:

„Заготовка новаго земельнаго фонда будетъ вестись, главнымъ образомъ, въ Канскомъ и Енисейскомъ уѣздахъ; въ томъ же направленіи работы будутъ развиваться и въ дальнѣйшемъ.

Этимъ все сказано. Это, по крайней мѣрѣ, что называется, на чистоту..... Гдѣ-же и вестись, какъ не въ тѣхъ мѣстахъ, относительно которыхъ суще-

ствуютъ такія недвусмысленныя донесенія агрономовъ Благовѣщенскаго и Шульги...

Каюсь, что все это настолько заинтриговало меня, что именно въ 1909 то году я и постарался осмотрѣть и эдемы Шера и гиблыя мѣста, не рекомендованныя Благовѣщенскимъ и Шульгой, о чемъ и было писано мною ранѣе сего. Сознаюсь теперь и въ томъ, что былъ на одномъ изъ участковъ, нарѣзанныхъ и въ знаменитыхъ Карабульскихъ гаряхъ. Въ настоящее время я ничего не скажу объ этомъ участкѣ, и названіе-то его я позабылъ, да едва-ли оно и было въ то время.... „Стреженья“ эти, о которыхъ упоминаютъ и Шульга, и Благовѣщенскій при изслѣдованіи Карабульскихъ гарей—вотъ они, дѣйствительно, меня смущаютъ и выкорчевывать ихъ трудненько.... Какъ лѣсоводъ, а не агрономъ, боюсь сказать что либо категорическое и о почвѣ, хотя всегда думалъ, что кислотныя почвы не особая сласть для земледѣлія, что, между прочимъ, подтвердилъ и мой бывшій коллега, работавшій здѣсь въ то время по отводу заказниковъ, ревизоръ лѣсоустройства Н. В. Кузнецовъ, а онъ, какъ ни какъ, довѣрія заслуживаетъ, ибо человѣкъ не только съ высшимъ лѣснымъ, но и съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ.

Однако, какъ бы то ни было, когда я пишу эти строки, вся эта громадная площадь использована въ смыслѣ отвода переселенческихъ участковъ; къ ней проведены дороги, стоящія сотни тысячъ рублей.

А результатъ?

Вотъ если мнѣ мѣстное переселенческое управленіе скажетъ, что все тамъ заселено, что агрономъ Благовѣщенскій ошибся, утверждая, что климатическія условія тамъ никуда не годятся. Ну, тогда, конечно, придется расшаркиваться и извиняться.

Но если оно этого не скажетъ и не подтвердитъ цифрами, то въ невѣжествѣ своемъ я всегда буду думать, что чѣмъ весь этотъ огородъ городить, не лучше-ли бы было обратиться къ банку, тамъ же въ Россіи, да и прикупить землички.... Ей-ей же, по

простому коммерческому разсчету это и выгоднѣе-бы было и во всякомъ случаѣ не способствовало бы обнищанію старожильческаго крестьянскаго населенія, у котораго за время отвода Карабульскихъ гарей выгорѣли всѣ цѣнные бора вмѣстѣ съ сосѣдней тайгой, прокармливавшей добродушныхъ чунарей и сытно и безбѣдно.

Послѣ долгихъ заключеній добрался до деревни Хаи. Это, что называется «пупъ земли». Дальше, до ближайшей деревни Устьянки ни верхомъ, ни пѣшкомъ ходу нѣтъ и единственный путь сообщенія на лодкѣ. Страшно темныя и глухія мѣста, и при остановкахъ на ночлеги, когда за отсутствіемъ промысловыхъ избушекъ, приходилось ютиться подъ брезентомъ, сплавщики мои всегда просили выстрѣлить разъ или два, чтобы не подошелъ «черный звѣрь», т. е. медвѣдь, а огонь поддерживали всю ночь. Проплыли и красивый порогъ Араканъ, и долгій полутораверстный Волгинъ, и тихій на видъ, но опасный Соколокъ, и шумный, съ громадными сѣдыми валами грозно ревущій Дуракъ.

— Почему же онъ такъ называется? — интересуюсь я.

— А такъ кличутъ Дуракъ, ну, стало Дуракъ онъ и есть.

— Но почему же?

— Да такъ что онъ во всякую воду опасенъ—и въ среднюю, и въ малую, и въ большую, а другіе—который въ большую, который въ малую... А такъ, чтобы завсегда... это только онъ и есть...

Удовлетворяюсь объясненіемъ и, посмѣиваясь, вспоминаю, что удивительно мѣткія названія даютъ всегда крестьяне. Помню, какъ во время одной изъ моихъ поѣздокъ на плотѣ по изумительно красивой горной рѣкѣ Манѣ меня поразила своимъ названіемъ группа камней, почему-то окрещенная «Фершала», а чрезъ двѣ-три версты встрѣтился солидный, почти скрытый подъ водою камень, на который сильно натягивало теченіемъ. Камень носилъ названіе «Дохтуръ».

Объясненіе получилось крайне курьезное: оказалось, что когда сплавщики попадаютъ съ плотами на «Фершаловъ», то есть еще надежда отдѣлаться легкой аваріей: «поломаетъ, поковеркаетъ, а все же какъ ни есть сойдешь, ну, а ежели на «Дохтура» сѣлъ, тутъ тебѣ и крышка».

Черезъ шесть дней доплыли и до холодной, голубой красавицы Ангары и по ней спустились къ деревнѣ Кулаковой, Казачинской волости, Енисейскаго уѣзда, гдѣ меня очень интересовала цѣлая группа участковъ, нарѣзанная близь этой деревни въ 1908 г. и уже принятая временной комиссіей.

Не отъѣхали мы съ проводникомъ отъ деревни и двухъ верстъ, какъ онъ пріостановился и указывая на визирную линію, идущую почти близъ самой поскотины, замѣтилъ: вотъ она грань-отъ... Вишь, почитай подъ самую деревню подлѣзла.

— Это какъ же вышло?

— Какъ?!. Такое дѣло, что не отъ насъ... По протоколу вышло, вотъ какъ...

— Чего то ты городишь, парень,—усумнился я.— При чемъ же здѣсь какой-то протоколъ?

— Да такъ что сказалъ, что напишетъ протоколъ...

— Кто сказалъ?!. начинаю я терять терпѣніе.

— Однако кто же какъ не прызводитель (производитель работъ)... Пріѣхалъ какъ быть слѣдуетъ, при всей формѣ и съ эполетами... Обчество собралъ... Пишите, говоритъ, обчественный приговоръ, что отступаетесь отъ которыхъ своихъ земель... Мы-то сначала было не тово—кажнему обидно, такое дѣло, что своно жалко... Однако, онъ прицыкнулъ тутъ малость на насъ, а опосля и говоритъ: «не хотите, воля ваша... Мое дѣло такое, что составилъ протоколъ, да и уѣхалъ»... Видимъ, податься некуда, вотъ и подписали... потому протоколъ... Никуды не дѣнешься отъ него... А опосля того и вышло что подписать-то мы подписали, да и сталось, что прописали: изъ 9 заимокъ у насъ и осталось только 2, да пашенъ съ покосами десятинъ 500 туда же, къ новоселамъ, ото-

шло, а у насъ есть ли нѣтъ ли теперь десятинъ 300... Однако что нѣтъ?.. Вотъ онъ какой протоколъ-отъ бываетъ...

Я вполнѣ понималъ психику своего собесѣдника. Въ самомъ дѣлѣ, пріѣдетъ урядникъ, составитъ протоколъ и въ результатѣ арестъ или штрафъ; явится объѣздчикъ, составитъ протоколъ—тоже хорошаго немного; если же протоколъ начнетъ составлять слѣдователь, то это ужъ и совсѣмъ скверно. Очень естественно, что слово протоколъ на сѣвернаго таежнаго и робкаго мужика, далеко не такого бойкаго, какъ притрактовый, да еще сказанное съ соотвѣтственной внушительностью, и должно производить впечатлѣніе жупела на замоскворѣцкую купчиху.

Далѣе тѣмъ же простымъ и наивнымъ языкомъ проводникъ мой разсказалъ и о томъ, какъ довѣренные общества бѣжали было отъ топографа Абельтина, когда тотъ пошелъ не по той грани, по которой предполагалось идти и какъ они были остановлены сердитымъ топографомъ, угрожавшимъ имъ арестомъ и штрафомъ и, должно быть, въ возмездіе за ослушаніе не согласившимся на отводъ заимокъ хуторами. Словомъ, изъ этихъ разсказовъ ярко вырисовывалась общая картина безпомощнаго, затерянаго въ глухой тайгѣ, старожила при его встрѣчѣ съ переселенческимъ культуртрегерствомъ.

То же самое, какъ оказалось впослѣдствіи, имѣло мѣсто и по отношенію къ сосѣдней деревнѣ Кондаковой съ тою лишь разницею, что тамъ изъ 7 заимокъ досталось переселенцамъ 5, изъ коихъ двѣ съ ригами и гумнами.

Бѣдные министерскіе, хотя и многочисленные, но очевидно втунѣ писанные, циркуляры по поводу заимокъ!!.

Въ общемъ всѣ 13 участковъ оказались недурны, да и мудрено имъ было быть иными разъ у старожиловъ были отобраны лучшіе куски и я не сомнѣваюсь, что въ настоящее время большая часть ихъ заселена полностью. А все-таки ради этого не стоило и старожиловъ отграничивать такъ, что имъ, какъ

напримѣръ кулаковцамъ, пожалуй что и курицу выпустить некуда. Право, для Сибири это какъ будто рановато.

Иногда я задавался вопросомъ, откуда все это. Эта кичливость своимъ «я», это желаніе во что бы то ни стало поставить на своемъ, не считаясь ни съ какой государственностью; наконецъ эта полная невдумчивость въ свои дѣйствія? И я думаю, что не буду неправъ, если скажу, что это зависитъ отъ состава партій, гдѣ часто и производители работъ, т. е. по существу вершители землеотводнаго дѣла, не имѣютъ нерѣдко не только средняго образовательнаго ценза, но даже и низшаго. Естественно, что такой типъ, «достигши степеней извѣстныхъ», готовъ въ угоду мѣстному начальству обрѣзать не только всѣ заимки, но пожалуй и отъ самого себя откромсать какую-либо часть.. Конечно, я понимаю въ этомъ случаѣ и мѣстное начальство: корпусный командиръ, вылѣзшій изъ питомцевъ юнкерскаго училища, едва ли будетъ особенно благоволить офицерамъ генеральнаго штаба... Но совершенно отказываюсь понимать центральное переселенческое управленіе, умудрившееся въ 1909 году прислать въ глухую сибирскую тайгу въ качествѣ топографа нѣкоего Козелковскаго, окончившаго гдѣ-то въ Германіи чуть ли не школу Изящнаго Садоводства. Разумѣется изящный садоводъ осенью того же года, по возвращеніи съ работъ, былъ освобожденъ отъ занятій, но что же онъ успѣлъ надѣлать за лѣто, хотя и работалъ подъ руководствомъ старшаго рабочаго, взятаго на прокатъ у топографа Эйсбрюннера?!.

Можно и даже слѣдуетъ быть благожелательнымъ сановникомъ, но зачѣмъ же съ клироса посылать человѣка строить переселенческій пунктъ. а человѣка, понимающаго толкъ въ цвѣтникахъ и клумбахъ гнать въ непривѣтливую сибирскую тайгу устраивать переселенцевъ...

Эхъ, держали бы вы ихъ лучше у себя въ имѣніяхъ, что ли!

Съ весны 1910 года, когда уже почти всѣ работы по отводу переселенческихъ участковъ, за исключеніемъ Кетскаго района, были перенесены въ тѣ мѣста, гдѣ дачъ, принадлежащихъ лѣсному вѣдомству, почти не было, а тѣ, которыя были, особой цѣнности, въ смыслѣ фиска, не представляли—лѣсные чины сравнительно успокоились. Да и нечего было безпокоиться. Все, что было цѣннаго,—уплыло и растаяло, какъ уплываетъ и таетъ вешній ледъ. Все, что было устроено, на что были составлены планы хозяйства—все это было разстроено и цѣнность нѣкоторую имѣли еще остатки иллюминованныхъ плановъ. Разгромъ же общаго лѣсного хозяйства, по главнымъ артеріямъ сбыта—линіи желѣзной дороги и сплавнымъ рѣкамъ, былъ полный. Вездѣ усѣлись, на вновь отведенныхъ участкахъ, переселенцы и подъ ихъ эгидой начали процвѣтать Жоголевы, Кузнецовы, Гольдинзены, Пастуховы и иные, имена же Ты ихъ, Господи, вѣси... Стало быть безпокоиться было совершенно неумѣстно, чтобы не сказать глупо.

Однако это сладостное ничегонедѣланіе въ срединѣ іюня для меня было нарушено самымъ неожиданнымъ, но чрезвычайно пріятнымъ образомъ. Войдя какъ-то утромъ въ кабинетъ управляющаго государственными имуществами, я засталъ его въ „воинственномъ азартѣ“. Бумаги на письменномъ столѣ были въ безпорядкѣ, а длинныя ноги моего непосредственнаго начальника по діагонали такъ быстро измѣряли кабинетъ, что только паркетъ похрустывалъ.

— А знаете, вамъ вѣдь необходимо ѣхать въ Енисейскій уѣздъ,—воскликнулъ онъ, останавливаясь и по обыкновенію разставляя, какъ всегда дѣлалъ въ минуты волненія, ноги циркулемъ,—тамъ чортъ знаетъ, что дѣлается! Захватываютъ цѣнные бора!!. Лѣзутъ къ рѣкѣ Большой Кети, гдѣ тоже, какъ слышно, бора... Можетъ что нибудь и успѣете сдѣлать... Заказникъ что-ли какой нибудь тамъ образуете—авось что нибудь удержимъ... Я и предписаніе вамъ велѣлъ уже приготовить.

По грустному опыту прежнихъ лѣтъ я скептическимъ окомъ предвидѣлъ, что мы затѣваемъ обычное толченіе воды въ ступѣ, но тѣмъ не менѣе на другой же день съ наслажденіемъ прислушивался къ шлепанью пароходныхъ колесъ и стуку машины, размышляя о томъ, какъ это разчудесно будетъ забраться въ глухія дебри на цѣлый мѣсяцъ безъ газетъ и журналовъ, пожить чисто животной жизнью и вернуться обновленнымъ, съ окрѣпшими нервами...

Чрезъ два дня я уже осматривалъ «Мордовскій боръ», тотъ самый боръ, изъ-за котораго, выражаясь плохимъ каламбуромъ, весь сыръ-боръ и загорѣлся.

Общею площадью боръ былъ около 3.000 десятинъ—величина для Сибири незначительная. Почва чисто песчаная и только кое-гдѣ, мѣстами, переходившая въ сомнительную супесь. Короче говоря, о пригодности такой почвы къ сельскохозяйственному пользованію нечего было и думать. Полянъ (по-сибирски еланей) не было, но зато всюду росъ густой сосновый лѣсъ въ возрастѣ отъ 70 до 90 лѣтъ, съ кое-гдѣ выдѣляющимися, примѣрно 120-лѣтняго возраста, деревьями, т. е. въ общемъ это былъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ для восточной (да и для западной тоже) Сибири лѣсовъ, гдѣ благодаря ежегоднымъ страшнымъ лѣснымъ пожарамъ молоднякъ погибаетъ и остаются лишь, такъ называемыя, спѣлыя и переспѣлыя насажденія, цѣнности какъ строевой матеріалъ (въ особенности послѣднія) совершенно не имѣющія. Словомъ, за этотъ боръ я уже, такъ сказать, долженъ былъ и по долгу службы уцѣпиться, что называется, зубами.

Но было и нѣчто другое, что заставляло меня сдѣлать это. Мордовскій боръ тянулся вдоль рѣки Кети, впадающей въ р. Енисей всего лишь въ пяти верстахъ отъ г. Енисейска. При этомъ условіи нужно было быть до-нельзя наивнымъ, чтобы не понять такой простой вещи, что когда изъ Мордовскаго бора будетъ образованъ переселенческій участокъ, то на немъ немедленно поселятся, а также немедленно займутся сплавомъ лѣса. Чрезъ два, три года ново-

селы, разумѣется, уйдутъ, оставивъ въ наслѣдіе послѣ себя обгорѣлые пни и переносные пески. Кромѣ того, этотъ боръ, отъ котораго ближайшія казенныя дачи отстояли въ тридцати верстахъ, естественно долженъ былъ служить тѣмъ запасомъ, откуда только и могли быть выдѣлены при землеустройствѣ лѣсные надѣлы для пяти ближайшихъ старожильческихъ селеній, не имѣвшихъ даже и хворостинки.

Когда все это я выяснилъ производителю работъ г. Караваеву, тотъ немножко сконфузился, но все-таки далъ слово, что боръ въ 1910 году останется въ цѣлости. Цѣлъ-ли онъ теперь—не знаю? Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ.

— Знаете, требуютъ,—сказалъ мнѣ, разводя руками, г. Караваевъ,—требуютъ, чтобы было больше накрошено участковъ и притомъ такихъ, чтобы на нихъ сразу заселились...

Послѣ этого пришлось ѣхать на р. Большую Кеть, гдѣ Переселенческимъ Управленіемъ были поставлены весьма серьезныя, по количеству, конечно, работы по отводу переселенческихъ участковъ. Рѣка эта интересовала меня еще и потому, что она относилась уже къ обскому бассейну, а не енисейскому, и составляла среднюю часть Объ-Енисейскаго канала, поглотившаго массу денегъ, но назначенія своего, какъ извѣстно, не исполнившаго *).

Началомъ предстоящаго путешествія должна была служить деревня Тархово. По дорогѣ до нея обычная сибирская картина: сначала березовые колки, среди разбросанныхъ тамъ и сямъ пашенъ, съ сѣрыми и тусклыми, прилѣпившимися на нихъ заимками, затѣмъ тайга съ ея уходящими въ голубую высь вершинами ельниковъ и пихтачей. Вотъ и все. Доѣзжаю и до такъ называемой „Шайтанской гари“, о которой, какъ о сельскохозяйственномъ эльдорадо, слухи доходили до меня и ранѣе. Общая площадь ея, около 100.000 десятинъ, расположена по правому берегу

*) Въ настоящее время предпринятъ рядъ изысканій, о чемъ мною будетъ сказано ниже, какъ объ одномъ изъ курьезовъ переселенческой сутолоки.

р. Большой-Кети и составляетъ не только лучшую, но и единственную, пригодную для заселенія, часть Кетскаго района. За Шайтанской гарью начинаются бора, въ прирѣчной полосѣ переходящіе въ насажденія ели, пихты и осины, съ высящимися среди этихъ насажденій красавцами кедрами. Повсюду разбросаны заимки крестьянъ Шадринскихъ, Лукояновскихъ, Челбышевскихъ и др. Все это настоящіе хлѣборобы, которымъ, конечно, предстоитъ, послѣ отобранія заимокъ съ пашней и сѣнокосами при нихъ, неминуемое разореніе. Другой совершенно укладъ жизни у тѣхъ немногочисленныхъ селеній, которыя расположены въ этой части по р. Большой-Кети. Этихъ селеній всего четыре: деревня Тархово, выселокъ Филиппэвскій, село Маковское и деревня Ворожейка, за которой вплоть до границы Томской губерніи одиночными чумами посѣли остяки. Печальное и неотвратимое будущее предстоитъ всѣмъ этимъ тарховцамъ, маковцамъ и другимъ. Дѣло въ томъ, что всѣ они селились по рѣкѣ въ расчетѣ на звѣровой промыселъ и на сборъ кедровыхъ орѣховъ и брусники, да и Большая-Кеть такъ изобилуетъ рыбой, что недостатка въ пищѣ быть не могло. О сельскомъ хозяйствѣ никто и не думалъ и всѣ смотрѣли на это дѣло только какъ на пособіе къ промыслу. Къ тому-же и тяжелая суглинистая почва черной тайги, и чисто песчаная почва боровъ не давали никакой надежды на то, что трудъ сельскаго хозяина вознаградится. Такимъ образомъ, даже и тѣ жалкія пашни и сѣнокосы, которыми владѣли тарховцы, филипповцы и т. д., оказались отодвинутыми отъ жилыхъ мѣстъ на пятнадцать, двадцать, а иногда и двадцать пять верстъ.

Словомъ, во всѣхъ этихъ селеніяхъ устанавливалась вполнѣ естественная и тѣсная связь между природою и человѣкомъ, причемъ послѣдній цѣликомъ зависѣлъ отъ первой. Не будетъ боровъ съ ихъ брусникой, бѣлкой и иной живой тварью—не будетъ и поселеній по Большой-Кети. Не будетъ всѣхъ этихъ величавыхъ красавцевъ кедровъ на

прирѣчной полосѣ, нечего будетъ тутъ дѣлать и человѣку. А это будетъ и будетъ въ самомъ недалекомъ будущемъ. Въ своей погонѣ за образованіемъ возможно большаго количества участковъ съ руководящимъ принципомъ: „Числомъ поболѣе, цѣною подешевле“,—переселенческое управленіе совершенно забыло все, о чемъ оно писало раньше, и забыло самымъ основательнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, въ „Инструкціи отъ 28 іюня 1898 г. (точно не помню, быть можетъ и отъ 12 іюня) по изслѣдованію таежныхъ пространствъ Сибири“ имѣется совершенно точное указаніе на то, что, при нарѣзкѣ участковъ, не менѣе 40% ихъ общей площади должно быть зачислено, разъ только это позволяютъ насажденія, въ казенныя лѣсныя дачи. Ничего подобнаго въ участкахъ, образованныхъ изъ Шайтанской гари, не сдѣлано, т. е. чрезъ какихъ нибудь пять-шесть лѣтъ переселенцевъ ожидаетъ перспектива ѣздить за лѣсомъ за десятки верстъ. Когда, во время осмотра лѣсовъ по правому берегу р. Большой-Кети, мнѣ пришлось случайно натолкнуться на отдыхавшаго на полянѣ знакомаго топографа и завести разговоръ по этому поводу, такъ тотъ только рукой махнулъ:

— Когда, батюшка мой, гонятъ, что называется, въ хвостъ и въ гриву, такъ ужъ тутъ не до образованія вашихъ дачъ, да правильныхъ описаній участковъ... Вотъ видите общій-то планчикъ... Понимающему человѣку глазомъ метнуть достаточно, чтобы сказать, что тутъ во внутреннихъ контурахъ все отъ начала до конца наврано.... Да и нельзя иначе: сами знаете какая нормочка-то на нашего брата навалена... Ну и жаримъ во всю, шкуру свою спасаючи... А на видъ не планъ, а чисто конфетка леденистая—чуть не всѣ участки квадраты и границы подъ прямыми углами отведены... Все это тоже цѣнить нужно,—усмѣхаясь усмѣшкой авгура закончилъ топографъ.

— Послушайте, даете-же вы копіи этихъ плановъ предъ временными комиссіями членамъ то этихъ комиссій? Вы же это обязаны дѣлать.

— Го-го, нашли дураковъ!—откровенно расхохо-

тался мой собесѣдникъ. Исправнику и податному, разумѣется, дать можно, такъ какъ имъ на эти участки, собственно говоря, совершеннѣйше наплевать и на мѣсто провѣрять они никогда не поѣдутъ. А вотъ насчетъ крестьянскихъ.... это весьма и весьма подумать надлежитъ: никому какъ имъ съ старожилами и новоселами придется возиться впослѣдствіи... Самый-же ядовитый для насъ народъ—это лѣсничіе: въ планахъ понимаютъ, конечно, не меньше нашего, а относительно описаній и толковать нечего... Го-го, дай-ка ему матеріалъ-то заранѣе, такъ онъ, коли человѣкъ ретивый, такихъ щепъ нащепаетъ въ комиссіи, что только ахнешь, а послѣ отъ начальства раздѣлка за милую душу... Хорошо еще, что изъ крестьянскихъ рѣдко путный народъ попадаетъ, а то былъ-бы намъ форменный каюкъ,—посмѣивался разболтавшійся топографъ. Эхъ, то ли дѣло Минусинскій уѣздъ! Вотъ тамошнимъ все, что угодно, можно было дать. Пріѣдутъ изъ Питера, проворуются, благо переселенческія деньги въ рукахъ, и либо уѣдутъ, либо подъ судъ...

— Однако вы, кажется, тово...

— Чего тамъ тово?!.. Вы то не знаете, что-ли, что ихъ за одинъ годъ четыре человѣка проворовалось?.. а ихъ всего-то въ цѣломъ уѣздѣ пять... Въ Канскомъ и въ Енисейскомъ есть мальчики, чортъ-бы ихъ взялъ!.. Слава Богу, что на наше счастье такихъ немного, а то бы бѣда.

— Чѣмъ же это они вамъ насолили?

— И очень просто! Есть три типа крестьянскихъ начальниковъ. Первый—это минусинскій, самый что ни на есть для насъ удобный... Второй,—это тѣ пижоны, которые пріѣзжаютъ къ намъ, польстившись на живое переселенческое дѣло... Ну, эти живо вдуваются, ибо канцелярщины не признаютъ и хотятъ дѣлать дѣло... Скажемъ, примѣрно, какъ вашъ знакомецъ Утинъ, который тѣмъ только и виноватымъ оказался, что мужикамъ, когда имъ жрать было нечего, деньги и хлѣбъ безъ разрѣшенія начальства роздалъ и за сіе чуть подъ судъ не угодилъ. Этихъ-то

нашъ Викторъ Ювентиновичъ живо съѣдаетъ и даже, можно сказать, съ косточками... На томъ стоитъ-съ...

— Ну, а третій?—поинтересовался я.

— Что уже грѣха таить... Третій, правду сказать, для насъ зарѣзъ... Къ счастью немного ихъ.... Найдется-ли нѣтъ-ли на всю губернію человѣка три-четыре и это еще вопросъ. А то бы бѣда.... Доѣхали-бы они насъ... Главное дѣло, что имъ до тонкости извѣстно и экономическое положеніе населенія и всѣ иныя прочія детали. Возьмите вы Канскую комиссію... Тамъ крестьянскій опротестовалъ чуть не пятнадцать участковъ. И сами видимъ, правильно протестуетъ, а куда податься?!. И всѣ протесты, за исключеніемъ чуть-ли не одного, прошли, да и нельзя иначе—больно ужъ обкарнали старожиловъ.... Словомъ, скажу откровенно, эти, которые здѣсь прослужили десятокъ лѣтъ и вошли въ нужды населенія и находятся, такъ сказать, въ курсѣ дѣла,—эти для насъ бѣда... То ли дѣло какой нибудь Сайлотовъ... Вотъ это нашему брату находка.

Какой еще Сайлотовъ?

— Ну, развѣ не знаете?!. Весьма милый господинъ. Теперь непремѣннымъ членомъ въ Семипалатинскѣ состоитъ... за ревность къ службѣ должно быть... Вотъ эти для насъ благодать. Чуть-чуть аграрную исторію намъ въ Канскомъ уѣздѣ не устроилъ... Хо-хо-хо!...

— Въ Сибири-то?.. Да вы ошалѣли!

— И опять-таки очень просто. Умѣючи и похрабрѣе только нужно... Этотъ самый мусью Сайлотовъ, недолго думая, взялъ, да и заселилъ все, что мы отхватили отъ деревень Поповичей и Ношиной. А тутъ пошли жалобы въ губернское присутствіе, оно и позадержи участки-то отъ заселенія, а уже тамъ сидятъ... Мужики-то и поднялись, и вышло по хорошему... Однако, заселилъ, хотя-бы и безъ всякихъ правовъ... Храбрость, батюшка мой, нужна по нынѣшнимъ временамъ.. Храбрость и энергіи по больше... А можетъ и нахальства, подумавъ, прибавилъ онъ,

Кто-то изъ рабочихъ подалъ бурливший кипяткомъ

эмалированный синій чайникъ и, заваривъ чай, мы комфортабельно разлеглись на брезентѣ подъ дымокъ костра, отгонявшаго мошку и назойливыхъ оводовъ, увивавшихся около верховыхъ лошадей.

— Вотъ, ѣда-то есть, а ужъ выпить, извините, нечего,—говорилъ мой знакомецъ, предлагая мнѣ застрѣленную утромъ и изжаренную тетерьку.

— Положимъ это дѣло поправимое... Если хотите, у меня съ собой цѣлая четверть спирта и даже въ такой посудинѣ, въ какой спиртоносы его на пріискъ таскаютъ...

— Нѣтъ, Богъ съ нимъ, не стоитъ, а то побалуешься и съ понталыку, пожалуй, собьешься...Вѣдь я за три мѣсяца первый разъ живого человѣка встрѣтилъ... Такъ поневолѣ разболтаешься тутъ, какъ сорока. Страшно съ этими дебрями: опасны онѣ бываютъ иногда для нашего брата топографа.

— Положимъ, черезъ нѣсколько лѣтъ отъ этихъ дебрей одно воспоминанье останется, благодаря вашимъ участкамъ.

— Вѣрно, насчетъ этого будьте покойны. Южныя лѣсистыя части нашихъ участковъ вплотную подошли къ борамъ, ну, значитъ, въ первую голову, тарховцамъ каюкъ,—закончилъ своимъ любимымъ словомъ топографъ. А жаль, продолжалъ онъ, вы возьмите то въ разсчетъ... Ну, скажемъ, среднюю крестьянскую семью изъ пяти душъ мужского и женскаго пола... Въ общемъ отъ тайги и боровъ она примѣрно имѣетъ: до 500 штукъ бѣлки, пудовъ на сотню брусники да не меньше того кедровыхъ орѣховъ... А теперь считайте: бѣлка — полтинникъ, брусника — трешница пудъ и орѣхи пара рублей, а всего то выходитъ 750 цѣлковенькихъ. Замѣтьте, что я не беру въ разсчетъ рыбу на Кети, не принимаю во вниманіе случайностей въ видѣ добычи соболя, медвѣдя, сохатаго и т. д. И что скверно... Впрочемъ, нѣтъ, не скверно, а прямо-таки ужасно... это то, что всѣ эти маковцы, тарховцы, филипповцы и иные прочіе даже не сознаютъ, что они наканунѣ разоренія, наканунѣ полнаго переворота всего ихъ обихода, выработаннаго многими

десятками лѣтъ! Они не понимаютъ, что придутъ новые люди, новоселы, что начнутъ они жечь свои „бѣльники“, а потомъ огонь перейдетъ въ бора... Эхъ, нехорошо дѣлать такую работу... Можетъ вы въ заказъ возьмете эту часть?

О взятіи въ заказъ боровъ въ шестьдесятъ верстъ длиною и въ три-четыре версты шириною, конечно, не могло быть и рѣчи, разъ переселенческіе участки подошли вплоть, а одинъ изъ нихъ даже вышелъ на самую Большую-Кеть.

Когда я, распростившись съ гостепріимнымъ и словоохотливымъ хозяиномъ, влѣзалъ на сѣдло, онъ, улыбаясь невеселой улыбкой, говорилъ:

— Да-съ, а ужъ очки-то временной комиссіи мы вотремъ и, можно сказать, въ лучшемъ видѣ все это обтяпаемъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ Тарховѣ четыреста душъ, а мы имъ оставляемъ сорокъ пять тысячъ десятинъ... Норма, изволите видѣть, неслыханная— по сто десятинъ на каждую чумазую физіономію... Положимъ, подъ сельское хозяйство тутъ ничего не заберешь, да и вообще чрезъ два-три года отъ всего этого одни обгорѣлые пенечки да валежъ останется, но сіе не суть важно...

Село Маковское оказалось для меня тѣмъ-же, чѣмъ въ прошломъ году была деревня Хая на рѣкѣ Чунѣ— ни проѣзду, ни проходу по правому берегу Большой-Кети не было.

— Ежели въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, когда кочки засыпетъ снѣгомъ, тогда можно на одной лошадкѣ проѣхать... А теперь ни Боже мой,—утѣшилъ меня мѣстный батюшка. Кромѣ какъ на лодкѣ никакихъ сообщеній у насъ не полагается. Я и самъ съ требами разъ весною, да разъ къ осени только и ѣзжу къ моимъ остячкамъ... И лодочку, коли пожелаете, я вамъ дамъ свою съ большимъ удовольствіемъ.

Осмотрѣли лодку, обтянули среднюю часть ея брезентомъ. Матушка нажарила намъ великолѣпныхъ карасей въ сметанѣ, раскупорили и жестянку со спиртомъ, но все это меня мало устраивало. Я предви-

дѣлъ, что слишкомъ много мнѣ придется путешествовать по борамъ и притомъ пѣшкомъ, чтобы опредѣлить ихъ границу. Какъ-ни-какъ, на утро выѣхали. Четыре гребца и пятый на кормѣ быстро погнали лодку по теченію.

— Сколько верстъ до Ворожейки считаете?

— Да какъ вамъ сказать... По нашему-то не по верстамъ считаемъ, а по пескамъ... Пожалуй, песковъ полтораста и будетъ.

Вотъ такъ штука! Въ моей практикѣ этого еще не бывало. Рядомъ разспросовъ удается установить, что песокъ отъ песка отстоитъ приблизительно на полверсты и выходитъ отмыскомъ, то съ правой, то съ лѣвой стороны рѣки. Сначала я совершенно не могу понять этого, но затѣмъ, когда ѣду дальше и присматриваюсь, я вижу, что все это происходитъ благодаря теченію рѣки, бьющему въ тотъ или иной берегъ и когда я всматриваюсь въ эти мощные пласты крупнозернистаго песка, выходящаго на берега рѣки то тутъ, то тамъ, мнѣ дѣлается непріятно, какъ будто присутствуешь въ качествѣ зрителя при какомъ-то скверномъ дѣлѣ... А оно есть, это скверное дѣло: когда будутъ сожжены бора и освободятся изъ подъ сдерживающаго ихъ покрова пески, то, конечно, многоводная Большая-Кеть превратится въ мелководную, а это отразится и на Объ-Енисейскомъ каналѣ, на который такъ много возлагаютъ надеждъ...

Но самая большая-Кеть прелестна съ ея старицами, гдѣ выводятся тысячи утокъ всевозможныхъ породъ, съ ея дикими дебрями, гдѣ такъ хорошо себя чувствуютъ глухари и рябчики... Такого охотничьяго эльдорадо я, несмотря на свои многочисленныя скитанія по тайгѣ, еще никогда не видѣлъ. Дичь здѣсь не обращаетъ никакого вниманія на громадную лодку, въ которую батюшка, ѣздившій съ требами „по остячкамъ“, погружалъ до сотни пудовъ брусники. И сплошь и рядомъ приходилось наблюдать какого нибудь нахала селезня, который плылъ впереди лодки, да еще оглядывался: кто кого перегонитъ—онъ-ли лодку, или она его?... А вотъ и мама-глухариха или

по-сибирски копалуха. Со всѣмъ выводкомъ она вышла на песокъ, чтобы напоить своихъ ребятишекъ, но, увидѣвъ насъ, скрывается въ кедровую и пихтовую чащу. Но тутъ уже мои охотничьи инстинкты не выдерживаютъ и мы приворачиваемъ лодку къ берегу... Съ искрящимися глазами яраго охотника, выпрыгиваетъ за мною одинъ изъ гребцовъ и я, по его указанію, «добываю» четырехъ глухарятъ, прилѣпившихся къ вѣткамъ ели.

Останавливаемся для обѣда и послѣ его съ двумя гребцами, подбодренными передъ обѣдомъ чаркой спирта, идемъ осматривать бора.

Нужно сознаться, что хороши они, эти бора съ ихъ цвѣта яичнаго желтка вершинами, съ ихъ скромной зеленью внизу. И грустно мнѣ дѣлается за нихъ, предназначенныхъ къ искупленію россійскаго Молоха... Эти бора, несомнѣнно, стоятъ милліоны и настолько по однимъ ихъ техническимъ качествамъ, идеальнымъ уже потому, что ихъ не касался огонь—явленіе для Сибири почти немыслимое, но и потому, что для окрестнаго населенія они составляютъ все...

Я рѣшилъ ихъ взять въ заказъ, но изъ этого, къ сожалѣнію, ничего не вышло, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать.

— Вы говорите—милліоны!... Вѣрю, что милліоны!.. Что вы думаете, не понимаю развѣ? Но, согласитесь же, для проектируемаго вами заказника нужно трехъ объѣздчиковъ, т. е. тысяча рублей.... А изъ какихъ кредитовъ мы ихъ возьмемъ?! Сами знаете, какъ на это нашъ департаментъ смотритъ: есть доходъ, дадутъ и стражу, а нѣтъ, такъ шишъ получите,—говорилъ мнѣ послѣ моего словеснаго доклада мой патронъ.

На этомъ и порѣшили, что слѣдуетъ ограничиться платоническимъ воздыханіемъ... А тутъ, кстати, еще загорѣлись кедровники на верховьяхъ рѣки Маны и пришлось заняться тушеніемъ громаднаго лѣсного пожарища, или, если сказать правду, не тушеніемъ, а возможной локализаціей огня впредь до того момента, когда „Никола Милостивый“ пошлетъ нѣсколько основательныхъ дождичковъ...

Во второй половинѣ августа, когда лѣсной пожаръ выпавшими дождями былъ прекращенъ, я былъ обрадованъ появленіемъ у себя въ квартирѣ управленскаго курьера, пригласившаго меня явиться по экстренному дѣлу предъ свѣтлыя очи начальства, которое и засталъ расхаживающимъ въ нѣкоторомъ волненіи по кабинету.

— Знаете, сюда или вѣрнѣе въ Томскую губернію ѣдутъ Столыпинъ и Кривошеинъ и, нужно думать, по переселенческому вопросу... Вы по поводу своей поѣздки на Кеть ничего не написали. Садитесь и пишите, надѣюсь, въ трое сутокъ успѣете.

— Могу-съ. А вы по поводу вашей поѣздки на Усъ тоже что нибудь черканете? Сколько я могъ уразумѣть изъ вашихъ разговоровъ послѣ поѣздки, этотъ Усъ вродѣ такой же дряни, какъ и знаменитыя Карабульскія гари на Чунѣ.

— Знаете, рискнемъ еще разъ!... Вы свой докладъ, а я свой... Больно ужъ по сердцу бьетъ.... Усъ, какъ вы знаете, ни чорта не стоитъ!... Есть хорошія мѣстечки, но онѣ за двѣсти-триста верстъ отъ нашей границы и не такіе дураки китайцы, чтобы насъ туда пустили.... И еще добавлю: когда я отсюда уйду, послѣ всего этого разгрома нашихъ всѣхъ лѣсовъ, какъ вы думаете, что будутъ обо мнѣ говорить?

— Хорошаго не скажутъ,—подалъ я реплику.

— Ну то-то и есть... Рискнемъ, а потомъ и закаемся, если и на этотъ разъ не выгоритъ.

Свое начальство І. К. Окулича я зналъ, какъ большого карьериста, но въ счетъ этого ему, какъ продукту своего времени (охъ, конституціонному) никогда не ставилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, энергію его, хотя-бы и ради карьеры, я цѣнилъ по достоинству и никогда не отрицалъ ее, тѣмъ болѣе, что иногда прорывались минутки, когда мой патронъ чувствовалъ, что онъ дѣлаетъ не то, что нужно, и это меня подкупало.

Чрезъ двое сутокъ начальство уѣхало, а чрезъ четверо воротилось кислое и недовольное.

— Ну, что, какъ дѣла?—спрашивалъ я.

— Это вы у вашихъ пріятелей, переселенческихъ чиновниковъ, спрашивайте, благо у васъ ихъ цѣлая куча знакомыхъ, а меня ужъ оставьте въ покоѣ... И въ вагонъ-то попалъ только благодаря нашему департаментскому курьеру, который узналъ меня..... А безъ этой протекціи—шабашъ.

— Ну, а докладъ?

— Какіе тамъ, у чорта, доклады! У меня трое ребятъ, да четвертый наклевывается... А вы—докладъ! Хорошо вамъ разсуждать, когда у васъ ни за собой, ни передъ собой и вы на все плюете. Не всякому, батюшка мой, этакое счастье дано...

Я видѣлъ, что мы, какъ говорится, прогорѣли, и постарался исчезнуть.

Теперь о другомъ.—Какъ обстоитъ дѣло поземельнаго устройства старожиловъ и новоселовъ, видно изъ предыдущаго. И поэтому мнѣ стало смѣшно, когда г. Рѣзниченко, завѣдывающій медицинской частью по переселенію, съ храбростью бывшаго военнаго человѣка, на чумномъ съѣздѣ заявилъ, что переселенцевъ возвращается обратно отнюдь не болѣе 6%.

Подобныя утвержденія я назвалъ-бы по меньшей мѣрѣ рискованными и на всякій случай посовѣтовалъ-бы г. Рѣзниченко справиться въ землеустроительныхъ россійскихъ комиссіяхъ. Тамъ эти свѣдѣнія несомнѣнно имѣются, ибо кто-кто, а россійскіе помѣщики этимъ очень и очень интересуются. И это понятно: возвращается элементъ такого пошиба, которому въ будущей революціи, если таковая будетъ, предстоитъ сыграть страшную роль. Возвращается не тотъ, что всю свою жизнь былъ батракомъ и уже отвыкъ отъ того, что ему, какъ сказочному Антею давало невѣроятную гигантскую силу. Возвращается недавній хозяинъ, тотъ, кто никогда и помыслить не могъ о томъ, что онъ и земля могутъ существовать разъѣльно, и этотъ человѣкъ, справедливо объятый кровной обидой за то, что его не сумѣли устроить, а сумѣли

лишь раззорить и изъ бывшаго хозяина и хлѣбороба превратить не только его, но и всѣхъ домашнихъ, въ никчемныхъ людей—этотъ человѣкъ ужасенъ для всякаго государственнаго строя, каковъ-бы онъ ни былъ. И лучшими, прозрѣвшими съ 1905 года, умами этотъ учетъ ведется.

Весною 1910 года, когда я ѣздилъ въ Европейскую Россію къ себѣ на родину, именно по этому поводу мнѣ и пришлось побесѣдовать съ мѣстнымъ предводителемъ дворянства, человѣкомъ убѣжденій очень и очень консервативныхъ, что отнюдь не мѣшаетъ мнѣ его уважать уже по одному тому, что это рѣдкій, не покладающій рукъ, работникъ, садящійся за дѣло съ 9 часовъ утра и совершенно непохожій на тѣхъ щедринскихъ предводителей дворянства, кои всю славу свою полагали въ красномъ околышѣ и въ проѣданіи родительскихъ помѣстій.

— Охъ, учитываемъ, да еще какъ учитываемъ,— сказалъ онъ мнѣ: не даромъ насъ изъ деревень-то въ городъ повымело... Мужикъ звѣремъ смотритъ... Молодежь чуть не сплошь хулиганная, а тутъ еще эти возвращаются отъ васъ изъ Сибири, кому терять нечего...

Особенно же я понялъ милѣйшаго Петра Федоровича, когда ко мнѣ, въ числѣ другихъ, приходившихъ справляться „насчетъ сибирской землицы“, явился одинъ изъ забытыхъ мною друзей дѣтства, съ которымъ когда-то играли вмѣстѣ и въ козны, и въ чушки, а впослѣдствіи дрались совмѣстно и на кулачкахъ. Увы, теперь это уже былъ не мой былой соратникъ по кулачнымъ боямъ, а солидный мужикъ съ бородой лопатой съ серебристыми въ ней нитями и лысиной вполголовы. Разговорились, вспомнили былое и я коснулся 1905 года. Нужно замѣтить, что нашъ уѣздъ былъ изъ числа тѣхъ, который въ эту эпоху особенно озарился багровымъ заревомъ помѣщичьихъ усадебъ и разгромомъ дворянскихъ угодій, и съ моей стороны былъ совершенно естественнымъ упрекъ моему пріятелю, сдѣланный, сколько помнится, примѣрно въ такой формѣ:

— Чортъ васъ знаетъ, что вы тутъ надѣлали въ 1905 году!.. Не въ примѣръ же лучше можно было бы устроиться.

Говоря это, я отнюдь не имѣлъ, конечно, въ виду теорію земельнаго вопроса гг. эсъ-дековъ и эсъ-эровъ, которая для всякаго, мало-мальски знакомаго съ политической экономіей, звучитъ чѣмъ-то совершенно непріемлемымъ, и въ отвѣтъ получилъ:

— Это вѣрное твое слово... Это ты правильно... Не такъ бы намъ нужно.

— Ну, вотъ то-то и есть,—успокоительно сказалъ я, радуясь, что мы поняли другъ друга.

— Вѣрно, вѣрно... Здороваго маху дали.... Никогобы намъ выпускать не слѣдовало...

— То-есть какъ?

— Да такъ, чтобы, стало быть, на чистоту... Всѣхъ подъ одно...

И при этомъ ласковое улыбающееся лицо, и симпатичныя морщинки-лапки около свѣтлыхъ, добродушныхъ, дѣтски-наивно улыбающихся глазъ...

Но я откровенно сознаюсь, что у меня прошелъ холодокъ по спинѣ и зашевелились, должно быть, на головѣ волосы: если таковы эти добродушные, то чего-же ждать отъ тѣхъ возвратившихся, распродавшихъ свои надѣлы и навсегда обездоленныхъ?!.

Ахъ, эта „ставка на сильныхъ“, подаренная Россіи покойнымъ премьеромъ и гг. октябристами: много она современемъ, въ связи съ переселенческой неурядицей, можетъ принести ужасовъ дѣйствительности.

Извиняюсь предъ читателемъ, что я отъ легкомысленнаго г. Рѣзниченко уклонился очень значительно въ сторону. Не думаю, чтобы это было уже очень большою виною: слишкомъ жгучъ, слишкомъ болѣзненъ мимоходомъ затронутый мною вопросъ о возвращающихся обратно переселенцахъ.

Перейдемъ, однако, къ г. Рѣзниченко.

Въ настоящее время у меня въ портфелѣ имѣется значительное количество вырѣзокъ изъ повседневной сибирской прессы, гдѣ не о 6% возвращающихся

идетъ рѣчь, а по меньшей мѣрѣ о тридцати шести, что съ заявленіемъ г. Рѣзниченко рознится на дистанцію достаточно-таки серьезнаго размѣра. Вырѣзокъ этихъ я приводить не буду, ибо въ качествѣ бывшаго чиновника привыкъ руководствоваться оффиціальными данными, а эти данныя имѣются въ газетѣ „Сибирская Жизнь“ отъ 19 апрѣля 1911 года № 85 и сообщены онѣ неизвѣстному мнѣ репортеру самимъ завѣдывающимъ Томскимъ переселенческимъ райономъ Н. К. Шуманомъ.

Данныя эти говорятъ, что въ одной лишь Томской губерніи „неустроенныхъ самовольцевъ 45300 душъ“...

— Куда-же они дѣлись?—спрашиваетъ въ статьѣ „Вопросы переселенія“ почтеннѣйшаго Н. К. Шумана не въ мѣру любознательный репортеръ.

Г. Шуманъ человѣкъ безспорно любезный и на заданный вопросъ отвѣчаетъ весьма обстоятельно:

— «Нельзя сказать, чтобы представшія передъ нами цифры были утѣшительны. Но когда мы сдѣлали сводку и по другимъ вопросамъ переписи—чѣмъ живетъ вся эта масса, на какомъ положеніи она находится—то оказалось, что много самовольцевъ уже приписалось къ старожильческимъ поселеніямъ, главнымъ образомъ въ тѣ изъ нихъ, которыя еще не получили поземельнаго устройства».

Пока я перестаю цитировать доброжелательно бюрократическіе и оптимистическіе взгляды г. Шумана и обращаюсь другому истолнику. Вотъ что говоритъ по этому поводу нѣкто М. Шенфогель (см. «Красноярская Мысль» отъ 14 января 1911 года № 10), основывающій свои данныя не только на личныхъ наблюденіяхъ, но и на донесеніи переселенческаго чиновника, завѣдывающаго вторымъ Акмолинскимъ райономъ:

«За послѣднее время такія приписки стали особенно трудны: старожилы требуютъ нерѣдко по 150—200 рублей за приписку мужской души. И теперь сплошь и рядомъ есть переселенческія села, гдѣ неприписныхъ самовольцевъ ютится въ 2—3 раза больше, чѣмъ легальныхъ переселенцевъ. А въ одной изъ ближайшихъ областей къ Европейской Россіи —

Акмолинской — предполагается до 100000 самовольцевъ».

Дальше онъ продолжаетъ:

Пользуясь ихъ безвыходнымъ положеніемъ, старожилы, въ поселки которыхъ они стремятся, жестоко эксплоатируютъ ихъ. О способахъ этой эксплоатаціи мнѣ лично приходилось слышать въ Сибири много ужаснаго и отъ самихъ самовольцевъ, и отъ легальныхъ переселенцевъ. Приходится изумляться, до чего доходитъ изощреніе старожиловъ въ эксплоатаціи самовольцевъ. Старожилы закабаляютъ цѣлыя семьи самовольцевъ въ работники на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, берутъ съ нихъ до 15 р. за аренду пахотной десятины, берутъ за выпасъ на общественномъ полѣ: за коровъ и лошадей 3—5 р., за птицъ по 50 коп. съ каждой; берутъ съ самовольцевъ за питье воды, за хожденіе по улицѣ по 5 р. съ семьи; берутъ даже „за дымъ“, идущій изъ дымовой трубы, тоже по 5 р. въ годъ отъ избы; штрафуютъ немилосердно за скотъ и птицу, зашедшія въ поля и огороды старожиловъ, или просто забираютъ ихъ себѣ. Есть старожильческія села, въ которыхъ взимаютъ по 10 коп. съ самовольца за входъ въ церковь во время богослуженія, напр., въ селѣ Ново-Николаевскомъ, Константино-Николаевской волости, Кокчетавскаго уѣзда, Акмолинской области, и въ другихъ. Но есть села, гдѣ отъ платы за входъ въ церковь отказываются и выталкиваютъ изъ церкви молящихся самовольцевъ, говоря при этомъ: „Вы церкви не строили, нечего вамъ тутъ и молиться“. При припискѣ-же къ старожильческимъ обществамъ, помимо крупной платы за приписку, еще въ обычаѣ здѣсь всяческіе поборы, угощенія, взятки. Понятно, что на почвѣ такой эксплоатаціи самовольцевъ старожильческимъ населеніемъ, доводящимъ эксплоатируемыхъ до полнаго раззоренія, до нищеты, взаимныя ихъ отношенія рѣзко обостряются и нерѣдко доходитъ даже до кроваваго столкновенія между самовольцами и старожилами“.

Мрачна картина, набросанная г. М. Шенфогелемъ

и хотя она касается лишь Акмолинской области, но подъ нею можно подписаться обѣими руками и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ сибирскимъ губерніямъ. Климатическія и въ особенности соціальныя условія Сибири создали изъ старожила-сибиряка, по счастливому выраженію покойнаго А. Н. Астырева, „человѣка съ каменнымъ сердцемъ“ и жалости, въ какомъ-бы то ни было смыслѣ, къ пришельцу, претендующему на его разработанныя земли, ждать отъ сибиряка было-бы по меньшей мѣрѣ наивно. Заподозрѣть-же А. Н. Астырева въ томъ, что нравственный, чрезвычайно несимпатичный обликъ сибиряка, такъ детально обрисованный имъ въ его „Таежныхъ прогалинахъ“ страдаетъ преувеличеніемъ—нѣтъ ни малѣйшаго основанія: покойный писатель былъ высланъ въ Сибирь въ качествѣ чернопередѣльца, т. е. лица, принадлежавшаго къ партіи, которая съ самаго начала была наиболѣе склонна идеализировать даже и отрицательныя стороны деревни и Астыревъ до конца своей жизни остался вѣренъ этимъ идеаламъ, но по своей искренности и правдивости не могъ закрывать глаза и на суровую дѣйствительность...

Вотъ почему, исключая даже свой личный опытъ, я долженъ вѣрить болѣе пессимистическому г. М. Шенфогелю, чѣмъ оптимистическому г. Шуману и вотъ почему его ссылка „на приписку къ старожильческимъ селеніямъ“ самовольцевъ, разсматриваемая имъ, какъ фактъ ихъ устройства, представляется мнѣ далеко не въ томъ розовомъ свѣтѣ, какъ ему.

Далѣе, г. Шуманъ съ достаточною обстоятельностью продолжаетъ пояснять тому же любознательному репортеру—куда же всетаки дѣлись эти 453000 душъ?

„Всѣ эти самовольцы, за исключеніемъ прибывшихъ въ кампанію того же года—говоритъ онъ—занимались уже земледѣліемъ на арендуемыхъ у старожиловъ земляхъ, имѣя въ среднемъ по одной десятинѣ пашни и по одной головѣ домашняго скота на на душу мужского населенія“.

Сказанное я-бы выразилъ нѣсколько иначе: не

имѣя возможности устроить самовольцевъ, Переселенческое Управленіе сочло за благо отдать ихъ въ кабалу старожиламъ-сибирякамъ въ смутной надеждѣ, что, авось, они какъ нибудь и прокормятся, платя по 15 рублей арендной платы за десятину...

Идя по стопамъ любознательнаго репортера, со своей стороны задаю г. Шуману задачу, годную не только для дѣтей младшаго возраста, но и для самого г. Шумана:

Если самовольческое семейство состоитъ изъ мужа, жены и трехъ дѣвочекъ, изъ коихъ старшей 5 лѣтъ, то какой домашній скотъ находится въ хозяйствѣ этого семейства?

Ежели это лошадь, то тогда нечѣмъ кормить ребятишекъ; если-же это корова, то тогда какъ-же быть съ пашней.

Не преминулъ г. Шуманъ поставить репортера въ извѣстность и о томъ, что „съ августа 1910 года весь оставшійся свободнымъ отъ ходоковъ земельный фондъ былъ предъявленъ самовольцамъ и къ къ концу того же года ими было зачислено до 30 тысячъ душевыхъ долей“.

И опять-таки это значитъ:

Отдано было то, на что послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, послѣ упорнаго и тщательнаго осмотра ходоками оставшихся не занятыми переселенческихъ участковъ, на нихъ не польстился ни одинъ ходокъ. Иными словами, великодушіе Переселенческаго Управленія въ данномъ случаѣ можно лишь охарактеризовать извѣстнымъ изреченіемъ: «На, Тебѣ, Боже, что намъ негоже»...

„Еще большее количество самовольцевъ,—продолжаетъ, не смущаясь, г. Шуманъ,—было устроено поземельнымъ устройствомъ сторожиловъ—около 60 тысячъ душъ обоего пола и, наконецъ, значительная часть ихъ (до 24.000 душевыхъ долей)—приписались къ сельскимъ обществамъ“.

Чего стоитъ эта пресловутая „приписка“, равнозначущая съ отдачей, какъ мы видѣли ранѣе, въ кабалу—повторять не стоитъ. Но чрезвычайно былъ-

бы я радъ, если-бы наряду съ сообщеніемъ любознательному репортеру о томъ, что «60 тысячъ душъ обоего пола были устроены при поземельномъ устройствѣ сторожиловъ», г. Шуманъ пояснилъ, какова оказалась послѣ этого устройства величина старожильческаго надѣла, а равно и „устроенныхъ самовольцевъ?“

Охъ, едва-ли пахнетъ тутъ нормальнымъ 15-ти десятиннымъ, требуемымъ закономъ, надѣломъ?!.

Однако всѣхъ самовольцевъ г. Шуманъ всетаки не устроилъ окончательно, несмотря на то, что по его словамъ „значительная часть ихъ (до 24000 душевныхъ долей) приписалась къ сельскимъ обществамъ по пріемнымъ приговорамъ. Часть самовольческихъ семей получила ходаческія свидѣтельства въ другіе районы, часть-же (до 18000 душъ обоего пола)—вернулась на родину“.

Ну, слава тебѣ, Господи, наконецъ-то устроились: часть въ кабалу, часть выпроводили въ другую губернію, откуда они съ неменьшимъ успѣхомъ и, быть можетъ, съ еще большими благопожеланіями проберутся и въ третью, а часть возвратили на родину только, разумѣется, уже не въ первобытное состояніе. Словомъ, какъ-ни-какъ распихали—и на томъ спасибо.

Не буду спорить о цифрахъ, которыя приводитъ далѣе въ своемъ интервью съ репортеромъ г. Шуманъ и допускаю вмѣстѣ съ нимъ, что изъ 453000 самовольцевъ неустроенныхъ осталось только 27000 душъ.

На справедливый вопросъ своего мучителя-репортера—«на что-же они могутъ разсчитывать, эти 27000 душъ»—г. Шуманъ отвѣчаетъ буквально слѣдующее:

«На устройство самовольцевъ въ 1911 г. обращается весь оставшійся переселенческій фондъ за исключеніемъ 3000 долей запасныхъ земель въ Барнаульскомъ уѣздѣ и 17000 долей, выдѣленныхъ для ходоковъ. Общій же фондъ для зачисленія самовольцевъ готовъ и достигаетъ 40000 душевыхъ долей. Столько же предполагается закрѣпить за ними позе-

мельнымъ устройствомъ. Кромѣ того, судя по практикѣ прежнихъ лѣтъ, надо думать, что до 30000 долей можетъ быть предъявлено самовольцамъ въ старожилыхъ селеніяхъ по пріемнымъ приговорамъ. Всего, слѣдовательно, губернія можетъ дать въ 1911 году самовольцамъ около 11100 надѣльныхъ долей, что дастъ возможность устроиться до 220000 душъ обоего пола самовольцевъ».

Новаго—ничего. Опять та-же старая погудка 1910 года на новый ладъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь свыше 50000 душъ уже вполнѣ откровенно остаются висящими въ воздухѣ плюсъ насильственное водвореніе въ количествѣ 40000 душъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, отъ которыхъ отказались не только ходоки, какъ я упомянулъ объ этомъ ранѣе, но даже и тѣ самовольцы, которые были и въ 1910 году....

Неужели-же все это, вмѣстѣ взятое, называется устройствомъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и заботами объ ихъ экономическомъ преуспѣяніи?

Ахъ, доброжелательный г. Шуманъ. ахъ бюрократически-оптимистическій г. Шуманъ. Ну, чтобы вамъ порыться въ сравнительно еще недавней литературѣ и вспомнить по вопросу о переселеніи покойнаго Глѣба Ивановича Успенскаго, который, какъ извѣстно, чрезвычайно интересовался этимъ вопросомъ и ради изученія его, еще въ самомъ началѣ переселенческаго движенія, пріѣзжалъ въ Тюмень. Отрицательныя, вѣрнѣе, тяжелыя стороны переселенія сразу обратили на себя вниманіе чуткаго наблюдателя и признаннаго знатока народной жизни и онъ, вглядываясь въ тогдашнюю переселенческую неурядицу, видимо не безъ горечи проводитъ параллель съ тѣмъ, какъ устраиваютъ нѣмцы своихъ колонистовъ. Не имѣя въ данный моментъ подъ руками сочиненій покойнаго писателя, я не могу возстановить картину нѣмецкой колонизаціи полностью, но суть ея та, что людей приводятъ уже къ готовому мѣсту, изслѣдованному во всѣхъ отношеніяхъ съ обычной нѣмецкой аккуратностью, къ готовому дому со службами и съ готовымъ инвентаремъ. Новое хозяйство разомъ ста-

новится на твердую почву, и это понятно—кромѣ немедленнаго приложенія труда здѣсь ничего не требуется и вотъ почему нѣмецкіе переселенцы представляютъ такой сплоченный трудовой рабочій улей, а не превращаются въ никчемныхъ людей въ видѣ своеобразной бродячей Руси, которая отъ своихъ милліардовъ десятинъ земли уходитъ то въ Америку, то на Филиппинскіе острова, то ни съ того, ни съ сего очутится не то въ Австраліи не то въ Новой Зеландіи...

А, впрочемъ, на то онъ и нѣмецъ, чтобы обезьянъ выдумывать! Хитрый народъ...

Но все-же хорошо-бы было, если-бы наши Кривошеины, Глинки, Григорьевы, Шуманы и прочіе хоть разъ-бы въ жизни выдумали что нибудь вродѣ нѣмецкой обезьяны по отношенію къ переселенческому вопросу.

И послѣ всего сказаннаго г. Рѣзниченко, вопреки мнѣнію и цифровымъ даннымъ всей сибирской печати, будетъ увѣрять насъ, что обратно возвращается всего лишь 6%! Положимъ, дѣло происходило на чумномъ съѣздѣ, но все-же очумѣть до 6% было, кажется мнѣ, нѣсколько неосновательно.

Не спорю, что когда переселенецъ идетъ въ «немпоную Сибирь», онъ охотно записывается, т. е. региструється всюду, гдѣ только возможно. Регистрируютъ его и въ Челябинскѣ, и въ Омскѣ, и въ Томскѣ, и въ Красноярскѣ, и въ Иркутскѣ и такъ далѣе по всѣмъ болѣе или менѣе крупнымъ административнымъ центрамъ. И это понятно и естественно: въ ожиданіи тѣхъ великихъ и богатыхъ милостей, которыя рисуются ему въ первый моментъ прибытія на новую родину, онъ готовъ стучаться въ каждую открытую и закрытую дверь въ чаяніи—не перепадетъ-ли ему что нибудь добавочное и непредвидѣнное къ его скуднымъ рессурсамъ, высчитаннымъ до копеечки.

Совсѣмъ не то дѣлается на душѣ у этого человѣка, когда онъ со своей семьей, голодный и озлобленный, возвращается обратно. Ему уже не до реги-

страціи, когда кругомъ ревутъ ребятишки и въ голосъ воютъ бабы. Одна мысль сверлитъ непрестанно его мозгъ: какъ-бы въ живыхъ добраться „до своего мѣста“, а рядомъ съ этой мыслью и другая, что вѣдь „своего то мѣста“, собственно говоря, нѣтъ, потому что нѣтъ земли неразрывно связанной съ представленіемъ о своемъ мѣстѣ. Какіе-же могутъ быть разговоры, кромѣ праздныхъ, конечно, о точной регистраціи семей, возвращающихся назадъ? Вотъ еслибы землеустроительныя комиссіи нелицепріятно опубликовали свои данныя по этому вопросу—это былобы, нужно полагать, поучительно.

Покончивъ съ вопросомъ объ обратномъ переселеніи, я считаю необходимымъ отмѣтить и тѣ, такъ сказать, легкіе блики культурности, которые, да позволено мнѣ такъ будетъ выразиться, въ видѣ фиговыхъ листиковъ накладывало мѣстное переселенческое управленіе (то-же относится и къ другимъ) на свою дѣятельность въ смыслѣ помощи переселенцамъ въ ихъ дальнѣйшемъ преуспѣяніи въ сельскохозяйственной жизни и улучшеніи своего экономическаго положенія. А то что-же въ самомъ дѣлѣ: точно все переселенческое управленіе сплошной Назаретъ, изъ коего ничего добраго и быть не можетъ. Кое что сдѣлано несомнѣнно.

Въ 1908 году, по иниціативѣ мѣстнаго управляющаго государственными имуществами І. К. Окулича было оказано воспособленіе скотоводству или, вѣрнѣе говоря, свиноводству. Изъ Англіи было привезено шесть іоркшировъ, обошедшихся казнѣ вмѣстѣ съ покупкою ихъ, провозомъ, пропитаніемъ и сопровождавшимъ ихъ инструкторомъ до 250 рублей за штуку.

Въ 1910 году явился одинъ инструкторъ пчеловодства, а затѣмъ и еще два не то для указаній по молочному хозяйству, не то вообще для насажденія сельскохозяйственной культуры среди переселенческихъ хозяйствъ; въ это же время было приступлено къ оборудованію опытнаго поля при с. Казачинскомъ,

Енисейскаго уѣзда, каковое поле и было болѣе или менѣе благополучно открыто въ 1911 году.

Въ концѣ 1911 года, въ селѣ Рыбномъ, Канскаго уѣзда, открыта низшая сельско-хозяйственная школа.

Не оставлено было безъ вниманія въ качествѣ уже, такъ сказать, увѣнчанія зданія культурныхъ мѣропріятій, даже и огородничество—попытка, въ которой и я, совершенно неожиданно для себя, принялъ участіе, увы, страдательное. Произошло это такъ:

Въ тотъ годъ я жилъ на дачѣ въ деревнѣ Базаихѣ, въ пяти верстахъ отъ гор. Красноярска, куда мнѣ, по дѣламъ службы, приходилось ѣздить довольнотаки нерѣдко. Въ одну изъ обычныхъ поѣздокъ я случайно встрѣтилъ на улицѣ моего добраго знакомаго, губернскаго агронома Г. П. Сибирцева, который шелъ мнѣ навстрѣчу и улыбался всей своей округлой физіономіей съ видомъ человѣка, выигравшаго крупную сумму на выигрышный билетъ внутренняго займа.

— Слушайте!—еще не доходя до меня, закричалъ онъ.—Вы, если не ошибаюсь, любитель огородничества, живете на дачѣ и навѣрное у васъ есть огородъ... Такъ я вамъ хочу сдѣлать презентъ... Сейчасъ получены огородныя сѣмена для переселенцевъ и „это, знаете, очень хорошо, потому что огородъ переселенца всегда раза въ три-четыре больше старожильческаго и развести что нибудь приличное это серьезная помощь для ихняго брата. Вы согласны съ этимъ? Если хотите, такъ я вамъ дамъ порцію на цѣлый переселенческій огородъ, такъ примѣрно въ среднемъ на полдесятины, какъ оно у насъ уже распредѣлено по пакетамъ, но только вы обязуетесь намъ корреспондировать объ успѣхѣ или неудачѣ по каждому овощу.

— Позвольте,—но зачѣмъ же мнѣ этакую уйму,—когда у меня всего двѣ грядки?!..

—Это то и чудесно!—Остальное вы раздадите базайскимъ бабамъ, прочтете имъ соотвѣтствующее наставленіе, а послѣ о результатахъ извѣстите насъ.

Совѣмъ соблазнилъ.

Когда въ тотъ же день, возвратясь къ своимъ пенатамъ, я началъ разбирать данный мнѣ драгоцѣнный тючокъ, то невольно впалъ въ нѣкоторое смущеніе: былъ салатъ кочанный, былъ салатъ золотисто-желтый, былъ даже красивый, зеленый съ розовымъ, салатъ форельный, но не было сѣмянъ капусты... Была редиска бѣлая, была и розовая, и красная. и фіолетовая... но не было ни сѣмянъ рѣдьки, ни сѣмянъ укропа. Была петрушка зимняя, обращалось вниманіе на тщательно запечатанную въ пакетикахъ петрушку для зелени, но не было улучшенныхъ сѣмянъ лука и чеснока, до чего такъ охочи переселенцы и старожилы.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что сѣмянъ спаржи и артишоковъ тоже не оказалось.

Однако, несмотря на нѣкоторые подозрительные признаки, по нѣсколько странному для деревни подбору сѣмянъ, я принялъ это дѣло достаточно близко къ сердцу. Собравъ чуть не полдеревни базайскихъ бабъ, я прочелъ цѣлую лекцію о раціональномъ огородничествѣ, стараясь заинтересовать слушательницъ не только кровокрасной египетской свеклой и желтой исполинской морковью, но и такими деликатными вещами, какъ фасоль и сахарный горошекъ, не говоря уже о разнаго рода салатахъ и редискахъ.

Вообще старался, что называется, во-всю.

Къ сожалѣнію, понесенные мною труды по преуспѣянію отечественнаго огородничества, не дали желательныхъ результатовъ. Со всѣмъ посѣяннымъ случилось то, что произошло у тарасконцевъ, переселившихся въ колонію: «на грядахъ или совсѣмъ ничего не росло или росло уже слишкомъ». Салатъ, не взирая на свое названіе «кочанный», и не думалъ завиваться въ кочни, а къ великой радости базайскихъ коровъ и овецъ весь пошелъ въ листья величиною съ капустныя. Очень удались разносортные редисы, фасоль, хорошъ былъ и сахарный горошекъ, но зато никакъ невозможно было познать ни вкуса, ни вида „особо рекомендованной египетской кровокрасной свеклы“, такъ какъ она или совсѣмъ не взошла,

или тянулась вверхъ тоненькими унылыми былинками, въ чемъ соперничала съ нею и «желтая исполинская морковь».

Все это, вмѣстѣ взятое, породило въ Базаихѣ небывалое волненіе и даже озлобленіе умовъ: мужики, въ качествѣ пригородныхъ крестьянъ, питавшіеся водкой по преимуществу, упорно не желали закусывать ее редисомъ «съ барскихъ огородовъ» и предпочитали для этой цѣли зеленый лукъ съ солью; бабы, когда я проходилъ мимо ихъ, презрительно фыркали на меня и бормотали что-то очень недвусмысленное относительно „глупыхъ барскихъ затѣй“, а ребятишки, недовольные маленькими стручками сахарнаго горошка, просто на просто показывали мнѣ языки и прыгали около меня, какъ маленькіе бѣсенята.

Словомъ, съ дачи пришлось уѣхать.

— И чортъ-же ихъ зналъ, что они сѣмена безъ пробы пришлютъ, уныло говорилъ, склонивъ голову на бокъ и поскребывая въ затылкѣ губернскій агрономъ Сибирцевъ.—Этакая-же досадная чертовщина вышла! Здорово подсадили мы переселенцевъ... То-то, поди, ругаютъ.... А-а-ахъ ты, Боже мой, глупѣйшая исторія какая. Проростить-то бы и здѣсь ничего не стоило.... Но, понимаете-ли, въ голову не пришло. Разъ, думаю, посылаютъ, такъ уже дурныхъ, полагалъ, не пришлютъ...

Короче говоря, сказалась обычная исторія русскаго человѣка съ крѣпкимъ заднимъ умомъ.

Такимъ-же умомъ, спеціально россійской складки, проявило себя переселенческое управленіе и въ вопросахъ гидротехники. Въ своемъ стремленіи поскорѣе утишить переселенческую волну, въ своемъ желаніи свести на нѣтъ тотъ валъ, который чисто стихійнымъ, непрерывнымъ движеніемъ грозилъ затопить всѣ свободныя и несвободныя, всѣ пригодныя и непригодныя для культуры земли западной и восточной Сибири—переселенческое управленіе, устраивая на новыхъ мѣстахъ новоселовъ, нерѣдко не находило нужнымъ посчитаться даже съ тѣмъ об-

стоятельствомъ, есть-ли на вновь накраиваемыхъ участкахъ вода, не высыхаютъ-ли лѣтомъ или не промерзаютъ-ли зимою до дна тѣ ручьи и рѣченки, которыя орошаютъ тотъ или другой участокъ. Конечно, объ изслѣдованіяхъ качества воды, ея пригодности для питья не могло уже быть и рѣчи и мнѣ сейчасъ еще вспоминается курьезъ, происшедшій въ 1910 г. съ однимъ изъ переселенческихъ участковъ Минусинскаго уѣзда, гдѣ поселившіеся и уже застроившіеся новоселы вдругъ начали ходатайствовать о томъ, чтобы имъ позволили перейти на другой участокъ, мотивируя это тѣмъ, что „скотина воды не пьетъ, сами они мучаются животомъ, а ребятишки отъ той же причины помираютъ ранней смертью“.

Нужно было видѣть изумленныя лица членовъ губернскаго присутствія, считая въ томъ числѣ и меня, когда все изложенное въ прошеніи подтвердилось полностью. Очевидно, въ водѣ была примѣсь какихъ-то солей, что въ Минусинскомъ уѣздѣ встрѣчается очень часто и вода, иногда даже пріятная на вкусъ и, быть можетъ, цѣлебная, къ пользованію въ хозяйствѣ оказывается совершенно непригодною. Поэтому нѣтъ ничего страннаго, что при столь поверхностныхъ гидротехническихъ изслѣдованіяхъ, въ настоящее время чуть не въ половинѣ всѣхъ участковъ по Канскому уѣзду пришлось копать колодцы.

О грустныхъ опытахъ по гидротехникѣ въ Барабѣ, Семипалатинской и Акмолинской областяхъ говорить не стоитъ, такъ какъ о пресловутыхъ артезіанскихъ колодцахъ извѣстно достаточно изъ мѣстной прессы.

Впрочемъ, если переселенческое управленіе нерѣдко и устраивало ввѣренныхъ его благопопеченію чадъ на участкахъ, по своему многоводію напоминающихъ Сахару, то случалось, что оно частенько впадало и въ другую крайность, превращая весною тѣ или другіе поселки въ сибирскія Венеціи. Перечислять названія всѣхъ этихъ благословенныхъ мѣстъ,

конечно, излишне, но все таки не хочу себѣ отказать въ удовольствіи подѣлиться съ читателемъ парочкой случаевъ—очень ужъ анекдотично выглядывающихъ.

Первый—имѣлъ мѣсто въ Минусинскомъ уѣздѣ. Землеустройство въ сибирской Италіи, какъ величаетъ этотъ уѣздъ сибирскій патріотизмъ (позволю себѣ отмѣтить, что за послѣднее время эта Италія, благодаря общей постановкѣ государственнаго хозяйства, весьма аккуратно посѣщается, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, «недородомъ») было почти окончено и Минусинскій старожилъ, получивъ земельный надѣлъ изъ 4 десятинъ и болѣе, позналъ священныя права собственности... Разумѣется, коекогда въ глубинѣ его сердца шевелился червячекъ зависти не только къ казакамъ, получившимъ надѣлъ по 30 десятинъ на душу, но и къ тѣмъ мериносамъ фирмы „Алексѣевъ и К°“, которые, гордясь своей тонкорунностью, мирно паслись на разработанныхъ старожильческихъ пашняхъ и сѣнокосахъ. Но что же дѣлать—начальство лучше знаетъ, какъ поступать въ случаяхъ, особливо государству полезныхъ. Во всякомъ разѣ освобожденіе Минусинскаго старожила «отъ безсмысленныхъ мечтаній» по отношенію къ ранѣе разработаннымъ имъ угодьямъ, благодаря ретивости землеустроителей, было полное *).

Само собою разумѣется, что мѣстное переселенческое управленіе не могло не учесть всей благопріятности выяснившихся послѣ поземельнаго устройства крестьянъ-старожиловъ условій образованія новыхъ переселенческихъ участковъ. Въ самомъ дѣлѣ: границы, т. е. самое важное,—готовы; значитъ, стоитъ только вычислить площадь, нанести на планъ клочки желтенькихъ и зелененькихъ пятнышекъ, имѣющихъ знаменовать собою былыя пашни и сѣнокосы, подпустить кое-гдѣ кармина въ качествѣ существую-

*) Всего изъ пользованія старожиловъ было изъято три участка: „Учумскій“, „Овечій“ и „Корчелыкскій“, общею площадью до 50000 десятинъ, причемъ въ участокъ „Овечій“ производителемъ работъ, филологомъ Кузьминымъ, очевидно, въ порывѣ служебнаго рвенія, были замежеваны находившіяся въ арендѣ соляныя озера, имѣвшія для населенія, конечно, не меньшее значеніе, чѣмъ сѣнокосы и пашни.

щихъ перелоговъ и дѣло въ шляпѣ—участокъ готовъ, ибо дальше остается только вычислить количество душъ тѣхъ счастливцевъ, которые населятъ мѣста, попечительнымъ начальствомъ указанныя. Конечно, не обходилось и безъ печальныхъ недоразумѣній: на планѣ, какъ будто, все ладно, а на самомъ дѣлѣ вмѣсто пашенъ чуть не сплошное горное плато, плато съ каменными розсыпями.... Ну, да грѣхъ да бѣда на кого не живетъ...

Вотъ при этихъ то скоропалительныхъ условіяхъ «продуктивнаго» въ смыслѣ малой затраты труда образованія участковъ и происходили казусы чисто анекдотическаго характера, надъ которыми, право-же, не знаешь, смѣяться или плакать—до того несуразны они съ обычной логической точки зрѣнія.

Перехожу, впрочемъ, къ ультра-анедоктическому участку, находящемуся въ Моторской волости, Минусинскаго уѣзда и нарекомому „Ширыштыкъ“. Участокъ этотъ былъ отведенъ въ 1907 году и оцѣненъ по достоинству производителемъ работъ Стаховскимъ при благосклонномъ содѣйствіи завѣдывающаго Минусинской поземельной партіей того-же «энергичнаго“ г. Кузьмина. Не думаю, чтобы гг. Стаховскій и Кузьминъ не знали про то обстоятельство, что участокъ этотъ въ общемъ представляетъ одно сплошное печальное недоразумѣніе уже по одному тому, что не только во время половодья, но даже и во время проливныхъ дождей вода выступаетъ изъ береговъ настолько, что лицу, отводившему этотъ участокъ, приходилось «на всякій случай» ставить двухъ сторожей, чтобы не быть застигнутымъ случайнымъ валомъ, къ которому такъ склонны всѣ горныя сибирскія рѣки и рѣченки.

Второй случай, еще болѣе характерный, произошелъ въ Енисейскомъ уѣздѣ, гдѣ какъ извѣстно, существуетъ знаменитый Обь-Енисейскій каналъ, благополучно поглотившій за цѣлый рядъ лѣтъ немало казенныхъ милліоновъ, но отъ этого въ благоприличный видъ для перевозки грузовъ все же не пришедшій, ибо прорытъ онъ былъ какъ разъ на томъ

мѣстѣ, гдѣ этого дѣлать не слѣдовало. Когда путейское вѣдомство пришло къ этому выводу, то оно въ 1911 году предприняло новое и, какъ говорятъ, болѣе обстоятельное изысканіе для составленія проекта Объ-Енисейскаго канала въ другомъ направленіи, справедливо полагая, что соединеніе воднымъ путемъ такихъ двухъ рѣкъ, какъ Объ и Енисей, имѣетъ громадное экономическое, а отчасти даже и стратегическое значеніе для края. Завѣдывающимъ экспедиціей былъ назначенъ инженеръ Близнякъ. Послѣ цѣлаго ряда обычныхъ по изысканію работъ г. Близнякъ пришелъ къ выводу о необходимости устройства на р. Кети искусственнаго водоема, значительнаго настолько, чтобы онъ ежегодно, въ пору мелководья, могъ оказать каналу существенную помощь. Въ концѣ лѣта 1911 года найдено было и мѣсто, по мнѣнію г. Близняка, какъ нельзя болѣе пригодное по своимъ условіямъ для проектируемаго водоема. Но каково-же было изумленіе почтеннаго инженера, когда при нивеллировкѣ этой очень и очень внушительной по площади мѣстности онъ встрѣтился съ межевыми знаками, означавшими ни что иное, какъ границы вновь отведенныхъ переселенческихъ участковъ...

Я не знаю, при какомъ именно случаѣ незабвенный Кузьма Прутковъ обмолвился изреченіемъ: «Нельзя объять необъятное». Но если-бы онъ не сказалъ этого ранѣе, то несомнѣнно сказалъ-бы это теперь, если-бы попалъ въ изыскательную партію инженера Близняка и познакомился съ настоящей постановкой переселенческаго дѣла и, будемъ откровенны, не въ одной только Енисейской губерніи...

Въ самомъ дѣлѣ, если вдуматься только во всю эту исторію, то получается нѣчто въ высокой степени вразумительное.

Путейскому вѣдомству необходимъ водоемъ и его находятъ: „Есть—пожалуйте“. Мѣстному переселенческому управленію понадобились участки, пригодные для заселенія и тоже: «да сколько вамъ угодно».

И все это на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Кому вѣрить? По мнѣнію инженера Близняка, нивеллировавшаго мѣстность, это несомнѣнно громадная, топкая болотистая котловина только и пригодна для того, чтобы напустить въ нее цѣлое море воды, а по мнѣнію переселенческаго управленія—это будущая счастливая Аркадія для переселенцевъ.

И еще:

Для инженера Близняка, въ виду поставленной ему задачи, каждая рѣченка, каждый ручеекъ, впадающій въ р. Кеть, имѣетъ существенное значеніе, а переселенческое управленіе, ничтоже сумняшеся, выходитъ съ своими участками, прорѣзая чудные бора и вѣковѣчную тайгу на самый берегъ рѣки, тѣмъ самымъ уничтожая эти притоки и обнажая тѣ страшные пески, о которыхъ я говорилъ выше.

Воистину своя своихъ не познаша: два вѣдомства работаютъ рядомъ, да какое тамъ рядомъ—не рядомъ, а въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а столковаться не могутъ!...

Допустимъ на минуту возможное дальнѣйшее. Допустимъ, что инженеръ Близнякъ прошелъ-бы мимо этихъ межевыхъ знаковъ, не обративъ на нихъ должнаго вниманія или даже не замѣтивъ ихъ, что вполнѣ возможно, такъ какъ граничныя линіи проводятся теперь узкими визирами, или что переселенческое управленіе ограничило участки ямками и болѣе основательными столбами впослѣдствіи, т. е. послѣ работъ г. Близняка, что также совершенно допустимо. Допустимъ, наконецъ, что участки тихо и мирно, безъ всякихъ протестовъ, прошли бы чрезъ временныя комиссіи и заселились, а инженеръ Близнякъ началъ напускать воду въ свой водоемъ... Въ результатѣкартина изъ Некрасова «дѣдушка Мазай и зайцы». Да хорошо еще, если-бы во время нашелся жалостливый Мазай, а то, вѣдь, это не Мазай, а мѣстное переселенческое управленіе!

Ахъ, эта гидротехническая часть злосчастнаго управленія, хромающая на обѣ ноги, если не совсѣмъ безногая!

Но конечно,если-бы мнѣ пришлось писать въ главное

переселенческое управленіе, какъ чиновнику, сухой оффиціальный докладъ о всѣхъ второстепенныхъ мѣрахъ, принятыхъ къ окончательному облагодѣтельствованію переселившихся, то думаю, что докладъ этотъ принялъ-бы обычный оптимистически-розовый оттѣнокъ, столь свойственный оффиціальнымъ бумагамъ. Это, право, не хитро... Нѣсколько общихъ фразъ о свиноводствѣ, о школѣ, какъ первомъ камнѣ, заложенномъ въ фундаментъ сельско-хозяйственной культуры, легкое касательство по отношенію къ опытному полю, упоминаніе о развитіи огородничества съ тактичнымъ умолчаніемъ о невсхожести сѣмянъ, упорное игнорированіе вопроса о постановкѣ гидротехнической части—и дѣло было-бы въ шляпѣ. Главное же все время надлежало-бы лишь памятовать и не проговориться о томъ, что все это касается губерніи пространствомъ ни много, ни мало въ 280 милліоновъ десятинъ. Вотъ, если обмолвиться нечаянно объ этомъ, ну, тогда, конечно, картина получится иная и не помогутъ не только іоркширы, но даже и тѣ кохинхинки и брамапутры, которыхъ для улучшенія мѣстной породы выписало въ декабрѣ 1911 года (время, въ которое, къ слову сказать, куры не несутся, хотя и являются пригодными для отчета, представляемаго подлежащему начальству въ концѣ года) — Енисейское переселенческое управленіе.

Однако, несмотря на весь оптимизмъ къ вопросу о постановкѣ переселенческаго дѣла, выказанный главноуправляющимъ земледѣліемъ и землеустройствомъ г. Кривошеинымъ, при его совмѣстной съ покойнымъ премьеромъ поѣздкѣ въ Сибирь въ 1910 году, нужно думать, что оба признанныхъ руководителя переселенческаго или вѣрнѣе аграрнаго россійскаго корабля въ глубинѣ души чувствовали, что едва-ли все уже такъ благополучно обстоитъ на самомъ дѣлѣ, какъ объ этомъ можно судить при поѣздкѣ по заранѣе намѣченному и извѣстному переселенческимъ чинамъ маршруту—и въ результатѣ

не могли не остановиться на обычной панацеѣ отъ всѣхъ золъ—хуторахъ и отрубахъ.

Не спорю, опыты поселенія хуторами въ Сибири были и, если угодно, съ очень благопріятными результатами. Къ сожалѣнію, эти опыты относятся не къ тѣмъ, кого такъ желаютъ возложить на лоно хуторского хозяйства, но они настолько интересны, что, для освѣщенія возможности хуторского хозяйства въ Сибири, не остановиться на нихъ поподробнѣе невозможно.

Въ 1897 году по Енисейской губерніи, съ служебными цѣлями, проѣзжало большое начальство—не то бывшій министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ, не то вице-директоръ лѣсного департамента г. Троицкій. По волѣ судебъ, а можетъ, какъ это сплошь и рядомъ водится, и лицъ провожающихъ, начальство попало на переселенческій участокъ „Каменный“ Канскаго уѣзда, населенный исключительно латышами. Къ немалому своему изумленію высокій посѣтитель не нашелъ на участкѣ того, чему полагается быть на всякомъ участкѣ, т. е. деревни, взамѣнъ коей то тутъ, то тамъ, гдѣ на полверсты, а гдѣ и болѣе виднѣлись отдѣльные домики, какъ оно и слѣдуетъ быть у людей, привыкшихъ къ фермерскому хозяйству.

Далѣе я буду продолжать словами командированнаго для сопровожденія начальства полицейскаго чина, который спустя два года съ негодованіемъ разсказывалъ мнѣ всю эту исторію:

— Не народъ, а прямо сплошные негодяи какіе-то! Подвели меня лучше не придумать!!.. Ну, зналъ, что живутъ тамъ латыши или эстонцы или чухны что-ли, чтобы имъ всѣмъ пусто было. Ну, живутъ и живутъ, а мнѣ и невдомекъ къ нимъ заглянуть—сами знаете наши сибирскія разстоянія—да и незачѣмъ: отъ податей и прочихъ натуральныхъ повинностей освобождены на первое время, грабежей нѣтъ, убійствъ тоже... Про кражи и про тѣ не слыхать... Вотъ уже дѣйствительно совершенно глупый народъ!! Гдѣ же тутъ въ умъ придетъ, что они этакую про-

тивоестественную штуку, съ позволенія сказать, могутъ выкинуть... Хорошо-съ. Пріѣзжаемъ честь-честью. Гдѣ деревня? разъ она по плану значится и даже вдоль самаго ключа два порядка разбито... Глядь, поглядь, а деревню-то Митькой звали и вмѣсто оной стоятъ понатыканы какіе-то, чортъ ихъ знаетъ, скворешники... Гдѣ сборня? Гдѣ земская квартира? Понимаете-ли—ни того, ни другого. Ну, не мерзавцы-ли? Да еще что-съ?! Оказалось и сотскихъ то у нихъ нѣтъ, а про десятскихъ и не слыхивали.... Одинъ староста да помощникъ у него—вотъ и все начальство... Чистѣйшее безобразіе-съ! Сановникъ, мною сопровождаемый, тоже однако удивился: „Кажъ же вы, говоритъ. дѣлаете, если вамъ, допустимъ, сходъ нужно собрать“? А тотъ, этотъ староста-то ихній—въ котелкѣ и пиджакѣ еще бестія—стоитъ и прехладнокровно этакъ объясняетъ: «О, это у насъ довольно быстро, если необходимо».... Ну, думаю себѣ, ужъ это ты врешь, братъ. У насъ и въ деревнѣ то такъ десятскіе съ ногъ собьются и языки высунутъ прежде, чѣмъ къ вечеру законное число приволокутъ, а здѣсь изъ скворешниковъ попробуй-ка ихъ выжить.. И что-же Вы думаете?!.. Не успѣлъ этотъ франтъ въ котелкѣ что-то буркнуть по своему, конечно, своему подручному, какъ тотъ рысцой, рысцой, да только мы его и видѣли.. Смотримъ, изъ той избенки, куда онъ скрылся, выбѣгаютъ ужъ и тоже бѣглымъ шагомъ маршъ въ разныя стороны... И что-же Вы думаете? Прошло этакъ не больше времени какъ съ полчаса, глядь, и оттуда идутъ и отсюда идутъ... Да, словомъ, чрезъ три четверти часа весь сходъ полностью. На те-ка вамъ—получите... Поинтересовались и касательно учебнаго дѣла, что «какъ-де, дескать, вы съ училищемъ устроитесь; гдѣ же ребятенкамъ по саженнымъ снѣгамъ въ школу пробираться». И тутъ аффронтъ: «О, у насъ почти всѣ знаютъ письмо и чтеніе и половина домовъ имѣетъ газету»...

— Чѣмъ же дѣло кончилось?

— Вотъ то то и оно: „Живите, говоритъ, разъ

уже вы такъ привыкли"... Охъ, если-бы на меня! Показалъ-бы я имъ кузькину мамашу и, даже съ дѣтками-съ... Помилуйте-съ, о нихъ заботятся... планъ тамъ и прочее, а они скворешники устраиваютъ... Тьфу!..

Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось бывать на этомъ участкѣ и наблюдая взаимныя отношенія этихъ посельцевъ между собою и отношенія каждаго отдѣльнаго члена по всему составу общества, я не могъ не подивиться той детальности, до которой все это было разработано. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ несомнѣнная заслуга никого другого, какъ нѣмецкихъ бароновъ, сумѣвшихъ вложить правовыя идеи своимъ бывшимъ вассаламъ. Помню, какъ однажды, когда я выразилъ кому-то изъ латышей свое удивленіе въ ихъ безпрекословномъ подчиненіи всѣмъ распоряженіямъ старосты, не всегда справедливымъ, какъ было въ данномъ случаѣ *), онъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня и на ломаномъ русскомъ языкѣ отвѣтилъ: „Но мы его выбирали сами и какъ же иначе"? И въ бѣлесыхъ глазахъ желтоволосаго латыша скользнувшихъ по мнѣ, я имѣлъ удовольствіе ясно прочитать окончаніе не высказанной вполнѣ мысли: «Вотъ, глупаго человѣка Богъ послалъ—самыхъ простыхъ вещей не понимаетъ!..».

Думаю, что приведенный фактъ едва-ли можетъ служить однимъ изъ доказательствъ возможности хуторского хозяйства въ Сибири и выводить изъ него какія либо заключенія въ благопріятномъ для хуторского хозяйства смыслѣ будетъ по меньшей мѣрѣ рискованно. Укладъ фермерскаго хозяйства здѣсь создавался вѣками и постепенно, а не возникъ по мановенію волшебной палочки, создавшей законъ 9 ноября. Да, кромѣ того, за послѣднее время и эти

*) Дѣло было на облавной охотѣ на козъ, гдѣ староста, въ качествѣ опытнаго охотника, руководившій облавою послалъ загонщиковъ чрезъ плохо промерзшее болото, когда можно было пройти доротою, что удлинило-бы время загона не болѣе какъ на четверть часа. Люди понятно вымокли чуть не по поясъ, но ни одинъ не издалъ ни звука протеста, хотя всѣмъ было ясно, что благодаря излишнему охотничьему увлеченію сдѣлана ненужная ошибка.

выходцы изъ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи по причинамъ о которыхъ мною будетъ сказано ниже, также начинаютъ селиться деревнями, хотя у нихъ, какъ у людей, никогда не бывшихъ общинниками, родъ хозяйства, конечно, приближается къ отрубному и впослѣдствіи, при увеличеніи населенія, такимъ вѣроятно и останется, если, разумѣется, не измѣнятся въ лучшую сторону настоящія условія сибирской жизни, при которыхъ возможнымъ окажется перейти и къ хуторамъ.

Существуетъ въ Сибири и еще типъ хозяйства, дающій на первый взглядъ полную иллюзію хуторского и могущій, казалось-бы, служить наглядным показателемъ, того, что насажденіе хуторскаго хозяйства въ Сибири не представляетъ затрудненій.

Я говорю о заимкахъ.

Какъ извѣстно, заимки эти бываютъ двухъ родовъ. Или это основательныя солидныя постройки, состоящія изъ нѣсколькихъ избъ, нерѣдко съ крашенными полами, такими же стѣнами, а нерѣдко и потолками. На такой заимкѣ сплошь и рядомъ приходится видѣть и стулья и деревянный крашеный, покрытый ковромъ, диванъ, а у стѣны шкафикъ, сквозь стеклянныя дверцы котораго можно разсмотрѣть разнообразную нехитрую стеклянную и фарфоровую посуду съ обычными надписями: «въ день ангела», «кушайте на здоровье» и т. д. На такихъ заимкахъ обыкновенно живетъ, даже и среди крѣпкихъ сибиряковъ, народъ физически наиболѣе сильный и предпріимчивый. Теплый дворъ для скотины также крѣпко сколоченный какъ его хозяева, рига, баня, гумно—словомъ все, что необходимо для хозяйства, поставленнаго на твердую ногу, гдѣ всякая хозяйственная мелочь, не видная неопытному взгляду, дорога для владѣльца. Обыкновенно хозяйства такого типа располагаются или близъ большихъ трактовыхъ дорогъ или если и близъ проселочныхъ, то опять-таки при непремѣнномъ условіи легкаго сообщенія съ трактомъ.

О второмъ родѣ заимокъ, приспособленныхъ къ

житью въ нихъ исключительно на время лѣтнихъ и осеннихъ полевыхъ работъ, говорить много не приходится. Обычно это небольшая курная изба съ очагомъ, нарами и однимъ подслѣповатымъ оконцемъ. Навѣсъ для лошадей, гдѣ разводится дымокуръ отъ назойливаго сибирскаго „гнуса", яма для храненія припасовъ въ холодкѣ, да гумно—вотъ и вся незатѣйливая обстановка подобной заимки, вся цѣнность которой почти исключительно зависитъ отъ количества и качества разработанныхъ пашенъ и сѣнокосовъ. Близость къ проселочной дорогѣ здѣсь роли не играетъ, такъ какъ лѣтомъ при хорошей упряжи на такую заимку проѣхать особаго труда не составитъ. Единственное необходимое условіе существованія такой заимки это близость воды, что, конечно тѣмъ болѣе имѣетъ мѣсто по отношенію къ заимкамъ перваго типа.

Казалось-бы, примѣръ на глазахъ и примѣръ очень яркій и убѣдительный. Чего-бы проще: оставь на прежнихъ мѣстахъ крѣпкія, десятками лѣтъ осѣдавшія, съ большимъ трудомъ создавшіяся, хозяйства; отграничь лѣтнія заимки—вотъ и готовые хутора..... Но...

Охъ, сколько же тутъ замѣщалось этихъ проклятыхъ «но». Изъ нихъ же первое—это то, что заимокъ этихъ не осталось и 30%. Слишкомъ ужъ усердно, начиная съ 1898 и до 1910 года переселенческое управленіе, ни съ чѣмъ не считаясь, включало ихъ во вновь образовываемые переселенческіе участки. То-же, что осталось неиспользованнымъ, или войдетъ въ районъ тѣхъ земель, которыя останутся у старожиловъ при ихъ поземельномъ устройствѣ или, что разумѣется хуже, останется за границами этихъ надѣловъ, такъ какъ тогда ихъ сведутъ, что называется, на нѣтъ сами вчерашніе владѣльцы. Какъ иллюстрацію послѣдняго положенія позволю себѣ привести слѣдующій примѣръ.

Осенью 1911 года мнѣ пришлось съ двумя товарищами переночевать на заимкѣ перваго типа въ 6 верстахъ отъ большого села Рыбнаго, той-же во-

лости, Канскаго уѣзда. Изъ разговоровъ съ хозяиномъ выяснилось, что какъ онъ, такъ и еще остальные пять заимщиковъ, живущихъ на заимкахъ постоянно и притомъ не далѣе полуверсты другъ отъ друга—всѣ переселяются весною въ село Рыбное и «даже кое кто уже заготовили лѣсочку, потому какъ все единственно всю постройку придется рушить».

— Зачѣмъ-же рушить, когда вы можете остаться здѣсь, тѣмъ болѣе, что васъ шесть заимщиковъ и вы всѣ живете невдалекѣ другъ отъ друга, такъ что если похлопотать гдѣ слѣдуетъ, то васъ вѣроятно окажется возможнымъ вырѣзать въ одну межу?—говорю я.

Хозяинъ снисходительно ухмыляется моему невѣжеству.

— Ужли-жъ не хлопотали?... Во всѣ мѣста совались, да толковъ изъ этого никакихъ не вышло... А въ нонѣшнемъ году какъ топографъ обрѣзалъ нашихъ рыбинскихъ по душамъ въ одной грани, ну мы въ грань то эту и не попали..... Стало и выходить: хошь не хошь, а съ чужого коня середь грязи долой—съ лопатонами, сами поди знаете, ужъ нашему брату, челдону, не житье...

Цѣлый вечеръ бился я съ упрямцемъ, стараясь доказать ему, что дѣло поправимо, что вчерашнее непріемлемое нынѣ не только пріемлется, но даже и поощряется. Въ концѣ концовъ обѣщался даже составить текстъ телеграммы въ Петербургъ, если онъ съ своими сосѣдями заимщиками подтвердитъ при имѣвшихся двухъ постороннихъ свидѣтеляхъ желаніе остаться на насиженныхъ мѣстахъ... Все было тщетно и въ отвѣтъ я только слышалъ лѣнивое: «да нѣтъ, чего ужъ тамъ..... Толкались... охлопатывали... А теперь и совсѣмъ за гранью—потому обрѣзаны»...

Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ населеніе, у котораго полтора десятка лѣтъ отбирали заимки, не взирая ни на что, повѣрить тому, что начальство вдругъ смилостивилось и чуть не упрашиваетъ оставаться на заимкахъ...

— Боже мой, какая же путаница!—сказалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ—инженеръ, укладываясь спать.—Да это и право же еще хуже, чѣмъ у насъ на дорогѣ... Вотъ бы куда барону Медему не мѣшало заглянуть...

Наивный человѣкъ—онъ еще вѣрилъ въ полезность сенаторскихъ ревизій...

А пока что, полагаю возможнымъ констатировать фактъ, что отъ крѣпкихъ устойчивыхъ заимочныхъ хозяйствъ въ степныхъ и полустепныхъ мѣстностяхъ гдѣ только и существовали эти заимки, остались въ настоящее время какъ отъ бабушкина козлика рожки да ножки...

Итакъ, сначала разореніе, а потомъ насажденіе хуторского хозяйства, Точно по извѣстной формулѣ—сначало успокоеніе, а потомъ реформы, изъ чего, впрочемъ, также толку не вышло...

Перехожу къ вопросу—въ правѣ ли мы, основываясь на опытахъ латышей и особенно на опытахъ старожиловъ сибиряковъ, имѣть основанія думать о насажденіи хуторского хозяйства въ переселенческихъ участкахъ, которые отводились въ 1911 году и, конечно, будетъ отводиться и въ годы, послѣдующіе за нимъ?

Съ точки зрѣнія главнаго переселенческаго управленія, разумѣется, — да. Не даромъ же съ весны 1911 года для переселенцевъ, высказавшихъ желаніе перейти на хуторское хозяйство, оно установило срокъ зачисленія за ними участковъ въ два года, а не въ одинъ.

А вотъ съ моей — такъ нѣтъ. И на этотъ разъ безъ всякихъ предварительныхъ оговорокъ. Но виноватъ ли я въ томъ, что въ моемъ сердцѣ „не цвѣтутъ цвѣты лазоревые“, когда я думаю о примѣненіи къ Сибири закона 9 ноября, и когда факты говорятъ противъ этого. А они таковы:

Считая совершенно установленнымъ, что за послѣдніе два-три года центръ тяжести переселенческаго дѣла, т. е. отводъ новыхъ участковъ, перемѣстился въ Енисейскій уѣздъ, я смѣло утверждаю,

что надежда на образованіе тамъ хуторскихъ хозяйствъ — дѣло изъ рукъ вонъ безнадежное. Сибиряки, ѣздившіе по большому почтовому енисейскому тракту Енисейскаго уѣзда, прекрасно знаютъ, что эта за мука мученская ѣхать гусемъ или „бочкой“ *) по этому тракту съ его саженными по сторонамъ снѣгами, лишающими двухъ встрѣчныхъ путниковъ всякой возможности разъѣхаться. И это тамъ, гдѣ ежедневно идетъ непрерывное движеніе. Спрашивается, что же ожидаетъ хуторянъ, заброшенныхъ въ глухую непривѣтливую тайгу съ ихъ плохими лошаденками, при полномъ почти отсутствіи проселочныхъ дорогъ (населеніе Енисейскаго уѣзда почти исключительно разбросано или по почтовому Енисейскому тракту, или по старой, нынѣ уже заброшенной дорогѣ Ачинскъ-Енисейскъ). Но допуская, что отъ большого тракта къ тѣмъ или другимъ группамъ участковъ переселенческимъ управленіемъ чрезъ тайгу будутъ проложены дороги, допуская даже, что эти дороги въ тѣхъ или иныхъ направленіяхъ даже хотя-бы и нѣсколькихъ (при обычномъ способѣ заселенія этого никогда не дѣлается) перерѣжутъ участки, я все-таки не вижу способа, какимъ будутъ сообщаться между собою отдѣльные хутора? При надѣлѣ въ 15 десятинъ на душу и при наличности массы неудобныхъ земель, нужно думать, что хутора эти одинъ отъ другого будутъ стоять не близко и, полагаю, что переселенческому коню трудновато будетъ не только пробраться до дороги, проложенной переселенческимъ управленіемъ, но едва-ли онъ сможетъ „допурхаться“ и до сосѣдняго хутора...

Ну, а школа, а церковь, а медицинская помощь, которая такъ необходима переселенцу, въ особенности первое время, когда онъ ютится въ не прикрытыхъ, сколоченныхъ на скорую руку постройкахъ, а то и вовсе въ землянкахъ съ ихъ сырымъ, про-

---

*) Особый видъ запряжки, практикуемый только въ Енисейскомъ уѣздѣ, гдѣ, въ виду громадныхъ снѣговъ, двѣ лошади впереди идутъ рядомъ, какъ при запряжкѣ въ дышло, а третья сзади ихъ запряжена обычнымъ способомъ въ оглобли.

мозглымъ воздухомъ? А если голодовка въ такомъ сѣверномъ уѣздѣ какъ Енисейскій, болѣе возможна чѣмъ въ другихъ уѣздахъ губерніи, хотя за послѣдніе три года и эти послѣдніе въ этомъ отношеніи судьбой не обижены?!. Попробуйте-ка тогда въ занесенный до самыхъ трубъ хуторъ, при его отрѣзанности отъ всего міра, доставить продовольственный хлѣбъ.

Наконецъ, какъ быть съ водой, безъ которой невозможно хуторское хозяйство, да и никакое вообще? Всѣ хутора по какому-нибудь ключу или рѣченкѣ, протекающей чрезъ участокъ, не могутъ размѣститься въ силу того, что это хутора, а не деревня, всегда распланированная вдоль воднаго источника и гдѣ же гарантія, что при той неосвѣдомленности, съ которой ведутся работы не повторится въ нѣкоторыхъ случаяхъ исторія, подобная той, которая произошла съ „Куринскимъ“ участкомъ *)...

Однако есть и еще одна сторона вопроса, которая, внѣ всякаго сомнѣнія, лицами, стоящими за образованіе хуторскихъ хозяйствъ, совершенно не была принята во вниманіе. Говоря такъ, я имѣю въ виду ту преступность, которая за послѣднее время особенно развилась въ Сибири. Перечислять причины того чрезвычайнаго, даже и для Сибири, усиленія преступности не входитъ въ мою задачу, скажу лишь, что кромѣ причинъ общаго характера, увеличившихъ преступность въ Европейской Россіи, для Сибири имѣются и свои, такъ сказать, лично ей присвоенныя. Невозможныя условія труда „на Амуркѣ“, заставляющія разбѣгаться рабочихъ, въ числѣ которыхъ немало ссыльно-поселенцевъ и каторжанъ; окончаніе постройки или, вѣрнѣе, перестройки гор-

*) «Куринскій» переселенческій участокъ подъ наблюденіемъ того-же пресловутаго филолога Кузьмина былъ образованъ изъ земель инородцевъ при солеваренномъ Алтайскомъ завсдѣ. И если послѣ изъятія у нихъ земли инородцамъ было горько, то новоселамъ пришлось и совсѣмъ солоно — вода для питья оказалась совершенно непригодною. Изъ рытья колодцевъ также ничего не вышло. Тогда переселенческое управленіе начало бурить землю и добурилось до воды еще болѣе соленой. Теперь поселившіеся ѣздятъ за водой на р. Енисей за 7—8 верстъ отъ деревни, такъ что все обстоитъ благополучно.

ныхъ участковъ, а слѣдовательно и массовый наплывъ безработныхъ, наконецъ высылка такихъ элементовъ какъ родственниковъ и укрывателей неуловимаго Зелимъ-хана, явившихся въ ненавистную и страшную имъ страну безъ знанія языка и т. д. и т. д. — все это создало для Восточной Сибири ужасныя условія жизни. Грабежи и убійства не вызываютъ уже ни малѣйшаго вниманія и только развѣ такой случай, какъ убійство всѣхъ обитателей въ количествѣ десяти человѣкъ на одной изъ фермъ Каменнаго участка, о которомъ я упоминалъ, остановитъ на себѣ на минутку вниманіе ближайшихъ къ мѣсту преступленія обывателей, да и то лишь съ такой точки мышленія: „Эхъ, и какъ же это такъ латыши-то обмишулились!.. и народъ, быдто, не промахъ... Чудно однако“...

И при такихъ то условіяхъ, въ лѣсную глушь, будетъ загнанъ не одинъ десятокъ тысячъ людей, привыкшихъ къ общинной совмѣстной жизни, не приспособленныхъ къ суровому климату и суровымъ людямъ и, конечно, трусливыхъ въ одиночку. Только слѣпой или не желающій видѣть и понимать не сообразитъ, что дѣлать это — значитъ сознательно посылать живыя души на убой.

Право надъ всѣмъ этимъ не мѣшало-бы и поразмыслить прежде, чѣмъ производить рискованные опыты съ хуторскимъ хозяйствомъ да еще въ такихъ широкихъ размѣрахъ.

На сказанное, думается мнѣ, возможно одно возраженіе: „Сами-же вы пишете, что на заимкахъ сибиряки жили десятками лѣтъ, а вотъ живы-же, слава Богу“.

Отвѣчаю:

— Да, живы, и еще если-бы прожили десятки лѣтъ, остались-бы живы и здоровы, и это понятно. Въ каждой такой заимкѣ всегда кромѣ женщинъ, которыя въ случаѣ нужды тоже могутъ постоять за себя, имѣется трое-четверо взрослыхъ мужчинъ, по стѣнамъ развѣшаны всегда заряженныя ружья и малопульки, хотя и неладно, какъ говорится, скроен-

ныя, но чертовски вѣрно бьющія, да на дворѣ чуть не десятокъ, чуткихъ, злющихъ, въ особенности ночью, псовъ. А сплошь и рядомъ гдѣ-нибудь въ банѣ или въ отдѣльной плохонькой избенкѣ проживаютъ двое, а то и трое „варначковъ", пріученныхъ хозяиномъ до появленія „генерала Кукушкина", т.е. до весны. Эти безъ сомнѣнія своихъ хозяевъ тоже не выдадутъ... Вотъ тутъ и попробуй сунуться въ такое осиное гнѣздо — пожалуй, и ногъ не утащишь.

И все-таки заимщики всегда на-сторожѣ, хотя объ этомъ ни другъ другу, ни тѣмъ болѣе чужому они и не заикнутся. Если ночью по близости прогремитъ телѣга, то сейчасъ-же начинается разрѣшеніе вопроса — кто поѣхалъ, куда поѣхалъ и за какимъ дѣломъ? И по звуку какой-нибудь дребезжащей шины, по особому ворчанію шаркунца или по звону колокольчика почти всегда угадываютъ. И это не праздное любопытство, нѣтъ, здѣсь сама обстановка требуетъ, приказываетъ узнать — свой или чужой по-близости. Суровая дѣйствительность въ смыслѣ природы и людей накладывала вѣками на сторожила-сибиряка свою печать и выработала типъ, умѣющій постоять за себя въ минуту опасности.

Словомъ здѣсь дѣло, какъ говоритъ одинъ мой хорошій знакомый, „совсѣмъ изъ другой оперы".

Коснусь слегка и матеріальной стороны дѣла. О томъ, чтобы къ разчисткѣ подъ хуторъ приступилъ самъ хуторянинъ нечего и думать. Ему она безусловно не подъ силу, такъ какъ разчистка сплошная: не даромъ же переселенческое управленіе въ такъ называемыхъ участкахъ «трудныхъ» допускаетъ 1-2 процента чистыхъ полянъ (еланей). А колодцы? А проведеніе дорогъ почти сплошь по глухой тайгѣ съ вырубкою лѣса и выкорчевкою пней на протяженіи многихъ сотенъ верстъ?

А впрочемъ пусть читатель самъ судитъ о томъ стоитъ ли вся эта хуторская затѣя свѣчъ и не есть-ли она одна изъ тѣхъ „плѣнныхъ мыслей", на ко-

торыя такъ чива мятущаяся въ переселенческомъ вопросѣ бюрократія.

Казалось-бы на этомъ и можно бы было покончить съ печальной эпопеей переселенческой неурядицы, но для полноты картины мнѣ приходятся, къ сожалѣнію, отмѣтить довольно подробно и ту роль, которую сыграло въ дѣлѣ разгрома естественныхъ богатствъ Сибири и лѣсное вѣдомство.

Не скажу, чтобы писать объ этомъ мнѣ, какъ лицу, бывшему столько лѣтъ тѣсно соприкосновеннымъ съ лѣснымъ вѣдомствомъ, какъ человѣку, у котораго и по сіе время далеко еще не порваны связи съ этимъ вѣдомствомъ, доставляло большое удовольствіе, но разъ назвался груздемъ, то кузовъ, въ который, хочешь не хочешь, а лѣзь, является естественнымъ концомъ. Долженъ оговориться, что касаясь печальнаго участія лѣсного вѣдомства въ переселенческомъ вопросѣ, я отнюдь не имѣю въ виду мѣстныя центральныя управленія по Сибирскимъ губерніямъ. Какъ мы видѣли раньше, здѣсь то хорошо понимали, что дѣлается дѣло совершенно несуразное и по мѣрѣ силъ и возможности протестовали, а затѣмъ..... затѣмъ по пилатовски умывали руки, что для лѣсного департамента и руководителей его и требовалось. Разумѣется, такой порядокъ вещей не могъ не отразиться въ концѣ концовъ и на качественномъ составѣ чиновъ корпуса лѣсничихъ. Дѣлать завѣдомо вредное, а потому и постылое дѣло удовольствія мало кому доставляетъ и, конечно, наиболѣе живой, наиболѣе энергичный элементъ всѣми силами стремился уйти туда, гдѣ работа представлялась ему продуктивнѣе.

Для того, чтобы понять сказанное и остановиться впослѣдствіи подробнѣе на главномъ грѣхѣ лѣсного вѣдомства или вѣрнѣе лѣсного департамента, мнѣ необходимо сдѣлать краткій историческій обзоръ всей департаментской политики съ ея обычными колебаніями и метаніями изъ стороны въ сторону за послѣднія двадцать семь лѣтъ—времени моего служенія на пользу отечества въ качествѣ чина корпуса лѣ-

сничихъ. Предвижу, что въ дальнѣйшемъ мнѣ придется говорить въ нежелательномъ мнѣ мемуарномъ, такъ сказать, тонѣ, но избѣжать этого невозможно, такъ какъ во всемъ, что дѣлалось за эти двадцать семь лѣтъ приходилось принимать участіе не только въ качествѣ благороднаго свидѣтеля, но нерѣдко быть и дѣйствующимъ лицомъ.

На періодѣ бурбонства, когда каждый столоначальникъ лѣсного департамента мнилъ себя по меньшей мѣрѣ Зевсомъ-Громовержцемъ, чинопочитанія, непролазной канцелярщины, я долго останавливаться не буду—очень ужъ мрачна эта страничка начала моей службы. Главный принципъ, на которомъ зиждилось въ то время управленіе департаментомъ, былъ принципъ централизаціи. Всѣмъ мѣстнымъ лѣснымъ хозяйствомъ хотѣлъ завѣдывать Петербургъ изъ своихъ кабинетовъ и въ результатѣ получилась изумительная несообразность: имущество лѣсничему довѣряютъ часто на многіе милліоны рублей и вмѣстѣ съ тѣмъ, своею властью, тотъ же лѣсничій не можетъ самостоятельно распорядиться продажей сухостойнаго и валежнаго, т. е. вреднаго въ лѣсохозяйственномъ смыслѣ, лѣса даже и на десять рублей... Если-же какой либо неосторожный, по молодости лѣтъ и поддавался соблазну принести пользу тому дѣлу, ради котораго онъ учился въ спеціальномъ заведеніи, то спустя полгода онъ уже проклиналъ тотъ день и часъ когда ему пришла несчастная идея „о принесеніи пользы отечеству“, такъ какъ возникшая переписка изъ листовъ прекращалась въ дести, а эти послѣднія распухали въ цѣлыя стопы, а дѣло, конечно, не двигалось..... Именно къ этимъ временамъ относится разсказъ объ очень цѣнной сосновой дачѣ, съѣденной начисто сосновымъ шелкопрядомъ. Когда началось поврежденіе и когда дорога была каждая минута, лѣсничій долженъ былъ писать въ мѣстное управленіе объ ассигнованіи соотвѣтственнаго кредита; управленіе, также не имѣвшее на этотъ предметъ кредита, должно было снестись по этому поводу и очень, конечно, подробно

съ Петербургомъ. Короче говоря, когда кредитъ былъ ассигнованъ, то вся дача уже превратилась въ сухостой и ее оставалось только продать. Нашелся къ счастію покупатель, который согласился купить лѣсъ по оцѣнкѣ, сдѣланной мѣстнымъ управленіемъ, но Петербургъ заартачился: „А вдругъ продешевили?“ Пошла переписка; лѣсъ не ждалъ ея окончанія — началъ валиться, т. е. дача обезцѣнивалась и когда пришло милостивое разрѣшеніе на продажу, то лѣсопокупатель прежней цѣны дать, конечно, не могъ и предложилъ уже другую, и опять началась сказка про бѣлаго бычка.... Въ результатѣ, если вѣрить лицу, разсказавшему все это—не вѣрить, при существовавшихъ въ то время порядкахъ, нѣтъ основаній—казнѣ чуть ли еще не самой пришлось приплачивать за то, чтобы валежный, буреломный, перепорченный въ концѣ многочисленными лѣсными пожарами, лѣсъ былъ убранъ съ площади дачи. Естественно, что при такихъ условіяхъ работы, всѣ, не желавшіе погрузиться совсѣмъ съ ушами въ тину канцелярской бездны, стремились идти по чистой спеціальности, т. е. по лѣсоустройству, разсчитывая, что тѣ чисто техническія знанія, которыя только что были вынесены изъ стѣнъ Петровской академіи или Лѣсного института, хотя тутъ-то, наконецъ, проявятся. Но и здѣсь ждало грустное разочарованіе. Общій принципъ централизаціи и здѣсь мертвымъ пресомъ давилъ живую науку и всю ее можно было съ спокойной совѣстью замѣнить однимъ „лѣснымъ календаремъ“, издававшимся въ то время Девріеномъ. И это было такъ понятно для департаментскихъ, посѣдѣвшихъ въ канцелярскихъ бояхъ многоумныхъ крысъ Онуфріевъ и совсѣмъ непонятно для насъ, молодыхъ, крѣпкихъ и сильныхъ, съ острыми глазами и мускулистыми ногами мышатъ, только что слѣзшихъ съ студенческой скамьи.... Именно въ то время, въ тиши одного изъ рабочихъ кабинетовъ лѣсного департамента, вице-инспекторомъ корпуса лѣсничихъ, нѣкіимъ г. Шенрокомъ, и была выпущена инструкція по устройству лѣсовъ, совершенно

непригодная къ лѣсоустроительной практикѣ и въ корнѣ отрицавшая всякую эволюцію въ области лѣсной культуры. Со страницъ этой казенной инструкціи на насъ, живыхъ и жизнерадостныхъ людей, такъ казалось и смотрѣла затянутая и застегнутая на всѣ пуговицы вицмундира сухая и непроницаемая фигура департаментскаго чиновника съ мертвенно мерцающими неподвижными глазами. И всѣмъ намъ было ясно, что въ инструкціи все зиждется на статьяхъ и параграфахъ, не считаясь съ общимъ укладомъ жизни, не принимая во вниманіе, что чрезъ полтораста лѣтъ жизнь не будетъ имѣть ничего общаго съ тою, которою мы живемъ... И я помню, съ какой ненавистью наносили мы на планы дубовыя лѣсосѣки, которыя слѣдовало-бы вырубить ровнехонько чрезъ сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ нашего устройства царевококшайскихъ лѣсовъ. Говоря иначе, инструкція отрицала самымъ рѣшительнымъ образомъ и будущее увеличеніе населенія и развитіе въ немъ иныхъ потребностей и стихійныя бѣдствія въ видѣ вѣтроваловъ, лѣсныхъ пожаровъ, жестокихъ морозовъ и т. д; отрицала проведеніе желѣзныхъ дорогъ, общее улучшеніе путей сообщенія—словомъ отрицала все за исключеніемъ статей и параграфовъ. Хуже же всего было то. что изъ всѣхъ насъ двѣнадцати таксаторовъ, работавшихъ въ царевококшайскихъ дебряхъ, каждый понималъ инструкцію по своему и, пріѣхавшій къ намъ на провѣрку работъ, покойный ревизоръ лѣсоустройства К. М. Афонасевичъ, человѣкъ прекрасно понимавшій свое дѣло, послѣ цѣлаго ряда запросовъ съ нашей стороны, тоже сбился съ панталыку и откровенно заявилъ: „Господа, неужели вы думаете, что я не вижу. что все это сплошное идіотство, но не можетъ же департаментъ сегодня отмѣнить то, что онъ имѣлъ неосторожность пропустить вчера... Молоды вы еще и не понимаете, что сдѣлать иначе, значитъ подорвать престижъ департаментскихъ боговъ... Послужите—сами убѣдитесь“...

Онъ оказался правъ: инструкція ради поддержа-

нія престижа департаментскихъ Юпитеровъ просуществовала еще два или три года, а мы (конечно, тоже было и въ другихъ партіяхъ) вмѣсто того, чтобы работать, занялись хитроумнымъ вопросомъ о томъ, какъ-бы въ свою очередь обойти донимавшую насъ инструкцію, что послѣ долгихъ усилій и исполнили съ успѣхомъ.

Но какое-же было это устройство? Да проститъ Аллахъ мнѣ и моимъ товарищамъ вынужденныя прегрѣшенія наши...

Понятно, что при такихъ условіяхъ всякій, кто только могъ, сѣжалъ или на частную службу или въ другія вѣдомства и такимъ образомъ уходилъ наиболѣе энергичный элементъ, понявшій, что оставаться въ этой мертвечинѣ значитъ превратиться въ гробъ повапленный.

Но совсѣмъ инымъ духомъ повѣяло въ затхлыхъ стѣнахъ лѣсного департамента, когда должность директора департамента занялъ покойный Федоръ Платоновичъ Никитинъ. Бывшій земецъ, помнившій еще то земское положеніе, при которомъ земскія собранія отнюдь не представляли собою тѣхъ же дворянскихъ собраній только безъ мундировъ—и въ званіи директора казеннаго учрежденія остался вѣренъ себѣ. Онъ прекрасно понялъ, что нельзя вино новое вливать въ мѣхи старые и прежде всего, на сколько могъ, старался избавиться отъ той старой ветоши, которая спокойно ютилась во всѣхъ департаментскихъ щеляхъ и закоулкахъ. Только при немъ и оказались возможными такія назначенія, какъ, также уже покойнаго, А. Ф. Духовича, назначеннаго первымъ управляющимъ государственными имуществами Енисейской губерніи. А между тѣмъ, Никитину не могло не быть извѣстнымъ, что Духовичъ почти прямо по окончаніи Петровской академіи отправился въ пятилѣтнюю административную ссылку въ г. Обдорскъ въ качествѣ лица сильно скомпрометированнаго по дѣлу Германа Лопатина... Да и въ воздухѣ уже рѣяли идеалы Плеве и въ государственной жизни складывался тотъ полицейскій режимъ, къ ко-

торому стремился и полностью выполнилъ, умершій за свой идеалъ, покойный министръ. Думаю, что на подобное рискованное назначеніе рѣшился бы далеко не всякій директоръ департамента...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не лишнимъ будетъ вспомнить и о томъ, что, уходя изъ предсѣдателей Херсонской губернской земской управы въ директоры департамента, Ф. П. Никитинъ не забылъ захватить съ собою и то, что всегда, несмотря на всѣ препоны, все же не могло окончательно лишить земство его жизненной энергіи. Вновь назначенный директоръ, своимъ недюжиннымъ умомъ очень быстро учелъ то обстоятельство, что лишь при взаимномъ обмѣнѣ мнѣній между собою и старшихъ и младшихъ чиновъ корпуса лѣсничихъ и можно выяснить недостатки лѣсного хозяйства. И, вотъ, организовались съѣзды, гдѣ каждый могъ свободно выяснять свой взглядъ на общее всѣмъ лѣсное дѣло, поднимать тотъ или иной интересующій его вопросъ или даже подвергать критическому разбору тѣ или иныя мѣропріятія не только мѣстныхъ управленій государственными имуществами, но даже и лѣсного департамента. Нельзя сказать, чтобы все на первыхъ порахъ шло гладко, и странно было-бы и требовать этого отъ людей, разбросанныхъ по медвѣжьимъ угламъ, взрощенныхъ на принципахъ чинопочитанія и сухой, никому не нужной канцелярщины. Вотъ почему первое время рѣчи на съѣздахъ и не могли отличаться особенной полностью и ясностью изложенія и ничего нѣтъ удивительнаго, что участники съѣзда о какомъ нибудь осиновомъ насажденіи говорили совершенно дубовымъ языкомъ. Впослѣдствіи конечно, все наладилось и какъ результатъ съѣздовъ явилась достаточно широкая децентрализація власти непогрѣшимаго папы—лѣсного департамента, а захолустный лѣсничій сдѣлался фактическимъ управителемъ ввѣреннаго ему имущества и это, разумѣется, не могло не отразиться на лѣсномъ хозяйствѣ съ самой положительной стороны. Убѣжденный децентрализаторъ власти Ф. П. Никитинъ

очень хорошо понялъ, что молодежи, каковой и является большинство лѣсничихъ, слѣдуетъ довѣрять болѣе, чѣмъ людямъ закоснѣвшимъ въ рутинѣ и, конечно, оказался правъ—работа закипѣла по всей линіи и она не могла не быть плодотворною, потому что это была работа за совѣсть, а не за страхъ, чего никакъ не могли уразумѣть ни предыдущіе гг. директоры департамента, ни замѣститель Никитина г. Кублицкій-Піоттухъ.

Отъ внимательнаго глаза безпокойнаго директора не укрылись даже и жирные рождественскіе и пасхальные департаментскіе гуси. Да и ничего нѣтъ мудреннаго въ томъ, что департаментскіе гусаки отличались не только своей величиной, но и чрезвычайной полнотѣлостью, не говоря уже о ихъ, на рѣдкость, глянцевитомъ видѣ. Еще-бы: прожорливыя птицы ежегодно, безъ остатка, пожирали всю сверхсмѣтную перевыручку повышающихся лѣсныхъ доходовъ!!. И если, когда либо, по особой милости начальства, кому нибудь живущему въ глуши лѣсничему и попадала чрезъ долгій рядъ лѣтъ гусятина, то она являлась въ видѣ столь замореннаго и щупленькаго гусенка, что вмѣсто аппетита возбуждала только одну жалость.

Словомъ, съ департаментскими гусями Ф. П. Никитинымъ было поступлено жестоко: въ величинѣ и качествѣ они потеряли весьма значительно, но за то за ихъ счетъ гусята лѣсничихъ пріобрѣли достаточно живой и благопристойный видъ, что при скудости содержанія меньшей братіи изъ лѣсныхъ чиновъ не мало веселило ея сердце. Не меньше радости доставили той же братіи и тѣ добавочныя прибавки къ содержанію, которыя получили всѣ лѣсничіе послѣ извѣстнаго количества прослуженныхъ лѣтъ, подобно тому какъ это практикуется во многихъ земствахъ для такъ называемаго третьяго элемента. И опять таки, рѣшительно всѣ чины, рангомъ выше лѣсничаго, этихъ прибавокъ не получили. Ф. П. Никитинъ твердо зналъ, что дѣлалъ и понималъ что цѣнить слѣдуетъ не канцелярскіе изгибы ума,

а практическую работу, и только заручившись общими симпатіями энергичной, желавшей работать не за страхъ, молодежи, онъ и могъ приступить къ такой громадной работѣ какъ производство хозяйственныхъ заготовокъ лѣсныхъ матеріаловъ для нуждъ Сибирской желѣзной дороги. Работа эта и есть та самая, которую нельзя не поставить въ самую большую заслугу этому человѣку—человѣку очень широкихъ горизонтовъ, съ пророческою ясностью предвидѣвшаго печальную будущность лѣсовъ Сибири, да и многаго другого... Вотъ что говорилъ объ этомъ въ Петербургѣ въ 1897 г. Ф. П. Никитинъ Тобольскому, Енисейскому и Иркутскому управляющимъ государственными имуществами: *)

— „Я знаю, что въ этомъ дѣлѣ тяжелѣе всѣхъ придется лѣсничимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я глубоко убѣжденъ и въ томъ, что если вы сумѣете растолковать или, будетъ вѣрнѣе сказать, втолковать имъ руководящую мною идею, то данную имъ задачу они выполнятъ. Идея-же очень проста. На опытъ милліонныхъ заготовокъ я смотрю совсѣмъ не съ точки зрѣнія фиска, хотя, конечно, для того, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы мнѣ въ докладѣ именно на этомъ и придется главнымъ образомъ базироваться и стало быть необходимо, чтобы прибыль была. Если она, какъ по вашей лѣсной наукѣ значится, не будетъ превышать, такъ называемой, законной прибыли лѣсопромышленника—великолѣпно; если она будетъ меньше этой прибыли—и это хорошо. Повторяю—суть не въ фискѣ, а въ томъ, что если заглянуть въ будущее вашей немшоной Сибири такъ получится невеселая картина. Въ самомъ дѣлѣ, переселенческое движеніе все увеличивается и какъ оно пойдетъ дальше—никому неизвѣстно... Земель пригодныхъ не хватитъ, начнутъ забирать подъ уча-

*) За дословную точность передачи я не ручаюсь, но мысль была именно эта. Утверждаю это потому, что впослѣдствіи, въ 1901 г., при пріѣздѣ Никитина въ Енисейскую и Иркутскую губерніи тоже самое я лично слышалъ отъ него, хотя, возможно, и въ нѣсколько другихъ выраженіяхъ.

стки лѣса по наиболѣе удобнымъ путямъ сбыта и если вы не возьмете того, что я вамъ предлагаю въ свои руки, то напустите на переселенца своего рода лѣсныхъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ—а это гибель и для лѣсного дѣла въ частности и для Сибири вообще... Наконецъ, если сказать правду, такъ что вы тамъ изъ себя при настоящихъ условіяхъ изображаете?... Не обижайтесь, но право-же, увѣряю васъ, что вы всѣ сейчасъ находитесь въ роли приказчиковъ. Лѣса взяли въ заказники, охранять вы ихъ по безпредѣльности пространствъ, неимѣнію стражи и некультурности населенія не можете ни отъ порубокъ, ни отъ пожаровъ... И выходитъ, что сидите вы себѣ и деньги получаете—точь въ точь какъ любой приказчикъ въ лавкѣ, да еще по произвольной таксѣ, такъ какъ и генералъ-тубернаторскую таксу и вашу, какъ не основанную на опытѣ, слѣдуетъ считать одинаково взятыми съ потолка... Это одна сторона вопроса, съ которой вы лучше меня разберетесь у себя, посовѣтовавшись, такъ сказать, домашимъ порядкомъ со своими лѣсничими... Дальше позвольте перейти къ другому. Недороды у насъ—явленіе обычное и чѣмъ дальше, тѣмъ это будетъ повторяться чаще, такъ какъ я къ несчастію совершенно не‘вижу основаній почему бы этому не быть. Грустно въ этомъ дѣлѣ еще и то, что каждый разъ голодовка или, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, недородъ застаетъ всѣ вѣдомства неподготовленными и, нельзя не признаться, и наше въ томъ же числѣ. Но въ Европейской Россіи кое-какъ еще можно справиться: тамъ непроданныя дѣляночки, тамъ канавы около дачъ, тамъ поправка дорогъ и т. д.... А вотъ вы то, скажите мнѣ, чѣмъ будете отбояриваться, когда у васъ этакій грѣхъ вродѣ серьезнаго недорода случится? Ваше хозяйство, если его можно только счесть за хозяйство, совсѣмъ особое и вы безъ организаціи хозяйственныхъ заготовокъ будете въ злосчастную годину совсѣмъ безпомощны и не смежете сдѣлать того, что лежитъ на совѣсти всякаго порядочнаго человѣка... Буду до

конца откровененъ: на хозяйственныя заготовки я смотрю какъ на ту ячейку, изъ которой въ будущемъ быть можетъ, разовьется министерство общественныхъ работъ, которое есть чуть ли не вездѣ кромѣ насъ, которымъ оно самое нужное, самое, пожалуй, необходимое при нашихъ порядкахъ... Быть можетъ это и праздныя мечтанія, но почву онѣ подъ собою, господа, имѣютъ... Всѣхъ деталей хозяйственныхъ заготовокъ предусмотрѣть, внѣ всякаго сомнѣнія, невозможно. Вѣроятно встрѣтится что нибудь такое, о чемъ мы, сидя здѣсь, не думаемъ и не гадаемъ но я еще разъ повторяю, что при вашей отзывчивости къ этому дѣлу, глубоко убѣжденъ, что молодежь со всей этой исторіей справится... Только безъ предписаній и циркуляровъ. Ради Бога безъ этихъ мертвыхъ палокъ въ колеса живого дѣла!.. Мой совѣтъ— все рѣшать на съѣздахъ и избѣгать оффиціальности... Что сказано, того я въ оффиціальной бумагѣ вамъ, какъ вы и сами понимаете, написать не могу, но имѣяй уши, а я прибавлюи разумъ, пусть слышитъ и разумѣетъ". Эти рѣчи, переданныя, возможно, въ нѣсколько иной редакціи, сдѣлали на съѣздахъ и совѣщаніяхъ свое дѣло. Людямъ, всю свою жизнь приверженнымъ къ двадцатому числу, выпадалъ случай примкнуть къ тому, что есть хорошаго въ устроительствѣ жизни и этимъ случаемъ воспользовались всѣ живые элементы изъ числа чиновъ корпуса лѣсничихъ въ Енисейской губерніи. Да и въ самомъ дѣлѣ нельзя-же было не видѣть, что здѣсь наклевывается настоящее дѣло, что именно тутъ-то и возможна эксплоатація тѣхъ лѣсныхъ пространствъ, о которыхъ никто никогда и мечтать не могъ. Тѣ тридцать-сорокъ процентовъ прибыли, которые получались на дѣлянкахъ ближайшихъ къ линіи желѣзной дороги, уходили на тѣ мѣста, куда еще не ступала нога человѣческая и объ эксплоатаціи которыхъ нечего было раньше и думать. Уменьшились порубки по вполнѣ понятной причинѣ—некуда было сбывать, краденый лѣсъ, и лѣса новоселовъ стояли нетронутыми, такъ какъ на совѣщаніяхъ было принято рѣшеніе отнюдь не ка-

саться ихъ. Работалось съ удовольствіемъ, хотя временами при разъѣздахъ въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ, съ ночевками на неустроенныхъ станціяхъ и приходилось плоховато. Не обошлось, конечно, и безъ тѣхъ „неизвѣстныхъ деталей“, о которыхъ мелькомъ упомянулъ Ф. П. Никитинъ; но явились онѣ съ той стороны откуда ихъ не ожидали. Эти детали пришли со стороны среднихъ и низшихъ агентовъ матеріальной службы Сибирской желѣзной дороги. Для этихъ господъ, привыкшихъ имѣть дѣло съ подрядчиками, взятіе нами поставокъ лѣсныхъ матеріаловъ было горькой обидой и во всякомъ случаѣ наносило жестокій матеріальный ущербъ *). Надо признать, что настроеніе большей части высшей желѣзнодорожной администраціи и главнымъ образомъ начальника Сибирской желѣзной дороги Павловскаго было безспорно благопріятное для насъ, что, конечно отнюдь не мѣшало при всѣхъ сдачахъ цѣлому ряду скандаловъ, такъ что на каждомъ актѣ при пріемкѣ отъ насъ лѣсныхъ матеріаловъ былъ цѣлый рядъ „особыхъ мнѣніи“, „контръ-мнѣній“ и тому подобныхъ канцелярскихъ прелестей, мотавшихъ нервы до невѣроятности, тѣмъ болѣе, что всѣ мы хорошо знали, гдѣ здѣсь „зарыта собака“ и откуда идутъ всѣ эти своеобразныя толкованія условій, заключенныхъ лѣснымъ вѣдомствомъ съ дорогою на поставку тѣхъ или иныхъ лѣсныхъ матеріаловъ... Справедливымъ будетъ отмѣтить, что при поставкахъ такихъ лѣсныхъ матеріаловъ какъ шпалы, переводныя брусья плахи, доски и т. п. улиссовское толкованіе условій было явленіемъ крайне рѣдкимъ. Ну, да и то сказать, что въ этихъ случаяхъ мы сталкивались съ инженерами путей сообщенія, людьми во всякомъ

*) Ревизія графа Медема до нѣкоторой степени можетъ подтвердить высказанное мною, но только, оговариваюсь, только „до нѣкоторой степени“, ибо пріѣхавшіе съ графомъ молодые люди во всѣ детали, какъ люди не мѣстные, вникнуть не могли и взялись едва-ли оттуда, откуда нужно было браться. Карьера, конечно, ими сдѣлана, но вѣдь это же грустная карьера на подобіе батюшекъ изъ „работоспособной“ Думы, которое, если вѣрить злоязычникамъ, устроились недурно, за исключеніемъ, нужно думать, о. Титова.

случаѣ корректными и понимавшими, что требовать возможно только исполнимое. Но зато это было цѣлое несчастье, когда приходилось сталкиваться по сдачѣ дровъ съ агентами матеріальной службы, съ людьми безъ всякаго спеціальнаго образованія или— по сдачѣ столбовъ со службою телеграфа. Правда, что все это продолжалось не долѣе трехъ лѣтъ, да долѣе у чиновъ лѣсного вѣдомства едва-ли бы хватило и энергіи. Но затѣмъ, когда агенты дороги убѣдились, что дѣло поставлено на слишкомъ широкую ногу, что создана стройная и сплоченная организація, что, наконецъ, всѣ симпатіи населенія не на ихъ сторонѣ—они махнули рукой на тотъ жирный кусокъ, который, что называется, былъ вырванъ у нихъ изо рта и примирились со случившимся несчастьемъ.

Упомянувъ о симпатіяхъ населенія, я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе освѣтить именно эту, быть можетъ, самую свѣтлую, самую симпатичную сторону хозяйственныхъ заготовокъ, которая главнымъ образомъ и повышала энергію работавшихъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, для всякаго чиновника, въ силу того, что онъ чиновникъ, чрезвычайно рѣдки такія минуты, когда онъ можетъ съ нѣкоторой долей увѣренности сказать, что онъ сдѣлалъ то или иное путное дѣло полезное для населенія и главное что полезность его дѣйствительно сознается населеніемъ. Здѣсь это было именно такъ. Мужику говорили съ документами въ рукахъ и цифровыми данными примѣрно такъ:

— Вотъ тебѣ, милый человѣкъ, условіе, по которому мы взялись поставить, получимъ, стало быть, всего столько-то; за вырубку и обдѣлку можемъ дать столько-то; на вывозку цѣна будетъ такая... Теперь подсчитывай: это прибыль наша, а это — ваша. Кромѣ того, пимы, рукавицы, махорку, чай, сахаръ, топоры, пилы будешь получать по той цѣнѣ, сколько намъ стоило вмѣстѣ съ провозомъ, напримѣръ за пилу у подрядчика ты платилъ три съ полтиной, у насъ точно такую же получишь за рубль съ четвер-

такомъ. Вотъ вамъ и счета по всѣмъ припасамъ— сидите и разбирайтесь...

И долго, бывало. сидятъ въ большинствѣ плохо наученные грамотѣ, довѣренные артелей и товариществъ за столомъ. Корявые пальцы неуклюже держатъ карандашъ и ведутъ цифровыя выкладки и тихо, тихо кругомъ и развѣ изрѣдка вмѣстѣ со вздохомъ послышится; „и умаялся-же, паря!... Кажись на цѣльный день безъ ѣды дрова-бы лучше согласенъ рубить, чѣмъ этакъ-ту“...

И еще ниже наклоняются надъ столомъ кудлатыя запотѣвшія головы, и опять что то неслышное зашепчутъ губы, а корявые пальцы медленно, какъ хворыя мухи, забродятъ по строчкамъ условій и счетовъ.

Нужно сказать, что происходило все это почти исключительно въ первые два года, когда еще и организація работъ оставляла желать многаго, а крестьяне, не довѣряя чиновнику, а также и другъ другу, во многихъ мѣстахъ уклонялись отъ составленія артелей и товариществъ, такъ что приходилось или самимъ вести заготовку на мѣстахъ, что было хотя и выгоднѣе, но отвлекало такую массу чисто техническихъ силъ, что ухудшались работы въ другомъ мѣстѣ или даже прибѣгать къ помощи частныхъ лицъ, что, въ виду общаго характера работъ, было ужъ совсѣмъ нежелательно. Но скоро смѣтливые, практичные сибиряки, а за ними и новоселы учли эту „политику открытыхъ дверей“ и довѣріе установилось настолько, что на предложеніе лѣсничаго просмотрѣть счета на припасы или провѣрить условія, довѣренные артелей и товариществъ, а иногда и цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ только досадливо отмахивались:

— Ну, чего тамъ еще!... Не впервой—и такъ вѣримъ... Но тутъ-же иногда наивно и прибавляли: „а главная вещь. что, какъ видится, и вамъ то самимъ никакихъ расчетовъ нѣтъ, чтобы, стало быть, чѣмъ ни на есть обмишулить насъ“...

Правда, что установленію довѣрія къ намъ со

стороны населенія не мало способствовали и сами агенты матеріальной службы, черезчуръ придирчиво, а иногда и вызывающее ведшіе себя при пріемкахъ, что, конечно, мужики, всегда присутствовавшіе при сдачахъ, прекрасно понимали *). Помнится, какъ-то однажды, на станціи Ключинской, гдѣ была крупная сдача дровъ, что-то свыше пяти тысячъ кубическихъ саженъ, мы просидѣли четверо сутокъ. По обыкновенію ходили, измѣряли, разбирали полѣнницы, перекладывали ихъ и, какъ водится, первый день пикировались, а второй и особенно третій, когда нервы у обѣихъ сторонъ оказались достаточно поиздерганными, ругались, пожалуй что и настоящимъ образомъ. На четвертый день пріемо-сдаточная комиссія съ ранняго утра собралась уже, такъ сказать, доругиваться въ отдѣльной компатѣ при станціи— на этотъ разъ, конечно на бумагѣ въ видѣ акта и цѣлаго ряда особыхъ мнѣній къ нему.

Въ небольшой комнатѣ при наличности семи или восьми членовъ пріемо-сдаточной комиссіи стало душно, было сильно накурено, и я вышелъ съ цѣлью немного освѣжиться на морозномъ воздухѣ. Проходить пришлось чрезъ грязное и заплеванное зальце третьяго класса, куда дверь была полуоткрыта и гдѣ никого не было, кромѣ двухъ довѣренныхъ—новосела, только что составившейся, конечно, исключительно изъ новоселовъ артели и старожила, артель котораго работала уже давненько.

— И чего дѣлаютъ, чего дѣлаютъ,—говорилъ новоселъ, высыпая съ ладони махорку въ свернутую изъ газетной бумаги «сабачью ножку»—никакимъ манеромъ я этого самаго дѣла въ толкъ не возьму?!. Вечоръ-отъ какъ цѣпные кобели лаялись... Такъ и думалъ, что не иначе какъ до драки дѣло дойдетъ. Смѣ-ѣхота, право слово.

Старожилъ помолчалъ, внимательно оглядѣлъ

*) Исключенія конечно были. Были случаи, когда тѣ-же агенты расходились во мнѣніяхъ и со сл. тяги и со сл. движенія и становились на нашу сторону. но случаи эти можно перечесть по пальцамъ; въ первое же время заготовокъ ихъ совѣмъ не было.

свои бѣлые съ красными крапинками пимы и сказалъ:

— Видать, однако, братанъ, тебѣ у подрядчиковъ работать не доводилось.

— Не-е, а что?

— Тамъ, другъ, поиначе было... Сойдутся это опосля пріемки, гдѣ для, стало быть, видимости, оглядятъ мало-мало, и столы покоемъ поставятъ вродѣ какъ жениха съ невѣстой изъ церкви встрѣчаютъ... Ну, а тутъ и пойдетъ:—и бухветчикъ съ ногъ собьется и все прочее, какое есть, начальство... А теперича все по другому: вчера видѣлъ, нашъ подошелъ къ бухвету съ ихнимъ-то, выпили по рюмахѣ и каждый свой гривенникъ кладетъ... Понялъ? А ежели, братанъ, они совмѣстяхъ гривенники зачнутъ класть, такъ тутъ нашему брату одинъ раззоръ выйдетъ... Однако поколь ругаются, потоль мы и живы. Тѣмъ то тоже не хочется поддаваться, потому какъ жирный кусокъ изъ глотки вырвался; ну а наши тоже маху не даютъ: ершистые, язви ихъ!.. Тоже сразу-то не сглонешь... Видать, что за правду стоятъ.

И, замѣтивъ меня, старожилъ, усмѣхнувшись, приподнялся и сказалъ:

— А что, баринъ, неправильно я говорю по вашему или какъ?

Я ничего не отвѣтилъ и вышелъ на платформу. Но долженъ сознаться, что это «наши» пріятно кольнуло мой слухъ и заставило подумать о томъ, что есть-же случаи въ жизни, когда и чиновникъ можетъ быть полезенъ...

Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока во главѣ лѣсного вѣдомства былъ такой дальновидный человѣкъ, какъ покойный Ф. П. Никитинъ. Совсѣмъ иныя настали времена, когда ради карьеры, лѣсному ревизору Скаковскому понадобилось обычнымъ скернымъ путемъ, путемъ доноса, возбудить противъ Никитина дѣло и довести его до Сената. Конечно, оно бы могло и не дойти до столь высокаго учрежденія, но, очевидно, гдѣ-то, кому-то и для чего-то оказалось необходимымъ устранить выдающагося

товарища министра. Правда, судъ окончился пуфомъ и кромѣ брезгливаго отношенія къ доносчику среди чиновъ корпуса лѣсничихъ ничего не осталось; но скверное дѣло было сдѣлано—Никитинъ ушелъ и ушелъ не къ огорченію только чиновъ лѣсного вѣдомства, но и студентовъ лѣсного института, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ пришлось убѣдиться изъ тѣхъ разговоровъ, которые мнѣ по этому поводу приходилось вести съ моими болѣе молодыми товарищами. И скажу, что молодежь въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, хотя бы нерѣдко и институтскихъ, ошибается страшно рѣдко... Роясь именно въ этихъ своихъ далекихъ впечатлѣніяхъ по Петровской академіи, я очень твердо помню, что бывшіе у насъ профессора И. И. Иванюковъ и въ особенности К. А. Тимирязевъ всегда пользовались особенной симпатіей студентовъ, а Э. К. Линдеманъ, несмотря на свой красивый ораторскій талантъ, заслужить этой симпатіи не могъ. И что-же? Изъ г. Линдемана получился чрезъ двадцать пять лѣтъ кандидатъ отъ октябристовъ, а первые двое какъ были, такъ и остались порядочными людьми. Молодежь, какъ видно, и тогда не ошибалась въ оцѣнкѣ, хотя данныхъ, кромѣ тощихъ „Академическихъ Извѣстій“ казалось бы и не имѣла.

Съ уходомъ Ф. П. Никитина и съ появленіемъ новаго директора лѣсного департамента г. Кублицкаго-Піоттуха появились новыя птицы и, конечно, съ новыми пѣснями. Въ качествѣ управляющихъ государственными имуществами то въ той, то въ другой губерніи начали появляться и камергеры, и камеръ-юнкеры, а иногда и захудалые предводители дворянства. Они появились какъ нельзя болѣе во время, такъ какъ требовалось не знаніе спеціальности (на это были помощники управляющаго), а желательны были люди съ твердой волей и военной осанкой, которые во всякій данный моментъ могли-бы крикнуть историческое: «Не запугаете». Въ большинствѣ случаевъ все это были бывшіе военные—народъ, какъ извѣстно, въ мирное время отли-

чающійся особой рѣшительностью въ своихъ дѣйствіяхъ... Результаты этой политики не замедлили быстро сказаться. Тамъ, гдѣ всѣ эти господа существовали лишь, такъ сказать, для представительства и гдѣ были опытные помощники управляющаго, тамъ еще дѣло шло, хотя, конечно, какъ говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону, но тамъ, гдѣ бразды лѣсного хозяйства переходили въ руки новоиспеченныхъ управляющихъ, тамъ, конечно, очень быстро являлись результаты отрицательные. Не хватало камергеровъ—ихъ замѣняли департаментскими чиновниками, которые естественно занимали мѣста съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ не ударить лицомъ въ грязь предъ назначившимъ ихъ начальствомъ, а для этого, само собою разумѣется, необходимымъ становилось прибѣгнуть къ издревле излюбленному способу—подтянуть въ первую голову подчиненныхъ, не справляясь съ тѣмъ, не будетъ-ли это подтягиваніе имѣть сходство съ тѣмъ ломаніемъ заборовъ, которое практиковалъ еще предусмотрительный гоголевскій городничій.

Чаша сія, между прочимъ, не минула и Енисейской губерніи. Вскорѣ-же послѣ назначенія сюда въ качествѣ управляющаго государственными имуществами І. К. Окулича подъ карающій мечъ твердовластія попалъ въ первую голову Енисейскій лѣсничій Разсудовъ, нынѣ извѣстный какъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся лѣсничихъ въ Приамурскомъ казачьемъ войскѣ. Вся вина этого человѣка состояла въ томъ, что онъ, находясь на пароходѣ совмѣстно съ начальствомъ, т. е. съ Окуличемъ, поторопился побѣжать за газетой и, потерявъ предъ этимъ очки по близорукости за что то зацѣпился и упалъ на полъ. Все это пришлось мнѣ возстановить при одной изъ поѣздокъ въ Енисейскъ уже спустя долгое время, но тогда бѣдняга Разсудовъ былъ уволенъ по телеграммѣ лѣсного департамента, какъ позволившій себѣ напиться въ присутствіи вновь назначеннаго управляющаго. Вполнѣ естественно, что на лѣчныхъ чиновъ Енисейской губерніи сдѣланная га-

дость произвела ошеломляющее впечатлѣніе и каждый понялъ, что на службу «за совѣсть» нужно махнуть рукой и служить только за одинъ „страхъ“. Для І. К. Окулича это было, нужно полагать, безразлично, ибо что-же значитъ разбитая жизнь лѣсничаго въ сравненіи съ той карьерой, которую нужно было дѣлать ему, Окуличу не такъ давно бывшему департаментскимъ начальникомъ отдѣленія.

Еще болѣе убѣдились чины Енисейской губерніи, что эра служенія „за совѣсть“ прошла и начинается эра «за страхъ“ при проѣздѣ князя Васильчикова— однаго изъ многихъ бывшихъ главноуправляющихъ землеустройствомъ и земледѣліемъ Россійской Имперіи, гдѣ, несмотря на болѣе чѣмъ частыя перемѣны этихъ главноуправляющихъ, голодъ и недородъ пріобрѣли себѣ несомнѣнное право гражданства. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ княземъ Васильчиковымъ пріѣхалъ и директоръ лѣсного департамента Кублицкій-Піотухъ. Все большое начальства поѣхало осматривать казенную Пойменскую лѣсную дачу. Такъ какъ это поѣздка была связана отчасти съ переселенческимъ вопросомъ, то въ числѣ свиты князя Васильчикова оказался и особо энергичный, какъ впрочемъ и девять десятыхъ крестьянскихъ начальниковъ, крестьянскій начальникъ г. Абакумовъ, пожелавшій показать, что онъ даже и въ казенной, дачѣ, въ качествѣ лица всевѣдущаго и всезнающаго, всѣ дороги знаетъ лучше чѣмъ лѣсничій и управляющій. Очевидно объясненія этого господина на Кублицкаго-Піоттуха оказали столь основательное воздѣйствіе, что онъ по адресу лѣсничаго, который попробовалъ-было объяснить всю видимую неосновательность соображеній г. Абакумова, не задумался пустить громогласное и безспорно хамское, хотя бы уже и потому, что оно не рекомендуется имѣющимися узаконеніями, чего не могъ не знать директоръ лѣсного департамента,—„Молчать“! Лѣсничій Сургенекъ, дослужившій тридцать пятый годъ, смолчалъ и даже не плюнулъ въ вылощенную физономію своего главнаго начальства, какъ оно по доброму-то,

можетъ быть, и слѣдовало, но это халуйское «молчать» звонкимъ эхомъ разнеслось по всей губерніи, а можетъ и за предѣлами ея, и на этотъ разъ лѣсничіе уже совершенно основательно могли убѣдиться въ томъ, что эпоха приличныхъ отношеній къ нимъ кончилась и начинается періодъ пошлости и хамства Долженъ сказать, что когда мнѣ было сообщено о происшедшемъ казусѣ, казусъ этотъ не остался безъ воздѣйствія и на меня и когда г. Кублицкому-Піоттуху понадобились кое какія свѣдѣнія по поводу хозяйственныхъ заготовокъ и ему пришлось обратиться ко мнѣ, то я, человѣкъ участвовавшій въ этихъ заготовкахъ впродолженіи восьми лѣтъ и, конечно, достаточно освоившійся съ практической постановкой дѣла, все время давалъ лишь уклончивые отвѣты и не только потому, что изъ вопросовъ, поставляемыхъ мнѣ, я могъ видѣть отрицательное отношеніе къ тому дѣлу, которое съ моей точки зрѣнія было единственнымъ и хорошимъ дѣломъ за все время моей службы въ Сибири, но еще и потому что прямо просто противно было говорить съ человѣкомъ, позволившимъ себѣ повторить въ усиленной формѣ возгласъ неувядаемаго полковника Скалозуба. И вотъ почему для меня не былъ новостью тотъ поистинѣ дѣтскій лепетъ. который раздался въ Государственной Думѣ въ защиту хозяйственныхъ заготовокъ, гдѣ приводились параллели между сибирскими и заграничными лѣсами и гдѣ упускалось изъ виду, что тамъ культура, да и не лѣсная только а здѣсь разгромъ всѣхъ государственныхъ богатствъ громаднаго и невѣроятной цѣнности края. Вотъ почему отказъ отъ хозяйственныхъ заготовокъ я и считаю самымъ большимъ теперь, увы, уже непоправимымъ прегрѣшеніемъ лѣсного департамента.

Чтобы не получить упрека въ тенденціозномъ освѣщеніи трактуемаго вопроса, обращаюсь къ имѣющимся у меня цифровымъ даннымъ. Вотъ онѣ:

Въ 1900 году лѣсныхъ матеріаловъ для нуждъ Сибирской желѣзной дороги Енисейскимъ управле-

ніемъ государственными имуществами было поставлено на сумму . . . . . 183000 р.

Въ	1901 году	320112 р.
„	1902 „	526964 р.
„	1903 „	473074 р.
„	1904 „	387277 р.
„	1905 „	441531 р.
„	1906 „	170000 р.

Приведенныя цифровыя данныя касаются всего лишь шести лѣсничествъ, расположенныхъ или по линіи Сибирской желѣзной дороги или по тѣмъ сплавнымъ рѣкамъ, откуда на жолѣзнодорожную магистраль доставлялись сплавомъ лѣсные матеріалы. Если принять во вниманіе, что остальныя четырнадцать лѣсничествъ тоже кое-что давали, что наряду съ заготовками существовала еще и продажа, хотя и незначительная, также и въ частныя руки. то, конечно, приведенныя цифры придется болѣе или менѣе значительно увеличить.

И какими же жалкими, какими мизерными на ряѣу съ этими цифрами кажутся общіе валовые лѣсные доходы послѣ ликвидаціи хозяйственныхъ заготовокъ! Доходы эти таковы:

За	1907 годъ	138059 р.
„	1908 „	130591 р.
„	1909 „	148570 р.
„	1910 „	144577 р.

Если сравнить эти цифры съ предыдущими, то яснымъ становится, что казна съ точки зрѣнія фиска не одинъ милліонъ, съ самымъ благодушнымъ видомъ, переложила изъ своего кармана въ карманъ Акима Жоголева и К°. Я лично этому не удивляюсь если г. Кривошеинъ нашелъ возможнымъ отвести въ Минусинскомъ уѣздѣ г. Алексѣеву подъ мериносовъ и улучшенную породу скота пятьдесятъ тысячъ десятинъ по болѣе чѣмъ странной арендной платѣ въ то время, когда населеніе «за недостаткомъ земель» надѣлялось по три съ половиною десятины на душу,

то почему-же не облагодѣтельствовать и ту хищную шайку, которая свела почти на нѣтъ всѣ лѣса тѣхъ переселенческихъ участковъ, которые расположены по линіи желѣзной дороги и по сплавнымъ рѣкамъ? Правда, въ данный моментъ лѣсной департаментъ хватился за умъ и, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, съ 1912 года, или въ крайности начала 1913 г., вновь начнутся хозяйственныя заготовки лѣсныхъ матеріаловъ для Сибирской желѣзной дороги. Но какія-же это будутъ грустныя заготовки?!. Такъ или иначе, но необходимо считаться съ тѣмъ, что вся былая организація разрушена. Въ шести лѣсничествахъ, откуда и впредь будетъ доставляться матеріалы, остался всего лишь одинъ лѣсничій, участвовавшій въ бывшихъ заготовкахъ и два помощника лѣсничихъ, не говоря уже о лѣсной стражѣ. Да приходится сознаться и въ томъ, что работа «за страхъ» при г. Окуличѣ это совсѣмъ не то, что работа «за совѣсть» при покойномъ Духовичѣ. Въ глазахъ департамента г. Окуличъ, конечно, остался человѣкомъ, который сразу установилъ твердовластіе и орлинымъ взглядомъ моментально улавливалъ гдѣ и кому быть изъ этихъ мелкихъ, въ чиновномъ мірѣ, сошекъ—лѣсничихъ, не соображая того, что за сибирскаго лѣсничаго, который пробылъ на одномъ и томъ же мѣстѣ десятокъ лѣтъ. необходимо держаться какъ за драгоцѣнность, такъ какъ изучить лѣсничество нерѣдко въ милліонъ десятинъ, т. е. въ два добрыхъ россійскихъ уѣзда,—задача не изъ легкихъ... Тѣмъ не менѣе допускаю самое большее, допускаю, что лѣсничіе изъ-подъ кнута гг. Кривошеина, Кублицкаго-Піоттуха и Окулича будутъ работать болѣе или менѣе добросовѣстно, насколько это, разумѣется, позволяетъ бюрократическій размахъ кнута, но что-же дальше-то? Вѣдь какъ ни какъ, но съ 1906 года по 1912 прошло цѣлыхъ шесть лѣтъ и лѣса съ переселенческихъ участковъ канули въ вѣчность и возобновить ихъ, конечно, не придется...

Теперь возникаетъ не безъ интересный вопросъ—знали ли обо всемъ этомъ директоръ лѣсного депар-

тамента г. Кублицкій-Піоттухъ и главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ г. Кривошеинъ?

По отношенію къ г. Кублицкому-Піоттуху двухъ мнѣній быть не можетъ и я позволяю себѣ утверждать самимъ рѣшительнымъ образомъ, что о творящемся безобразіи г. Кублицкій-Піоттухъ зналъ не только какъ директоръ департамента, обязанный это знать въ силу занимаемаго имъ служебнаго положенія, но и какъ лицо, сопровождавшее князя Васильчикова въ его служебной поѣздкѣ по Сибири, въ то время когда уже съ достаточной ясностью выяснился тотъ разгромъ лѣсовъ, который происходилъ въ переселенческихъ участкахъ.

Но Богъ съ нимъ, съ г. Кублицкимъ-Піоттухомъ! Какъ лицо служащее, онъ не могъ не творить волю пославшаго, такъ что главная тяжесть обвиненія должна лежать не на немъ, и самымъ интереснымъ представляется выясненіе прикосновенности къ этому дѣлу г. Кривошеина, въ качествѣ главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ являющагося направителемъ и вершителемъ этого дѣла.

Увы и въ этомъ случаѣ опять-таки я долженъ сказать, что обо всемъ совершающемся по части хищническаго лѣсоистребленія въ переселенческихъ участкахъ г. Кривошеинъ былъ поставленъ въ извѣстность еще въ срединѣ іюля 1908 года. Не желая быть голословнымъ, въ столь изъ ряда вонъ выходящемъ случаѣ, разскажу слѣдующее:

Въ концѣ іюня 1908 года, войдя въ кабинетъ своего патрона, я засталъ его за совершенно неподходящимъ для него занятіемъ, а именно за чтеніемъ газеты «Новая Русь», въ количествѣ нѣсколькихъ номеровъ лежавшей среди обычныхъ казенныхъ бумагъ. Это было ново и я не могъ не пошутить надъ тѣмъ, что онъ видимо разлиберальничался, если отъ самыхъ что ни на есть консервативныхъ газетъ перешелъ къ чтенію наиболѣе оппозиціонной.

— Зачитаешь,—усмѣхнулось начальство;—третьяго дня еще бумагу получилъ, съ запросомъ, что правда-ли, дескать, идетъ такое лѣсоистребленіе

какъ въ газетахъ пишутъ и вмѣстѣ просятъ сообщить и дальнѣйшіе факты, если они имѣются.

— Что-же это изъ лѣсного департамента?—осторожно освѣдомился я.

— Какое тамъ изъ департамента! Полагаю, что все это тамъ извѣстно и переизвѣстно... Отъ самого главноуправляющаго—вотъ отъ кого...

— И что-же полагаете отвѣтить?

— Отвѣчу такъ, какъ оно есть... Не могу же я въ самомъ дѣлѣ врать! Пусть по крайней мѣрѣ знаютъ,—а тамъ не наше дѣло... Одно меня, признаюсь, интригуетъ: кто изъ переселенческихъ чиновъ могъ написать всю эту исторію?—раздумчиво закончилъ І. К. Окуличъ.

— Почему-же вы думаете, что это кто нибудь изъ переселенческихъ?

— Потому, что во первыхъ въ этихъ «письмахъ» ругательски ругаютъ Григорьева, а ужъ лучше своего кто-же обругаетъ!.. А во вторыхъ, факты понабраны почти по всей губерніи, а они по всей губерніи какъ разъ и разъѣзжаютъ. Думаю, во всякомъ случаѣ, что хотя написано и однимъ лицомъ, но несомнѣнно ему помогали и другіе, т. е. свои же...

Конечно я не противорѣчилъ и мысленно возблагодарилъ Господа Бога за начальственную забывчивость, ибо и я то тоже, какъ-ни-какъ, а къ этому времени ѣздилъ по всей губерніи уже съ добрый десятокъ лѣтъ...

Со времени этого разговора прошло болѣе трехъ лѣтъ и изъ донесенія Окулича отъ 5 іюля 1908 года за № 5274 г. Кривошеинъ, нужно думать, узналъ дѣйствительное положеніе вещей. Правда, самой бумаги я не видѣлъ, но помимо отрицательныхъ качествъ въ г. Окуличѣ я не могу не признать за нимъ и нѣкоторыхъ положительныхъ и убѣжденъ въ томъ, что замалчивать истинное положеніе дѣлъ онъ не сталъ-бы, да, признаться сказать, этого и не требовалось, такъ какъ не сомнѣваюсь въ томъ, что г. Кривошеинъ хотѣлъ знать истину.

Покончивъ съ большимъ грѣхомъ лѣсного де-

партамента, перехожу къ малому, оговариваясь, что и этотъ малый для всей Сибири стоитъ, нужно думать, не одинъ милліонъ рублей.

Дѣло въ томъ, что въ самомъ же началѣ существованія третьей „работоспособной“ Думы, одной изъ ея многочисленныхъ комиссій было выражено, по отношенію къ лѣсному департаменту, вполнѣ естественное пожеланіе узнать—какими же лѣсными богатствами мы обладаемъ, хотя бы въ той же «немшоной Сибири?» Въ самомъ дѣлѣ, по отношенію къ далекой окраинѣ дѣйствительно получалось что то странное: хотя-бы въ той же Енисейской губерніи числится двѣсти восемьдесятъ милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ большая часть подъ лѣсомъ; изъ этого количества казна отобрала себѣ шесть-семь милліоновъ, но и на нихъ не только нѣтъ лѣсоустроительныхъ плановъ, но иногда и совсѣмъ никакихъ плановъ не имѣется, а если и имѣются, то опять-таки такіе, что, пожалуй, лучше и совсѣмъ бы ихъ не имѣть.

Во всякомъ случаѣ, высказанное пожеланіе нельзя было не признать безспорно справедливымъ. Въ самомъ дѣлѣ, отпраздновали довольно-таки давненько столѣтній юбилей такого серьезнаго учрежденія, какъ государственныя имущества Россійской Имперіи и все-таки не знаемъ, что въ завѣдываніи онаго учрежденія находится... Такъ какъ время этого пожеланія совпало съ тѣмъ, когда лицо «работоспособной» Думы окончательно еще не опредѣлилось и октябристское большинство было покрыто туманной дымкой свободъ 17 октября, то центральнымъ представителямъ лѣсного вѣдомства пришлось принять пожеланіе не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству. Нужно сознаться, что въ первое время лѣсной департаментъ очутился въ глупѣйшемъ положеніи:—не было людей, которые-бы съ удовольствіемъ поѣхали въ таежныя неизвѣстныя дебри „немшоной“, такъ какъ все, наиболѣе энергичное, всѣми силами, какъ и до Ф. П. Никитина, старалось уйти и уходило изъ-подъ бюрократической палки

гг. Кублицкихъ-Піоттуховъ и его ставленниковъ. Однако, это затрудненіе было обойдено тѣми солидными окладами, которыми не постѣснился лѣсной департаментъ. Пріѣхали молодые люди, въ большинствѣ только что бывшіе недавно студентами и сначала, конечно, немножко растерялись предъ необъятными сибирскими палестинами, но скоро оправились, приглядѣлись и работа началась. съемка лѣсовъ, проводились просѣки, магистрали и визиры, брались пробныя площади, таксировались запасы насажденій и въ результатѣ получилось то стройное цѣлое, которое несомнѣнно доставляетъ громадное нравственное удовлетвореніе спеціалисту, любящему свое дѣло.

Но пусть же мнѣ, человѣку, бывшему въ свое время и таксаторомъ, и лѣсничимъ, и управляющимъ удѣльными имѣніями и, наконецъ, лѣсному ревизору, исправлявшему иногда обязанности и ревизора лѣсоустройства—пусть мнѣ мои молодые, а также и немолодые коллеги рискнутъ (подчеркиваю это „рискнуть“) сказать, что они въ Сибири сдѣлали путное дѣло по части устройства лѣсовъ. Позволяю себѣ думать, болѣе того—увѣренъ въ томъ, что не рискнутъ... Гдѣ-то въ далекой отъ сибирской жизни думской комиссіи можно, конечно, выражаясь вульгарнымъ языкомъ, „втереть очки“ этой комиссіи, показавъ ей изящно иллюминованные планы и каллиграфически переписанные отчеты, но вѣдь намъ-то живущимъ на мѣстѣ, гдѣ производятся эти бюрократическіе опыты изъ Петербургскихъ канцелярій—этихъ очаговъ втереть нельзя... Всѣ мы здѣсь прекрасно понимаемъ, что въ то время, когда лѣсной спеціальный комитетъ разсматривалъ планы хозяйствъ нашихъ, только что устроенныхъ сибирскихъ лѣсовъ, лѣса эти или частью сгорѣли или изъ нихъ значительная часть уже изъята подъ переселенческіе участки, т. е. все такъ называемое лѣсоустройство сведено къ нулю и когда утвержденный отчетъ съ лѣсоустроительнымъ планомъ, многочисленными планшетами и т. д. получается въ мѣстномъ упра-

вленіи государственными имуществами, то съ нимъ можно дѣлать все что, угодно, но только, Боже сохрани, руководиться имъ въ лѣсномъ хозяйствѣ. И все это имѣетъ мѣсто, понятно, не въ одной только Енисейской губерніи, а по всей Сибири, что во всякомъ случаѣ составляетъ цифру не малую; по Енисейской губерніи она такова:

Въ 1909 г.	63000 р.
„ 1910 „	78000 р.
„ 1911 „	89000 р.

Какъ видно сумма, употребляемая лѣснымъ департаментомъ «для втиранія очковъ» и для Енисейской губерніи не малая, а для всей-то Сибири, охъ какая, нужно полагать, солидная. Конечно, разъ я пишу такія вещи, то я долженъ принять на себя извѣстную нравственную, да и какую угодно, отвѣтственность. Я это дѣлаю и говорю:

— Если кто либо изъ моихъ бывшихъ коллегъ изъ десятковъ устроенныхъ дачъ, укажетъ мнѣ хотя-бы одну, только лишь одну—не многаго, кажется, прошу—къ которой сдѣланные мною выводы о безцѣльности при настоящихъ условіяхъ лѣсоустройства въ Сибири неприложимы, то я отъ всего сказаннаго мною отказываюсь и готовъ обѣими руками подписаться подъ тѣмъ, что я въ въ своихъ отрицательныхъ отношеніяхъ ко всей этой сумбурной исторіи не правъ.

А, вѣдь, не скажутъ? И это мнѣ какъ спеціалисту, право-же не доставляетъ удовольствія.

Далѣе я считаю пока совершенно излишнимъ касаться другихъ отрицательныхъ сторонъ дѣятельности главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, равно какъ и его департаментовъ, такъ какъ думаю, что послѣ высказаннаго, лица, заинтересовавшіяся настоящею брошюрою, вправѣ задать себѣ или вѣрнѣе мнѣ вопросъ о томъ—не напоминаетъ-ли это лѣсное вѣдомство полностью тотъ Назаретъ, изъ котораго не могло выйти ничего добраго?

По отношенію къ губерніямъ Европейской Россіи не считаю для себя возможнымъ что либо отвѣтить

по малочисленности и краткосрочности моихъ наблюденій въ этой области, но по отношенію къ сибирскимъ губерніямъ, долженъ сказать что да, что Назаретомъ, какъ это не печально, но болѣе, чѣмъ сильно припахиваетъ. И если что сдѣлано дѣйствительно полезнаго для развитія естественныхъ богатствъ края, то это сдѣлано лишь въ области урегулированія рыболовства по рѣкѣ Енисею и едва-ли не въ одной Енисейской губерніи, да и то мѣры, принятыя къ урегулированію рыболовства и изученію рыбоводства были проведены въ жизнь, какъ кажется, больше при помощи Иркутскаго генералъ-губернатора, нежели при содѣйствіи главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Иниціаторомъ этого дѣла явился г. Окуличъ, которуму ни въ чрезвычайной трудоспособности, ни въ энергіи отказать нельзя. Дѣло рыболовства по р. Енисею, ближе къ его устью, уже не одинъ десятокъ лѣтъ обстояло такъ: являлся со своими рабочими рыбопромышленникъ и первымъ дѣломъ гналъ съ насиженнаго мѣста, очищеннаго отъ камней и карчей, владѣльца этого мѣста инородца, а самъ приступалъ къ рыбной ловлѣ. На этомъ дѣло сплошь и рядомъ не кончалось; иногда за Ивановымъ съ его пятью рабочими приходилъ Петровъ съ десятью рабочими и въ свою очередь, ничтоже сумняшеся, изгонялъ Иванова. Нерѣдко и это дѣло не было еще концомъ, ибо совершенно не было никакой гарантіи для того-же Петрова, что вслѣдъ за нимъ не явится уже съ двумя десятками рабочихъ какой-нибудь Сидоровъ и въ свою очередь не затрещитъ шея его, Петрова... Словомъ, была полная неразбериха, въ которой главнымъ страдательнымъ лицомъ являлись, конечно, въ первую голову инородцы. Затѣмъ, болѣе или менѣе ближе къ окончанію навигаціи, являлись и главные вершители рыболовнаго дѣла, частные пароходовладѣльцы со своими пароходами и тутъ-то начиналась та эксплоатація инородцевъ и рыболовныхъ артелей, которая мало, чѣмъ отличалась отъ эксплоатаціи инородцевъ ихъ грозою—купцомъ Сотниковымъ. Конечно, здѣсь не было десят-

ковъ увѣчій и убійствъ, какъ это практиковалось инородческимъ властелиномъ, именемъ котораго инородцы и сейчасъ еще пугаютъ своихъ ребятъ, но по существу экономическое закабаленіе и въ данномъ случаѣ было не меньше. Цѣны на рыбу и на фрахтъ устанавливались совершенно произвольныя и протестовать противъ ихъ было дѣломъ невозможнымъ: „не хочешь сдавать уловъ по такой то цѣнѣ, не хочешь платить за провозъ столько-то, ну, и сиди со всѣмъ этимъ на берегу“...

Въ настоящее время, когда земли инородцевъ отдѣлены отъ свободно-казенныхъ и послѣднія разбиты на участки, да кромѣ того, въ дѣло вошло казенное пароходство, всѣ вышеприведенные случаи уже не имѣютъ мѣста. Не скрою, что съ точки зрѣнія фиска казна терпитъ серьезный убытокъ, потому что рыболовные участки даютъ арендной платы что-то около четырехъ тысячъ рублей, а содержаніе казенной флотиліи, считая, разумѣется, въ той же суммѣ и крупную казенную субсидію, обходится казнѣ не менѣе ста тысячъ рублей въ годъ, но это не такъ еще важно; гораздо важнѣе то, что сейчасъ не только постепенно регулируется само рыболовство, но особыми спеціалистами изслѣдуется въ рыбоводственномъ отношеніи вся рѣка Енисей, что, при ея громадныхъ рыбныхъ массивахъ, въ будущемъ можетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе, да и сейчасъ уже въ числѣ рыбопромышленниковъ изрѣдка встрѣчаются небольшія артели съ Волги, несомнѣнно обладающія большими знаніями, чѣмъ мѣстныя.

Не остался въ накладѣ и г. Окуличъ. Какими-то совершенно неисповѣдимыми судьбами онъ получилъ должность завѣдывающаго казенной флотиліей по р. Енисею, что вмѣстѣ съ мѣстомъ управляющаго государственными имуществами дало ему болѣе, чѣмъ губернаторское содержаніе *). Положимъ,

*) Считаю своимъ долгомъ оговориться, что когда г. Окуличъ занимался урегулированіемъ рыболовства по р. Енисею, то онъ, какъ агрономъ по образованію, и въ мысляхъ держать не могъ, что ему придется занимать должность по вѣдомству путей сообщенія, да еще столь отвѣтственную при весенних ъ капризахъ быстраго Енисея.

по существу дѣла, это явное совмѣстительство, карающееся подлежащими узаконеніями, но, какъ извѣстно «по времени и закону перемѣна бываетъ». Да и вообще страннаго въ этомъ нѣтъ, ибо если въ нашемъ высшемъ, какъ говорится, законодательномъ учрежденіи, сирѣчь въ третьей государственной думѣ, оказалось возможнымъ совмѣстительство и, грустно сознаться, не для однихъ только правыхъ организацій, то крупной-то бюрократіи и Господь велѣлъ этимъ дѣломъ заняться... Но, каюсь, вопросъ о томъ, почему министру путей сообщенія г. Рухлову агронома Окулича, извѣстнаго спеціалиста по молочному хозяйству, понадобилось превратить въ инженера, меня заинтересовалъ чрезвычайно; но и до сего времени онъ мною не разрѣшенъ и остается лишь область болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній:

— Или выяснившаяся любовь г. Окулича къ твердовластію такъ восхитила г. Рухлова какъ бывшаго, если вѣрить газетнымъ слухамъ, предсѣдателя лиги націоналистовъ, что онъ рѣшилъ пріукрасить имъ ввѣренное ему вѣдомство или, просто-на-просто, министру надоѣло возиться со своими излишне любвеобильными инженерами, которые увлекшись очевидно примѣромъ генерала Сахарова, вѣнчавшагося въ то время, когда шелъ бой при Ляоянѣ, также оставляютъ свои посты и уѣзжаютъ вѣнчаться за нѣсколько сотенъ верстъ въ то время, какъ капризникъ Енисей вотъ-вотъ начнетъ ломать ледъ, какъ это было съ инженеромъ Великановымъ, въ результатѣ чего погибъ казенный пароходъ Красноярскъ и два или три лихтера... Какъ знать?!.

Извиняясь за тѣ нѣсколько штриховъ, которыми я дополнилъ урегулированіе рыболовства и рыбоводства въ Енисейской губерніи, долженъ сказать, что вопросъ этотъ, хотя и имѣющій на первый взглядъ лишь отдаленное соприкосновеніе съ переселенческимъ вопросомъ, освѣщенъ мною—не спорю, только въ своихъ главнѣйшихъ чертахъ—такъ сказать, конспектно, но сдѣлано это мною, сказать откровенно,

потому, что мнѣ всегда, во вся дни живота моего, до-нельзя противны были всякаго рода либеральные припѣвы, а вѣрнѣе перепѣвы (это еще скучнѣе и нуднѣе старыхъ погудокъ на ново-либеральный ладъ). А этимъ именно скучнымъ и нуднымъ дѣломъ и занялась почти вся сибирская пресса, какъ только до нея дошли извѣстія о томъ, что дѣла рыбопромышленности вступили въ новую фазу.

— Ахъ бѣдные, ахъ несчастные, обираемые кругомъ инородцы! Собственности лишили, права отняли... Ахъ, ахъ! Вотъ, если-бы все это въ руки земства... Охъ, ахъ! Это былъ лейтъ-мотивъ почти всей сибирской прессы и вотъ почему мнѣ позволительно спросить:

— Ну, а вы то, господа хорошіе, такъ уныло либерально охающіе и ахающіе,—вы то сдѣлали-ли, что нибудь для того, чтобы инородцевъ не опаивали спиртомъ, не награждали сифилисомъ, не гоняли съ мѣста на мѣсто какъ несчастную, облѣзлую отъ голода собаку, ваши Петровы, Ивановы и Сидоровы? Сдѣлали-ли вы что нибудь чтобы оградить оплакиваемыхъ вами инородцевъ отъ эксплоатаціи тѣхъ господъ пароходовладѣльцевъ, которыд нерѣдко состояли и вашими городскими головами, стало быть, числились вашими лучшими, излюбленными людьми, ди еще едва-ли не попали въ либеральствующіе депутаты третьей „работоспособной“ государственной думы?!.

Ничего вѣдь не сдѣлали, да и не дѣлали!.. А если не дѣлали, такъ лучше помалкивайте и не вините администрацію, которая, можетъ быть, случайно допустимъ даже, что изъ корыстныхъ побужденій, сдѣлала то, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ обязаны были сдѣлать вы...

Перечитавъ отъ начала до конца все написанное сознаюсь, что сначала я пришелъ въ немалое смущеніе, такъ какъ получилось впечатлѣніе, будто я сидѣлъ и все время разсказывалъ кому-то сплошной рядъ анекдотовъ... Но поразмысливъ, смущаться пересталъ, ибо если все разсказанное мною и выгля-

дитъ анекдотично, то все же это анекдоты дѣйствительности, къ которымъ насъ пріучила россійская, съ позволенія сказать, конституціонная жизнь и не есть-ли и вся то настоящая русская дѣйствительность сплошной и притомъ достаточно скверный анекдотъ. Вотъ почему я безъ особеннаго огорченія почти совершенно не коснулся такого важнаго отдѣла какъ медицинскій и безъ всякаго вниманія оставилъ вопросъ о перевозкѣ переселенцевъ, ибо знаю, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, т. е. опять-таки набившихъ и мнѣ то самому оскомину анекдотовъ. Признаюсь, долго раздумывалъ я о постановкѣ продовольственнаго дѣла—писать или нѣтъ? Но и тутъ воздержался, хотя съ большимъ трудомъ: очень ужъ меня прельщали такъ называемыя «факторіи», образованныя Енисейскимъ переселенческимъ управленіемъ для снабженія вновь водворившихся переселенцевъ всѣми предметами первой необходимости. Восхищало меня прежде всего въ данномъ случаѣ самое слово „факторія“; такъ и пахнуло на меня отъ этого слова далекимъ дѣтскимъ воспоминаніемъ, точно въ воздухѣ, гдѣ-то по близости, незримыми тѣнями зарѣяли Фениморъ Куперъ и Майнъ-Ридъ, а то и самъ Густавъ Эмаръ... Да и, вообще говоря, кому-же въ преклонномъ возрастѣ не пріятно на мигъ погрузиться въ далекое счастливое былое... А все таки не соблазнился. Ввздержался даже и тогда когда былъ поставленъ въ извѣстность объ устройствѣ «Шарловской факторіи» на переселенческомъ участкѣ того-же наименованія, на томъ участкѣ, гдѣ до конца 1911 года было не болѣе 8 дворовъ, а на двухъ сосѣднихъ по 3 и 4 двора. Промолчалъ и въ то время, когда намѣчено было устройство „факторіи“ близъ дер. Кондратьевой на р. Чунѣ и вся бѣда была лишь въ томъ, что переселенческое управленіе не знало, какъ туда доставлять необходимые продукты, что съ одной стороны показывало необычайную точность изслѣдованія условій на мѣстѣ, а съ другой говорило о несомнѣнной храбрости переселенческаго управленія, рисковавшаго проектировать

«факторію» едва-ли не прямо по плановому матеріалу. И тутъ, отринувъ бѣса блудословія, я воздержался.

Но за всѣ мои добродѣтели, по которымъ, не сомнѣваюсь въ этомъ, я смѣло могъ-бы состязаться съ преподобнымъ Антоніемъ, я вознагражденъ тѣмъ, что въ данный моментъ лежитъ предо мною «карта, составленная по распоряженію и программѣ завѣдывающаго переселеніемъ и землеустройствомъ въ Енисейской губерніи В. Ю. Григорьева», съ приложеннымъ къ ней „Спискомъ переселенческихъ и запасныхъ участковъ, образованныхъ въ Енисейской губерніи съ 1893 по 1909 годъ включительно“.

Чѣмъ-чѣмъ, а тѣмъ, что люблю видѣть красивую изящную работу я грѣшенъ и этой безспорно невинной страстишкѣ карта удовлетворяетъ полностью. Иллюминована она прекрасно, нанесены всѣ рѣки, рѣчки и озера, равно какъ и тракты, проселочныя дороги и дороги, построенныя мѣстнымъ переселенческимъ управленіемъ, не говоря уже о томъ, что нанесены всѣ переселенческіе участки, образованные съ 1893 года по 1909 годъ при масштабѣ 23 версты въ дюймѣ, т. е. сдѣлана гигантская по своей кропотливости работа, заслуживающая всяческаго поощренія... Конечно, относительно точности разстояній между различными группами участковъ у меня возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе: тамъ, гдѣ нѣтъ привязочныхъ линій между этими группами, тамъ разстояніе изъ 20 верстнаго можетъ превратиться и даже довольно легко въ 60 верстное... Но стоитъ-ли считаться съ такими пустяками въ Сибири съ ея разстояніями?! Да, наконецъ, и на солнцѣ бываютъ пятна... Но за то какъ все иллюминованно!! Ахъ, какъ иллюминовано!

Но вотъ «списокъ», тотъ наводитъ на размышленія менѣе радужнаго характера; назначеніе его несомнѣнно иллюстрировать, такъ сказать, карту, дополнять и пояснять то, что нельзя выразить на картѣ. И что-же? Въ спискѣ мы видимъ номерацію и названія участковъ—это великолѣпно; видимъ и

годъ образованія участка—это тоже очень хорошо. Но изъ того же списка мы никакъ не можемъ усмотрѣть, на сколько душъ нарѣзанъ каждый участокъ и сколько въ немъ ко дню составленія „списка“ (20 декабря 1909 г.) ихъ проживало, не говоря о тѣхъ, на которыхъ и по настоящее время никто не живетъ, несмотря на давность ихъ отвода. Я понимаю, что для переселенческаго управленія дать эти свѣдѣнія значило раскрыть свои работы во всей ихъ неприглядной наготѣ, но вѣдь нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что безъ этихъ дополнительныхъ данныхъ вся эта копотливая и, надо признаться, трудная работа, съ красиво иллюминованной картой и спискомъ, теряетъ всякій свой смыслъ и равна нолю и я не могу не сознаться, что вся эта исторія въ значительной степени напомнила мнѣ давно слышанную или гдѣ то читанную исторію про осла, который желая придать себѣ блестящій видъ натянулъ на себя львиную шкуру и въ такомъ видѣ появился передъ публикой. Къ сожалѣнію бѣдное животное, сгибаясь подъ тяжестью львиной шкуры и, закрывши ею все тѣло, никакъ не могло скрыть отъ глазъ другихъ свои, не въ мѣру длинныя, уши и за обманъ было вздуто палками. Соотношенія прямого къ картѣ и списку это, конечно, не имѣетъ и я право не знаю, почему мнѣ вспомнилась именно эта исторія, а не другая. А, вотъ, подите-же, вспомнилась...

Быть можетъ свѣдѣній, о которыхъ я говорю, у переселенческаго управленія въ то время и не имѣлось?

Но я самымъ категорическимъ образомъ утверждаю, что онѣ имѣлись и основываю свое утвержденіе на томъ, что въ то время, когда составлялась карта участковъ и списокъ къ нимъ, въ Красноярскъ ожидался пріѣздъ извѣстнаго любвеобильнаго протоіерея о. Восторгова и вотъ къ пріѣзду этого-то пастыря, интересовавшагося постановкой дѣла православія въ переселенческихъ участкахъ, въ стѣнахъ переселенческаго управленія изготовлялась карта

участковъ, причемъ тѣ участки, которые были заселены полностью, окрашивались въ розовую краску тѣ, которые были заполнены на половину, отличались нѣжнымъ блѣднорозовымъ окрасомъ, незаселенные-же участки оставались незакрашенными совсѣмъ. Поднесена-ли была эта карта о. Восторгову— не знаю, но достаточно что она была, а значитъ были и тѣ свѣдѣнія, о которыхъ я говорю.

На этомъ я и оканчиваю свои добродушно—шутливые анекдоты изъ дѣйствительной жизни переселенческой эпопеи и перехожу къ тому краткому резюме, которое считаю возможнымъ сдѣлать изъ всего мною написаннаго, распредѣляя всѣ выводы по пунктамъ:

1. Полная неподготовленность главнаго переселенческаго управленія къ постановкѣ работъ въ широкихъ размѣрахъ, благодаря отсутствію опытныхъ техническихъ силъ—съ одной стороны и неимѣніе предварительныхъ цифровыхъ данныхъ о томъ, куда и сколько намѣревается пройти переселенцевъ—съ другой. Результатомъ этого явилось:

2. Полное отсутствіе планомѣрности въ работахъ— во-первыхъ, плохое качество работъ—во-вторыхъ и невозможность болѣе или менѣе обстоятельнаго предварительнаго изслѣдованія мѣстностей, гдѣ предполагалось поставить работы—въ третьихъ. Все это вмѣстѣ взятое повлекло за собою:

3. Отводъ участковъ съ непригодною для сельскаго хозяйства почвою, съ отсутствіемъ воды или водою непригодною для питья; отводъ участковъ въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ по берегамъ сплавныхъ и судоходныхъ рѣкъ съ почвою для сельскаго хозяйства опять-таки непригодною; экспропріацію у старожилъ удобныхъ земель, часто не справляясь съ количествомъ душъ въ томъ или иномъ селеніи и наряду съ этимъ разореніе единственныхъ, наиболѣе культурныхъ заимочныхъ хозяйствъ въ Сибири; проведеніе дорогихъ, часто совершенно ненужныхъ, дорогъ по глухой тайгѣ, вызвавшихъ за отсутствіемъ надзора за рабочими громадные за послѣднее время

таежные пожары, истребившіе милліоны десятинъ лѣса преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, откуда только и былъ-бы возможенъ въ будущемъ экспортъ за границу. И, наконецъ, благодаря тому-же отсутствію планомѣрности въ постановкѣ работъ, работы эти, начавшись въ одномъ мѣстѣ, переходили въ другое и затѣмъ опять сплошь и рядомъ по нѣсколько разъ возвращались обратно, что особенно вредно отразилось на казенныхъ лѣсныхъ дачахъ.

Результаты вышеприведенной дѣятельности главнаго переселенческаго управленія не заставили себя ждать и они сказались:

1. Въ образованіи той „бродячей Руси“, которая въ количествѣ не одной сотни тысячъ душъ не пристроилась на участки и не приписалась къ старожильческимъ селеніямъ и до настоящаго времени.

2. Въ бѣгствѣ переселенцевъ съ занятыхъ ими участковъ.

3. Въ увеличеніи обратнаго движенія въ Европейскую Россію, благодаря чему тамъ начинаетъ группироваться элементъ безспорно вредный для всякаго государственнаго строя.

4. Въ антагонизмѣ на аграрной почвѣ между переселенцами и старожилами.

5. Въ жестокой эксплоатаціи старожилами переселенцевъ, какъ приписавшихся, тахъ и не приписавшихся къ старожильческимъ селеніямъ.

6. Въ постепенномъ обнищаніи старожильскаго населенія, надѣлы коего въ 6—7 десятинъ являются уже не только обычнымъ явленіемъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ доходятъ и до $3^1/_2$ десятинъ на душу.

7. Въ хищническомъ истребленіи своихъ лѣсовъ какъ переселенцами, такъ и старожилами.

8. Въ громадныхъ ежегодныхъ лѣсныхъ пожарахъ на сотни верстъ.

9. Въ полномъ разгромѣ того, что именуется раціональнымъ лѣснымъ хозяйствомъ, причемъ лѣсное вѣдомство было вовлечено въ совершенно непроизводительные и крупные расходы по лѣсоустройству.

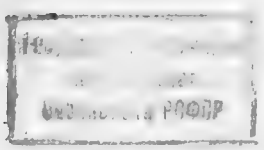
10. Въ увеличивающемся годъ отъ года обмелѣніи какъ сплавныхъ рѣкъ, такъ и судоходной рѣки Енисея, что, несмотря на многоводность сибирскихъ рѣкъ, при ихъ мелководномъ и притомъ каменистомъ фарватерѣ, грозитъ неисчислимо вредными послѣдствіями для края.

На этомъ я и оканчиваю. И, какъ видно, результатъ дѣятельности главнаго переселенческаго управленія не изъ блестящихъ, почему я и начинаю бояться, что ужъ и на самомъ дѣлѣ не правъ ли неизвѣстный мнѣ авторъ корреспонденціи изъ Минусинска („Новая Русь“ 20 іюня 1909 г.), который по моему адресу говоритъ такъ:

„Въ заключеніе сдѣлаемъ автору писемъ „переселенческой сутолоки“ еще одно маленькое замѣчаніе. Мы думаемъ, что заглавіе имъ выбрано не совсѣмъ удачно. Понятіе о сутолокѣ даетъ нѣкоторую, хотя бы отдаленную возможность предполагать, что авось-де что нибудь путное изъ всего этого въ концѣ концовъ и выйдетъ. А тутъ какая-же сутолока? Тутъ просто-на-просто безтолочь, которой и конца, и краю не видишь“.

Охъ, едва-ли не правъ.

А. Комаровъ.



Магаз...
6 р.

Цѣна 60 коп.